

Институт славяноведения РАН
Балканские чтения. 17

БАЛКАНСКИЕ ЧТЕНИЯ. 17

**ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ
И НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ
В ЯЗЫКАХ И КУЛЬТУРАХ
БАЛКАН**

Москва, 2023

Институт славяноведения РАН

Балканские чтения. 17

ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ
И НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ
В ЯЗЫКАХ И КУЛЬТУРАХ
БАЛКАН

МОСКВА

2023

УДК 81-13
ББК 81-67(47)
О-62

УТВЕРЖДЕНО К ПЕЧАТИ УЧЕНЫМ СОВЕТОМ
ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН
(Протокол № 3 заседания Ученого совета
ФГБУН Института славяноведения РАН
от 28.03.2023)

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

к.ф.н. *М. В. Ясинская*,
чл.-корр. РАН *А. Л. Топорков*

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

И. А. Седакова (отв. ред.), *М. М. Макартцев*, *Т. В. Цивьян*

Определенность и неопределенность в языках и культурах Балкан / Отв. ред. И. А. Седакова, ред. М. М. Макартцев, Т. В. Цивьян. — М.: Институт славяноведения РАН, 2023. (Балканские чтения. 17.) — 184 с.: ил.

ISBN 978-5-7576-0483-1

DOI 10.31168/2618-8597.2023.17

В сборник вошли материалы к очередным Балканским чтениям (Балканские чтения 17. «Определенность и неопределенность в языках и культурах Балкан». Москва, Институт славяноведения РАН, 25–27 апреля 2023), организованным Центром лингвокультурных исследований *Balcanica* и посвященным *определенности / неопределенности* как одной из самых показательных категорий Балканского языкового союза.

Definiteness and indefiniteness in the languages and cultures of the Balkans / Ed.-in-chief I. A. Sedakova, eds. M. M. Makartsev, T. V. Civyjan. Moscow: Institute of Slavic Studies, 2023. (Series *Balcanica*. 17.) — 184 p., illustr.

The book includes preliminary materials for the biannual Balkan conference (*Balkanskie chteniya / Series Balcanica 17*. Moscow, Institute of Slavic Studies, April, 25–27, 2023), organized by the Centre for Linguocultural Research “*Balcanica*” and dedicated to *definiteness / indefiniteness* as one of the most typical categories of the Balkan Sprachbund.

УДК 81-13
ББК 81-67(47)

ISSN 2618-8597

© Коллектив авторов, текст, 2023
© Институт славяноведения РАН, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

М. М. Макарецев (Москва / Ольденбург),
И. А. Седакова, Т. В. Цивьян (Москва).

Предисловие. Определенность и неопределенность в языках и культурах Балкан	8
<i>Maxim M. Makartsev</i> (Moscow / Oldenburg), <i>Irina A. Sedakova, Tatiana V. Civjan</i> (Moscow). Foreword. Definiteness and indefiniteness in the languages and cultures of the Balkans	8

БАЛКАНСКАЯ АНТИЧНОСТЬ

Л. И. Акимова (Москва).

Загадка южноиталийского Эроса: двусмысленность формы, неопределенность функции	19
<i>Liudmila I. Akimova</i> (Moscow). The riddle of the South Italian Eros: Ambiguity of form, indeterminacy of function	19

А. А. Евдокимова (Москва).

К вопросу об особенностях противопоставления определенности — неопределенности в византийских греческих надписях	27
<i>Aleksandra A. Evdokimova</i> (Moscow). Specific features of the opposition 'definiteness — indefiniteness' in the Byzantium Greek epigraphs	27

А. А. Новохатько (Салоники / Фрейбург-в-Брейсгау).

Свидетельство и доказательство как умышленные игры с памятью в текстах классических греческих авторов	34
<i>Anna A. Novokhatko</i> (Thessaloniki / Freiburg im Breisgau). Evidence and proof as deliberate memory games in the texts of classical Greek authors	34

Н. Н. Казанский (Санкт-Петербург).

Определить противника и назвать его по имени	39
<i>Nikolai N. Kazansky</i> (Saint Petersburg). How to define the adversary and to name him	39

ГРАММАТИКА И СЕМАНТИКА

<i>П. Асенова</i> (София).	
Определенный артикль за пределами определенности	49
<i>Petya Assenova</i> (Sofia).	
The definite article beyond definiteness	49
<i>Ekaterina Tarpomanova, Bilyana Mihaylova</i> (София).	
Determination in possessive, demonstrative and possessive-demonstrative constructions in the Balkan languages	57
<i>Е. Търпоманова, Б. Михайлова</i> (София).	
Определенность в посессивных, указательных и посессивно-указательных конструкциях в балканских языках	57
<i>Х. Марку</i> (Комотини).	
Некоторые наблюдения над употреблением лексем <i>сам</i> / <i>ιδίος</i> в болгарском и новогреческом языках	64
<i>Christina Markou</i> (Komotini).	
Some observations on the uses of the lexemes <i>сам</i> / <i>ιδίος</i> in Bulgarian and Modern Greek	64
<i>Н. И. Кикило</i> (Москва).	
Квазимперативные формы при пересказе повеления в македонском языке	70
<i>Natalia I. Kikilo</i> (Moscow).	
Quasi-imperatives in indirect commands in Macedonian	70
<i>Olivier Winistörfer, Anastasia Escher</i> (Zürich).	
At the crossroads of definiteness, specificity, and animacy — the local patterns of Differential Object Marking in the Aromanian varieties	75
<i>О. Винистёрфер, А. Эшер</i> (Цюрих).	
На распутье между определенностью, специфичностью и одушевленностью — диалектные типы дифференцированного маркирования объекта в арумунских идиомах	75
<i>И. И. Казаков</i> (Москва).	
К проблеме типов артиклей в румынском языке и их статуса в румынском языкознании	83
<i>Ivan I. Kazakov</i> (Moscow).	
On the problem of types of articles in Romanian language and their status in Romanian linguistics	83

КОНТАКТОЛОГИЯ И ДИАСПОРЫ

- М. М. Макартцев* (Москва / Ольденбург).
 Псевдоартикли в переселенческом штокавском диалекте
 в Южной Албании: к одной типологической параллели
 между Балканами и Русским Севером 91
Maxim M. Makartsev (Moscow / Oldenburg).
 Pseudoarticles in a migrant Štokavian dialect in Southern Albania:
 On a typological parallel between the Balkans and the Russian North 91
- Г. П. Пилипенко, С. А. Борисов* (Москва).
 Да-конструкции в переселенческих небалканских идиомах
 в сербскохорватском языковом окружении 98
Gleb P. Pilipenko, Sergej A. Borisov (Moscow).
 Da-forms in migrant non-Balkan varieties
 in the Serbo-Croatian linguistic environment 98
- М. С. Морозова* (Санкт-Петербург).
 Грамматическая (не)определенность имен
 в албанском диалектном тексте: предложные конструкции
 в говорах исторической диаспоры 103
Maria S. Morozova (Saint Petersburg).
 Grammatical (in)definiteness of the nouns in the Albanian dialectal text:
 Prepositional phrases in the old diaspora varieties 103
- А. Ю. Русаков* (Санкт-Петербург / Тирана),
М. С. Морозова (Санкт-Петербург).
 Албанские городские идиомы и говоры хинтерланда:
 попытка сопоставления 110
Alexander Yu. Rusakov (Saint Petersburg / Tirana),
Maria S. Morozova (Saint Petersburg).
 Albanian urban varieties and the dialects in the hinterland:
 An attempt of comparison 110

ОБРЯД И РИТУАЛ

- Н. Г. Голант* (Санкт-Петербург).
 «Свидетельство» (*mărturie*) в погребально-поминальной обрядности
 румын (влахов) восточной Сербии 117
Natalia G. Golant (Saint Petersburg).
 “Testimony” (*mărturie*) in the funeral rites of Romanians (Vlachs)
 in Eastern Serbia 117

<i>А. А. Плотникова</i> (Москва).		
<i>Мартула (marturija)</i> в диалектах восточной Сербии: происхождение и функциональная нагрузка термина в обряде	123	
<i>Anna A. Plotnikova</i> (Moscow).		
<i>Martula (marturija)</i> in the dialects of Eastern Serbia: The origin and functional load of the term in the rite		123
<i>А. С. Дугушина</i> (Санкт-Петербург).		
Современная албанская свадьба: «определенность» как атрибут традиционного сценария свадебного ритуала и «неопределенность» как диалог с традицией	128	
<i>Aleksandra S. Dugushina</i> (Saint Petersburg).		
Modern Albanian wedding: “Certainty” as an attribute of the traditional scenario of the wedding ritual and “uncertainty” as a dialogue with the tradition		128
ФОЛЬКЛОР И НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА		
<i>М. М. Валенцова</i> (Москва).		
Не то лётом, не то скоком, а не то и ползком: категория неопределенности в мифологии	135	
<i>Marina M. Valentsova</i> (Moscow).		
Whether flying, whether jumping, or whether crawling: The category of uncertainty in mythology		135
<i>К. А. Климова</i> (Москва).		
«Дьяволы разные»: определенность и неопределенность в номинации новогреческих мифологических персонажей	141	
<i>Ksenia A. Klimova</i> (Moscow).		
“Devils are different”: Certainty and uncertainty in the nomination of modern Greek mythological characters		141
<i>М. М. Рыжова</i> (Санкт-Петербург).		
Определенное и неопределенное пространство в румынских заговорных текстах	146	
<i>Maria M. Ryzhova</i> (Saint Petersburg).		
Definite and indefinite space in Romanian spells		146
<i>А. В. Жугра</i> (Санкт-Петербург).		
<i>Vjeshkë</i> ‘высокая гора с летним пастбищем; летнее пастбище’ как эпический локус богатыря (на материале героических албанских песен)	152	

<i>Alvina V. Zhugra</i> (Saint Petersburg). <i>Bjeshkë</i> ‘high mountain with summer pasture; alpine pasture’ as a locus of an epic hero (based on the material of heroic Albanian songs)	152
И. А. Седакова (Москва). Реальное и ирреальное (мифическое) в болгарских народных балладах («Мать превращает сына в змею / ужа»)	157
<i>Irina A. Sedakova</i> (Moscow). Real and irreal (mythic) motifs in the Bulgarian folk ballads (“The mother turns her son into a serpent / grass-snake”)	157
<u>VARIA</u>	
А. А. Новик (Санкт-Петербург). Технологии филиграни в ювелирном искусстве Северной Македонии начала XXI в.: Восток и Запад, традиции и поиски нового	165
<i>Alexander A. Novik</i> (Saint Petersburg). Filigree technologies in the jewelry art of North Macedonia at the beginning of the 21st Century: East and West, traditions and the search for the new	165
Е. А. Сартори (Афины). О поэтическом идиолекте Йоргоса Химонаса на примере произведения «Враг поэта»	173
<i>Elena Sartori</i> (Athens). On the poetic idiolect of Giorgos Cheimonas in the case of the novel “The Enemy of the Poet”	173
Victor A. Friedman (Chicago / Melbourne). Kulturwörter, ERIC loans, the Balkan Sprachbund, and the taboo of obscenity	179
<i>V. A. Фридман</i> (Чикаго / Мельбурн). Культурные и заимствованные слова, балканский языковой союз и табу obscenity	179

ПРЕДИСЛОВИЕ.
ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ И НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ
В ЯЗЫКАХ И КУЛЬТУРАХ БАЛКАН

Максим Максимович Макарецв

*Институт славяноведения РАН (Москва)
Институт славистики Университета
им. Карла фон Осецкого (Ольденбург)
maxim.makartsev@uni-oldenburg.de*

Ирина Александровна Седакова

*Институт славяноведения РАН (Москва)
ised@mail.ru*

Татьяна Владимировна Цивьян

*Институт славяноведения РАН (Москва)
tvcivjan@yandex.ru*

В этот сборник вошли министатьи с развернутыми тезисами докладов, которые будут представлены на очередных, семнадцатых по счету Балканских чтениях (Москва, Институт славяноведения РАН, 25–27 апреля 2023 г.).

За тридцать три года, прошедшие с первых Чтений в 1990 г. (см. публикации БЧ 1 [1] 1990; БЧ 1 [2] 1991; БЧ 1 [3] 1992), эти конференции стали крупнейшей отечественной площадкой, объединяющей исследователей языков, культур, фольклора, литературы и истории балканского региона и важнейшим событием для российских и зарубежных балканистов (Макарецв, Седакова, Цивьян 2020). С 2008 г. Чтения проводит Центр лингвокультурных исследований Balcanica, стараясь придерживаться двухлетнего ритма: по нечетным годам проводятся собственно Балканские чтения, а по четным — тематически связанные с ними круглые столы (см. подробнее: Макарецв, Седакова, Цивьян 2022).

Первые симпозиумы были посвящены широкой тематике, однако с Балканских чтений 5 (БЧ 5 1999) организаторы стали предлагать в качестве основной проблематики, вокруг которой концентрируются все выступления, более узкие и конкретные понятия, которые важны для анализа элементов структуры балканского языкового союза, балкан-

ского текста и балканской модели мира и которые собираются в своего рода понятийный словарь — балканский тезаурус¹. Эти концепты принадлежат к разным уровням: среди них семиотические понятия и операции (переходы / перемены / превращения, БЧ 10 2009; свет и цвет, БЧ 11 2011, МКС 3 2013; семиотические коды, основанные на разных способах восприятия, БЧ 12 2013; бинарная оппозиция внутренних / внешних, БЧ 14 2017); пласты балканских языковых и культурных явлений, объединенных общим происхождением («балканское» (БЧ 5 1999), «ориентальное» (БЧ 7 2003), «западное» (БЧ 8 2005) на Балканах); названия общебалканских праздников и ритуалов (зимние праздники, МКС 4 2014 и БЧ 13 2015; весенние праздники (МКС 3 2013) и, в частности, мартовская обрядность (МКС 1 2009)); различные аспекты коммуникации (дейксис и (языковые) жесты, см. МКС 5 2017; полилог, МКС 6 2018; БЧ 15 2019; перевод, БЧ 16 2021; МКС 7 2022).

Настоящий сборник посвящен семиотической оппозиции *определенность / неопределенность*. Это одна из важнейших для балканского языкового союза и модели мира балканцев семантических и грамматических категорий. Эксплицитно или имплицитно она проявляется на разных уровнях языка (лексика, морфология, синтаксис...) и текста (в экстенсивной интерпретации: фольклор, обрядность, литература, изобразительное искусство...) — см., например, один из ранних сборников, подготовленных в русле идей Московской школы балканской лингвистики (Николаева 1979).

Сборник открывают исследования по балканской античности, которые отражают многообразие подходов, традиционно представленных на наших конференциях: это и собственно лингвистическое исследование А. А. Евдокимовой, посвященное византийской греческой эпиграфике (основанное, впрочем, на анализе текстов и их контекста), и статьи Л. И. Акимовой и А. А. Новохатько, рассматривающие античные тексты, понимаемые максимально широко (от собственно литературных текстов, их рецепции, терминологии к текстам визуальным, раскрывающих особенности античной модели мира). Н. Н. Казанский представил исследование, в котором он рассматривает строение речи Елены в сцене тейхоскопии (II. 3, 167 сл.), когда она рассказывает Приаму о греческих героях, называя их по имени и используя указательное местоимение *οὗτος*, которое обладает высокой степенью определенности.

¹ См. концепцию проекта «Балканский тезаурус» в (Цивьян, Седакова, Макарецв 2016).

Мы рады отметить, что как и в предыдущие годы, у Балканских чтений получилась представительная лингвистическая часть, при этом наши участники не только продолжают анализ современных литературных балканских языков (статьи П. Асеновой, И. И. Казакова, Н. И. Кикило, Х. Марку, Е. Тырпомановой и Б. Михайловой), но и используют новые полевые материалы для описания малоизученных диалектов и контактных ситуаций (статьи М. М. Макарецев, О. Винистёрфера и А. Эшер, Г. П. Пилипенко и С. Б. Борисова, М. С. Морозовой — отдельная и в соавторстве с А. Ю. Русаковым). Рассмотрение *определённости / неопределённости* в семантическом плане позволяет обратиться к анализу и именной системы (в частности, артиклей и указательных местоимений), и глагольных форм, связанных с (*не*)*определённостью* семантически (например, эвиденциальной системы и *да*-форм).

Некоторые из этих работ отражают цифровой поворот, происходящий в последние десятилетия в лингвистике: опору на большие корпусные данные (*big data*) и статистический анализ диалектных материалов. При этом намечаются два взаимодополняющих подхода — диалектометрия, основанная на большой выборке по опубликованным источникам (статья М. С. Морозовой и А. Ю. Русакова, продолжающая их проект по языковой сложности, см. Morozova, Escher, Rusakov 2022), и микродиалектное варьирование, показывающее роль разных параметров языкового контакта в процессе языковых изменений (статья О. Винистёрфера и А. Эшер). Крайний случай такого варьирования — изучение отдельных идиолектов (статья М. М. Макарецев). Анализ языкового контакта между балканскими и не-балканскими языками и диалектами позволяет наблюдать за балканизацией *in statu nascendi* — это многообещающее направление исследований, которое фиксирует изменения и помогает прояснить особенности возникновения, иррадиации балканизмов и других контактных явлений, способствуя реконструкции диасхронии балканского языкового союза.

Важное место занимают этнолингвистические, этнографические и фольклористические работы (статьи М. М. Валенцовой, А. В. Жугры, К. А. Климовой, М. М. Рыжовой, И. А. Седаковой). Демонология — традиционная тема Балканских чтений, и наш семнадцатый симпозиум не стал исключением. Категория *определённости / неопределённости* трактуется К. А. Климовой и М. М. Валенцовой в разных ракурсах, однако их исследования позволяют сопоставить новогреческую и славянские системы мифологических персонажей. И. А. Седакова обращается

к изображению ирреального (волшебное преобразование и появление мифологического гибридного персонажа) в болгарских народных балладах, анализируя фольклорную поэтику и образность в сопоставлении с художественными приемами в прозаических нарративах.

В разделе «Обряд и ритуал» можно видеть обращение к «малым» балканским традициям — гетероязыковым и гетероконфессиональным по отношению к окружению (Н. Г. Голант, А. А. Плотникова). Статьи Н. Г. Голант и А. А. Плотниковой представляют собой взгляд на один обряд (сербск. *мартула* / *мартурија* vs. влашск. *mărturie*) через призму двух контактных традиций в восточной Сербии. Статья А. С. Дугушиной посвящена мажоритарной традиции — албанской — однако публикуемый ею анализ показывает, как видоизменяется живая традиция в современном албанском обществе, проходя через трансформации, типичные для многих стран и культур. Сохранение традиций с включением инноваций — важная тенденция, которая обсуждается во многих статьях сборника. Так, А. В. Жугра подробно рассматривает важнейший локус *bjeshkë* ‘высокая гора с летним пастбищем; летнее пастбище’, представленный в героических эпических песнях албанцев, выявляя его сакральные и профанные, бытовые черты.

По традиции, в сборник также включены статьи более широкой тематики (смежной с общей проблемой), эксплицитно или имплицитно затрагивающие некоторые аспекты семиотической категории определенности, иногда довольно в неожиданных преломлениях (статьи А. А. Новика, Е. А. Сартори и В. А. Фридмана).

Таким образом, Балканские чтения 17, в рамках которых анализу будут подвергнуты все балканские языки и многие диалекты, знаменуют собой современное «прочтение» важнейшей категории балканского языкового союза *определенность* / *неопределенность* и показывают широкие возможности транспозиции лингвистических методов в область литературы, фольклора, обрядности, изобразительной и материальной культуры.

В этот раз в дни Балканских чтений пройдет круглый стол «Balcano-Balto-Slavica и семиотика», организованный по гранту РФФ 22-18-00365 «Семиотические модели в кросскультурном пространстве: Balcano-Balto-Slavica» (<https://rscf.ru/project/22-18-00365/>), на котором прозвучат доклады по истории и развитию семиотических исследований на материале балканских, славянских и балтийских языков и культур. По сложившейся традиции, будут также рассматриваться семиотические аспекты фольклора, кинематографа и изобразительного искусства. Материалы кругло-

го стола будут опубликованы в 2023 г. отдельным сборником в рамках серийного издания «Материалы круглого стола ЦЛИ Balcanica».

На обложку сборника мы вынесли термины для обозначения *определенности / неопределенности* в разных балканских языках. Даже при подготовке этой небольшой выборки мы столкнулись с проблемами многозначности и «неопределенности (не)определенности» — русский термин для этой категории используется также в более широком значении номинализации от прилагательного *определенный*, значение которого в разговорном языке оказывается размытым: это и ‘твёрдо установленный, обозначенный’, ‘прочно сложившийся, установившийся’, ‘получивший ясное, отчетливое выражение’; (разг.) ‘явный, очевидный, безусловный’ — но и ‘известный, тот или иной, некоторый’ (БСРЯ), то есть в некоторых употреблениях *определенное* оказывается связанным со своей противоположностью — *неопределенным*. Эта энантиосемия прослеживается в сербскохорватском (*određen (određen)* и *neodređen (neodređen)*) и в балканославянских языках (болг. и макед. *определен* vs. *неопределен*), однако в лексикографических описаниях других балканских языков ее нет. Так, албанское *shquarsi* ‘(грамматическая) определенность’ (и соотв., *pushquarsi* ‘неопределенность’) образовано от адъективизированного причастия *i shquar*: ‘выделяющийся среди других по умениям, способностям или особым заслугам’; ‘имеющий исключительную или особую важность, отмеченный, великий’, ‘имеющий большую художественную или научную ценность’; ‘высокий, уважаемый’ (FGjSSh 1981); греческое *οριστικότητα* — от прилагательного *οριστικός* ‘окончательный, достигший полной определенности и далее не подлежащий изменениям’ (а его антоним *αοριστία* — от прилагательного *αόριστος* с тем же корнем с общим значением границы) (Μλαμλινιώτης 2002); румынское *determinare* (антоним *nedeterminare*) — от заимствованного (< латинск. или < франц.) глагола *a determina* ‘необходимым образом обуславливать, быть причиной появления или развития чего-либо’; ‘зафиксировать; установить, решить’; ‘заставить кого-либо принять некоторое решение’ (DEX 2009)². Дальнейшее рассмотрение семантики этих слов выводит на целый спектр известных балканистических проблем, из которых упомянем только особый статус румынского языка между романскими и славянскими языками (хотя глагол *a determina* и является поздним книжным заимствованием, его антоним использует

² Благодарим К. А. Климову и М. М. Рыжову за консультацию.

славянскую приставку) и важное значение греческого заимствованного корня *орис-* в балканской народной мифологии (ср. болг. *орис* и *орисия* ‘судьба’, *орисам* с вариантами ‘определять, какой будет чья-либо жизнь, предсказывать’, ср. румынск. *ursi* ‘то же’; *орисници* ‘мифические существа, определяющие судьбу человека на третью ночь после рождения’, ср. румынск. *ursitoare* ‘то же’ — БЕР IV 1995).

Проблема (не)определенности и неизвестности особенно остро встала перед многими из нас в прошедшем году и даже раньше, в 2020–2021 гг., во время пандемии COVID-19. Будущее представляется неопределенным *par excellence* (не случайно, что во многих языках мира, в том числе и в балканских, значения будущего выражаются граммемами из зоны значений ирреалиса) — но хочется надеяться, что оно наступит и в нем будет место и для нас.

БИБЛИОГРАФИЯ

- БЕР IV 1995 — Български етимологичен речник. Т. IV. Минго²–Падам. / Науч. ред. В. И. Георгиев, И. Дуриданов. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 1995.
- БСРЯ 2004 — Большой академический словарь русского языка. Т. I–. М., СПб.: Наука, 2004–.
- Николаева 1979 — Категория определенности–неопределенности в славянских и балканских языках / Отв. ред. Т. М. Николаева. М.: Наука, 1979.
- Макарцев, Седакова, Цивьян 2020 — *Макарцев М. М., Седакова И. А., Цивьян Т. В.* Московская школа балканской лингвистики: основные вехи // Балканско езикознание / *Linguistique balkanique*, 2 (59), 2020. С. 245–264.
- Макарцев, Седакова, Цивьян 2022 — *Макарцев М. М., Седакова И. А., Цивьян Т. В.* Предисловие. Стратегии межбалканской коммуникации и перевод // Стратегии межбалканской коммуникации: перевод / Отв. ред. И. А. Седакова, ред. М. М. Макарцев, Т. В. Цивьян. М.: Институт славяноведения РАН, 2022. (Материалы круглого стола ЦЛП Balcanica. 7.). С. 5–14. DOI 10.31168/2619-0842.2022.7.01
- DEX 2009 — *Dicționarul explicativ al limbii române* / Cond. Coteanu I., Mareș L. București: Academia Română, Institutul de Lingvistică; Editura Univers Enciclopedic Gold, 2009.
- FGjSSh 1981 — *Fjalor i gjuhës së sotme shqipe* / Kryered. Kostallari A. Prishtinë: Rilindja, 1981.

Morozova, Escher, Rusakov 2022 — *Morozova M., Escher A., Rusakov A.* Linguistic complexity of South Slavic dialects: A new perspective on old data // *Linguistics Vanguard*. 2022 (Ahead-of-print / Just-accepted). P. 1–22. <https://doi.org/10.1515/lingvan-2021-0116>

Μπαμπινιώτης 2002 — *Μπαμπινιώτης Γ.* Λέξικο της νέας ελληνικής γλώσσας με σχόλια για τη σωστή χρήση των λέξεων. Αθήνα: Κέντρο λεξικολογίας, 2002.

ПУБЛИКАЦИИ СЕРИИ
«БАЛКАНСКИЕ ЧТЕНИЯ»

БЧ 1 [1] 1990 — Симпозиум по структуре текста. Тезисы и материалы / Отв. ред. Н. П. Гринцер, ред. Н. В. Злыднева, В. Н. Топоров, Т. В. Цивьян. М.: Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1990. — 156 с. (Балканские чтения. 1 [1].)

БЧ 1 [2] 1991 — Балканские чтения — 1. Балканские древности. Материалы по итогам симпозиума. Март 1990 года / Ред. Н. П. Гринцер, В. Н. Топоров, Т. В. Цивьян. М.: Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1991. — 128 с. (Балканские чтения. 1 [2].)

БЧ 1 [3] 1992 — Образ мира в слове и ритуале / Ред. Н. П. Гринцер, Н. В. Злыднева, В. Н. Топоров, Т. В. Цивьян. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1992. — 204 с. (Балканские чтения. 1 [3].)

БЧ 2 [1] 1992 — Симпозиум по структуре текста. Тезисы и материалы / Ред.-сост. Н. П. Гринцер, Т. В. Цивьян. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1992. — 158 с. (Балканские чтения. 2 [1].)

БЧ 2 [2] 1992 — Символический язык традиционной культуры / Отв. ред. С. М. Толстая, И. А. Седакова. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН; Русская пресс-служба, 1992. — 158 с. (Балканские чтения. 2 [2].)

БЧ 2 [3] 1994 — Знаки Балкан / Ред. Н. П. Гринцер, В. Н. Топоров, Т. В. Цивьян. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН; Радикс, 1994. Ч. I. — 236 с. Ч. II. — 184 с. (Балканские чтения. 2 [3].)

БЧ 3 1994 — Лингво-этнокультурная история Балкан и Восточной Европы. Тезисы и материалы симпозиума / Ред. Н. П. Гринцер, В. Н. Топоров, Т. В. Цивьян. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1994. — 158 с. (Балканские чтения. 3.)

БЧ 4 1997 — ЕЛЛАС. Древняя — Средняя — Новая Греция. Тезисы и материалы симпозиума / Сост. И. А. Седакова. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1997. — 124 с. (Балканские чтения. 4.)

БЧ 5 1999 — Балканские чтения — 5. Посвящаются Николаю Михайловичу Бахтину. В поисках «балканского» на Балканах. Тезисы и материалы симпозиу-

- ма / Ред. А. А. Плотникова, И. А. Седакова, Т. В. Цивьян. М.: Институт славяноведения РАН, 1999. — 130 с. (Балканские чтения. 5.)
- БЧ 6 2001 — Homo Balcanicus. Поведенческие сценарии и культурные роли. Античность. Средневековье. Новое время. Тезисы и материалы / Ред. И. А. Седакова, Т. В. Цивьян. М.: Институт славяноведения РАН, 2001. — 138 с. (Балканские чтения. 6.)
- БЧ 7 2003 — В поисках «ориентального» на Балканах. Античность. Средневековье. Новое время. Тезисы и материалы. 24–26 марта 2003 г. / Ред. И. А. Седакова, Т. В. Цивьян. М.: Институт славяноведения РАН, 2003. — 196 с. (Балканские чтения. 7.)
- БЧ 8 2005— В поисках «западного» на Балканах. Предварительные материалы. 22–24 ноября 2005. М.: Институт славяноведения РАН, 2005. — 274 с. (Балканские чтения. 8.)
- БЧ 9 2007 — Terra balcanica. Terra slavica. К юбилею Татьяны Владимировны Цивьян. 6 февраля 2007 / Ред. Т. Н. Свешникова, И. А. Седакова. М.: Институт славяноведения РАН, 2007. — 276 с. + 8 с. (Балканские чтения. 9.)
- БЧ 10 2009 — Переходы. Перемены. Превращения. Тезисы и материалы. 31 марта — 2 апреля 2009 года / Отв. ред. И. А. Седакова, ред. М. М. Макарецв, С. А. Сиднева, Т. В. Цивьян. М.: Институт славяноведения РАН, Центр лингвокультурных исследований Balcanica, 2009. — 192 с. (Балканские чтения. 10.)
- БЧ 11 2011 — Балканский спектр: От света к цвету. Тезисы и материалы. 22–24 марта 2011 года / Ред. М. М. Макарецв, И. А. Седакова, Т. В. Цивьян. М.: Институт славяноведения РАН, 2011. — 200 с. (Балканские чтения. 11.)
- БЧ 12 2013 — Балканская картина мира sub specie пяти человеческих чувств. Тезисы и материалы. 26–27 марта 2013 года / Ред. М. М. Макарецв, И. А. Седакова, Т. В. Цивьян. М.: Институт славяноведения РАН; Университет Дмитрия Пожарского, 2013. — 184 с. (Балканские чтения. 12.)
- БЧ 13 2015 — Балканский тезаурус: Начало. Тезисы и материалы. Москва, 7–9 апреля 2015 г. / Ред. М. М. Макарецв, И. А. Седакова, Т. В. Цивьян. М.: Институт славяноведения РАН; Принт Про, 2015. — 268 с. (Балканские чтения. 13.)
- БЧ 14 2017 — Балканский тезаурус: Взгляд на Балканы *извне и изнутри*. Тезисы и материалы. Москва, 18–20 апреля 2017 г. / Отв. ред. М. М. Макарецв, ред. И. А. Седакова, Т. В. Цивьян. М.: Институт славяноведения РАН, 2017. — 256 с. (Балканские чтения. 14.)
- БЧ 15 2019 — Балканский тезаурус: Коммуникация в сложно-культурных обществах на Балканах / Отв. ред. И. А. Седакова, ред. М. М. Макарецв, Т. В. Цивьян. М.: Институт славяноведения РАН, 2019. — 198 с. (Балканские чтения. 15.)

- БЧ 16 2021 — Стратегии межбалканской коммуникации: Перевод. Пересказ. Умолчание / Отв. ред. И. А. Седакова, ред. М. М. Макарецев, Т. В. Цивьян. М.: Институт славяноведения РАН; Индрик, 2021. — 168 с. (Балканские чтения. 16.)
- БЧ 17 2023 — Определенность и неопределенность в языках и культурах Балкан / Отв. ред. И. А. Седакова, ред. М. М. Макарецев, Т. В. Цивьян. М.: Институт славяноведения РАН; Индрик, 2023. (Балканские чтения. 17.)

ПУБЛИКАЦИИ СЕРИИ

«МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА ЦЛИ BALCANICA»

- МКС 1, 2009 — *Мартеница. Mărțișor. Mart'ç. Verore...*: Материалы круглого стола 25 марта 2008 года / Отв. ред. И. А. Седакова, ред. М. М. Макарецев, Т. В. Цивьян. М.: Институт славяноведения РАН, 2009. — 148 с. (Материалы круглого стола ЦЛИ Balcanica. 1)
- МКС 2, 2011 — *Salix sonora*: Памяти Николая Михайлова / Отв. ред. И. А. Седакова, М. В. Завьялова. М.: Пробел, 2011. — 336 с. (Материалы круглого стола ЦЛИ Balcanica. 2)
- МКС 3, 2013 — *Троица. Rusalii. Певтѣкоштѣ. Rrëshajët...* К мотиву зеленого в балканском спектре: Материалы круглого стола 17 апреля 2012 года / Отв. ред. М. М. Макарецев, ред. Д. С. Ермолин, И. А. Седакова, Т. В. Цивьян. М.: Институт славяноведения, 2013. — 190 с. (Материалы круглого стола ЦЛИ Balcanica. 3)
- МКС 4, 2014 — *Начало. Н архѣ. Fillimi. Începutul...* Рождество и Новый год на Балканах. Материалы круглого стола 25 февраля 2014 года / Отв. ред.: И. А. Седакова, ред. М. М. Макарецев, Т. В. Цивьян (ред.). М.: Институт славяноведения, 2014. — 160 с. (Материалы круглого стола ЦЛИ Balcanica. 4)
- МКС 5, 2017 — Балканский дейксис и балканские (языковые) жесты. Памяти Татьяны Михайловны Николаевой / Отв. ред. М. М. Макарецев, ред. И. А. Седакова, Т. В. Цивьян. М.: Институт славяноведения РАН, 2017. — 128 с. (Материалы круглого стола ЦЛИ Balcanica. 5)
- МКС 6, 2018 — Балканский полилог: коммуникация в культурно-сложных сообществах. Памяти Вячеслава Всеволодовича Иванова / Отв. ред. И. А. Седакова, ред. М. М. Макарецев, Т. В. Цивьян. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. — 224 с. (Материалы круглого стола ЦЛИ Balcanica. 6.)
- МКС 9, 2022 — Стратегии межбалканской коммуникации: перевод / Отв. ред. И. А. Седакова, ред. М. М. Макарецев, Т. В. Цивьян. М.: Институт славяноведения РАН, 2022. — 222 с. (Материалы круглого стола ЦЛИ Balcanica. 7.)

БАЛКАНСКАЯ АНТИЧНОСТЬ

ЗАГАДКА ЮЖНОИТАЛИЙСКОГО ЭРОТА: ДВУСМЫСЛЕННОСТЬ ФОРМЫ, НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ФУНКЦИИ

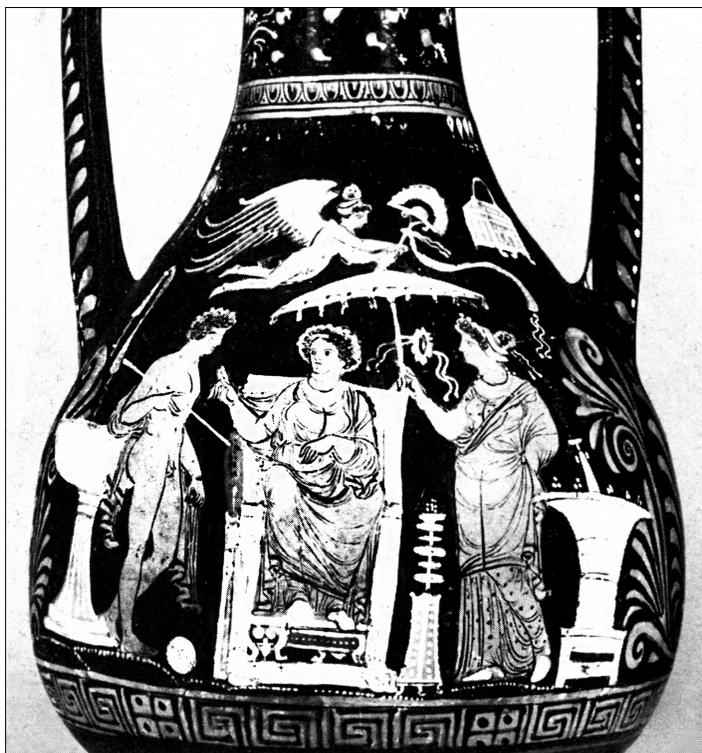
Людмила Ивановна Акимова

*Государственный музей изобразительных искусств
имени А. С. Пушкина (Москва)*

liudmila.akimova@arts-museum.ru

Искусство западных греков, история которого пока не написана, сплошь состоит из неопределенностей; особенно это касается его позднеклассической фазы, с огромным количеством расписных погребальных ваз, смысл которых во многом неясен. Неопределенности очевидны как на уровне морфологии и иконографии образов, так и в композиционной структуре. С особой очевидностью они выступают в фигуре Эрота, сына Афродиты, наиболее популярного героя искусства IV в. до н.э. В отличие от аттического бога любви, итальянский Эрот, как правило, андрогин, подросток или юноша, с детской перевязью на груди, с массой женских украшений, с женской прической и в женском чепце. Почему он таков? Отметим наиболее значимые композиционные ситуации, которые могли бы помочь понять смысл этой важной божественной фигуры.

1. Принадлежность к водному миру как сфере творения. Афродита у греков, родившаяся «из пены морской», — матриархальная Владычица вод, которую олимпийская редакция мифов пыталась заменить патриархом-Посейдоном, но в Италии это не привилось, и она осталась древним творцом космоса, отвечавшим за его рождение-смерть-возрождение, а стало быть, и за судьбы всех населяющих его людей (ср. Фрагменты 1989: 293, Парменид [13]). Водный хаос, среду творения, у итальянцев символизирует *лутерий* — большая чаша на ножке для омовений. Лутерий является местом *встречи-брака* Владычицы и умершего, приходящего к ней за спасением (илл. 1): их венчает Эрот (ср. RVar 2, 1982: Pl. 175.2; 187.2; 206.6). Ее представляет пышно одетая женщина, часто сидящая на троне, в присутствии компаньонки. Вместе они являют собой «двух богинь», субстантивированные фор-

Илл. 1.

мы ‘матери’ и ‘девы’, — исходно ‘девственной матери’, рождавшей сына-супруга в непорочном зачатии. Готовность к браку у них часто отмечена наличием *зеркала* — важнейшего атрибута, связанного с космогенезом: отражение дает только водная гладь, когда процесс творения закончен. Умерший — обнаженный юноша-странник с посохом, стоящий со *стригилем*, в знак того, что он уже прошел «водные страсти» и готов жениться.

2. Главный акт космогенеза — **разделение хаоса на две половины**, совершаемое женской его частью, — обычно предстает в символической форме на реверсах ваз (ср. симметричные фигуры «юношей в плащах»), тогда как ‘женихи’ с ‘невестами’ — на фасах. Эрот нередко фигурирует один (илл. 2), «отрезанный» ‘матерью-супругой’ от себя самой,

Илл. 2.

у залитого кровью алтаря (RVAr 2, 1982: Pl. 297.5; 317.1). Он держит вещные символы ‘жизни’, столь популярные в итальянском искусстве: фиалу как «сосуд Низа», наполненную едой или прорастающими листьями; веер — знак дыхания космоса и образования воздушной среды; зеркало — знак выхода из состояния хаоса, и другие. Примечательно, что Эрот, прошедший космогоническое *разделение / жертвоприношение*, тоже предстает у лутерия Владычицы как странник-‘жених’, пришедший к ней за спасительным браком (RVAr 2, 1982: Pl. 298.1), тогда как в других ситуациях эти браки вершит именно он — разносит венки, тени и совершает возлияние.

3. С линией водной Афродиты близко соседствует линия **виноградно-винного Диониса**, так же чрезвычайно популярного в Италии

Илл. 3.

(ср. Soph. Antig. 1129: «Стражем стоящий Италии славной»). Тесно связанный с Дионисом и в Аттике, где Афродита появлялась даже с тирсом (Smith 1976: 5, 173), Эрот вливается в дионисийское сообщество сатиров и менад (илл. 3), активно участвует в организации симпозиев — подносит кратеры с вином (RVAr 2, 1982: Pl. 296.3), венчает Диониса с Ариадной (RVAr 2, 1982: Pl. 170.3), носит тирсы и факелы в ночных шествиях (без аттических оргиазма и буйств). Дионис в таких ситуациях пассивен — ритуал спасения-брака играют менады, которым содействует Эрот. *Воду* Афродиты и Эрота здесь заменяет *вино*; обряд возлияния, главнейший в Италии, сопровождается обрядом винопития; однако, лутерий Владычицы проникает и в сферу Диониса (RVAr 2, 1982: Pl. 182.1) — для утверждения его правопреемства. Эрот сам уподобляется богу вина — *сидит* в ожидании даров-‘жизни’ от женщин (RVAr 2, 1982: Pl. 327d; 335.1), что говорит о его смертности, однако в других случаях он же и раздает эти блага-‘жизнь’ сидящим дамам, зеркально меняясь с ними ролями (RVAr 2, 1982: Pl. 214.5; 337.4).

4. Начало нового цикла смерти-жизни знаменует **выезд на колеснице**. Выезды эти двойкие. С одной стороны, летящий Эрот сопровождает колесницы богов и даже является их предводителем — в случае с похищением Лаем Хрисиппа или Кору Плутоном, т.е. при переходе умерших в потусторонний мир. Сопровождение Эротом пантерьих колесниц Диониса и Ариадны (RVAp 2, 1982: Pl. 326.3b) тоже могло указывать на «загробный брак», так как пантеры у италийцев — животные Гекаты-Артемиды и Персефоны. С другой стороны, выездам с земли в преисподнюю противостоят выезды оттуда на белый свет. Так, Эрот сопровождает бога солнца Гелиоса, выходящего из ночного мира на небосвод, и даже сам, с братом-близнецом, вывозит его, запряженный вместо коня (RVAp 2, 1982: Pl. 386.2; ср. колесницу-душу Платона: Phaidr. 246a–256e); более того, иногда он собственноручно правит конями Гелиоса (илл. 4; RVAp 2, 1982: Pl. 372.1), как в мире ином ездил на пантерах вместо Диониса.

Илл. 4.

5. Два пути по двум полусферам космоса, нижней и верхней, связаны каждый с его средой. Первый — с водным миром творений, второй — с **чудесным садом**, в котором кусты аканфа рождают сказочные цветы, побеги, стрелы и перспективные спирали. Однако это не парадиз для блаженных душ; там северный ветер похищает аттическую царевну Орейфию; по венчикам цветов бродят менады и силены с лирами (RVAp 2, 1982: Pl. 232.7–8), грифоны убивают фригийцев (ср. М. Цветаева: « — Тот сад? А может быть — тот свет?»). Чудесный сад, формально и структурно связанный с Верхом (обычно помещен на шейках сосудов, в иерархически высшей зоне росписи), — тоже среда перехода. Но уже не от смерти к жизни, как в подводном мире Владычицы, а наоборот. Бытийный процесс состоит из двух половин, как космос из двух полусфер: нижняя рождает, верхняя губит (часто изображаются на двух сторонах вазы: реверс — рождение, фас — умирание).

6. Среди обитателей сада встречается **лебедь** (RVAp 2, 1982: Pl. 321.1), тесно связанный с Афродитой / Эротом. Это водоплавающая, «мусическая» птица, при конце жизни исполняющая достойную высших и благородных существ «лебединую песнь» (Aesch. Ag. 1444; Eurip. El. 151; Plat. Phaed. 84e–85b sq.). Парами лебединых головок украшались волютные кратеры Апулии; фигурки лебедей декорировали арфы ‘невест’, музицирующих для ‘женихов’ (см. о душе как гармонии: Plat. Phaed. 88d; 93e). Лебедь мог выступать воплощением бога (например, Зевса, в историях Леды или Ганимеда), но мог быть и воплощением души. Об этом говорят сцены поимки лебедя Эротом (Lindsay 1885: 49): он ловит душу, отлетевшую после смерти из «тела-тюрьмы»; далее происходит кормление лебедя (RVAp 2, 1982: Pl. 183.1; 187.2; 205.5) — новое *отелеснение души*, снабжение ее новым телом (илл. 5).

7. В сценах встречи с ‘невестой’ нагой ‘жених’ с посохом тоже представляет **странника-душу** (ср. Plat. Rep. X 620a; ср. также стихи императора Адриана: «Animula vagula blandula, / Hostes comesque corporis...»); перспектива получения тела обозначена наличием плаща. На одной вазе в Эрмитаже (Любовь и Эрос 2006: 104–105. № 114), где ‘невеста’ обнимает воина-‘жениха’, рядом показана женщина с птицей, которую стремится схватить кошка, — сценка, типичная для классических греческих стел, с тем отличием, что крайне редкая в Греции кошка заменяет весьма популярную собаку. Иконографический параллелизм подтверждает, что в паре «кошка / птица» и «женщина / юноша» первые представляют «тело», вторые — «душу». Кошка и птица разделены смертью, а у женщины с юношей очевиден посмертный союз «души» с новым «телом».

Илл. 5.

В этом плане и сам Эрот может восприниматься как «птица-душа» Афродиты; он не только ездит верхом на плывущем лебеде (Philostr. Imag. I. 9. 3), но и принимает его вид (Nonn. Dionys. II. 220: «взмыл он лебедем в небо»). В итальяском искусстве для подтверждения теснейшей связи с Афродитой образ Эроса отмечен печатью глубокого родства с ‘супругой-матерью’ и вечной ‘невестой’, как в его андрогинизме, так и в неразличимости голов обоих. Греческий Дионис, при всем его влиянии, не вытеснил в Италии всепорождающую богиню-мать, вероятно, из-за приверженности к ней заказчиков-индигенов (Smith 1976: 161). Зато Эрот, насколько можно сейчас судить, выпал у итальянцев из круга бессмертных и стал, подобно Дионису (также с чертами андрогинизма), умирающим и воскресающим богом. Отдельный вопрос — путь превращения Афродиты и Эроса (и не только их) в анонимные фигуры, равнозначные нарицательным понятиям: ее представляют в основном безымянные Владычицы-‘невесты’, его — безымянные юноши-‘женихи’.

Пока это только одна из нитей, вычлененная в сложном клубке «эротической» семантики и образности. Будем надеяться, дальнейшее исследование проблемы придаст ей большую определенность.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Любовь и Эрос 2006 — Любовь и Эрос в античной культуре / ГИМ. Каталог выставки. Под ред. Д. В. Журавлева. М.: Художник и книга, 2006.
- Фрагменты 1989 — Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / Изд. подг. А. В. Лебедев. М.: Наука, 1989.
- Lindsay 1885 — *Lindsay T. M. Art Teaching at Rugby School // The Art Journal. N.S. XLVII. London, 1885.*
- RVAp 2, 1982 — *Trendall A. D., Cambitoglou A. The Red-Figured Vases of Apulia. Vol. 2. Late Apulian. Oxford: Clarendon Press, 1982. (Oxford Monographs on Classical Philology.)*
- Smith 1976 — *Smith H. R. W. Funerary Symbolism in Apulian Vase-Painting / Ed. by J. K. Anderson. Berkeley et al.: University of California Press, 1976.*

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- Илл. 1. Прибытие странника к Владычице вод. Пелика мастера Дария. Париж, Кабинет медалей, 905. (RVAp 2, 1982. Pl. 175.3).
- Илл. 2. Эрот у алтаря с кистой приношений и гроздью винограда. Ситула мастера Ганимеда, из Руво. Ливерпуль, Национальные музеи, 50.43. (RVAp 2, 1982. Pl. 297.5).
- Илл. 3. Эрот и менада в ночной дионисийской оргии. Колонный кратер в Бри-танском музее, F 294. (RVAp 2, 1982. Pl. 277.1).
- Илл. 4. На тулове наиск юного всадника с адорантами, на шейке — выезд на небеса колесницы с Эротом; душа-птица видна в окне. Волютный кратер мастера Копенгагенской группы. Неаполь, НАМ. 2022 (инв. 82361). (RVAp 2, 1982. Pl. 372.1).
- Илл. 5. Прибытие странника к Владычице вод; Эрот кормит лебедя. Пелика Группы Территаун. Неаполь, частная коллекция, 23. (RVAp 2, 1982. Pl. 205.5).

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ — НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ВИЗАНТИЙСКИХ ГРЕЧЕСКИХ НАДПИСЯХ

Александра Алексеевна Евдокимова

Институт языкознания РАН (Москва)

arochka@gmail.com

В классическом древнегреческом языке не было неопределенного артикля, существовал только определенный, а значение неопределенности передавалось местоимениями и другими словами с соответствующей семантикой. В новогреческом языке появляется противопоставление определенного и неопределенного артиклей, последний из которых происходит из числительного *εἷς* ‘один’, которое в ряде контекстов еще в древнегреческом могло переводиться как ‘некий, какой-то, какой-либо’. Так И. Х. Дворецкий, выделяя это значение как второе в своем словаре, приводит в качестве примера цитату из Платона: *ἐνὶ τῷ τρόπῳ* ‘каким-л. способом’¹.

В данной статье мы решили проверить, есть ли в византийских греческих надписях контексты, в которых указанное выше числительное возможно было бы интерпретировать как неопределенный артикль. Мы использовали базу греческих надписей РН17, где искали все формы указанного числительного и отсекали в результате поиска все контексты, в которых было очевидно, что перед нами именно числительное.

Одним из критериев отбора служил порядок слов: если анализируемая лексема стояла после исчисляемого существительного, к которому относилась, то такие контексты не учитывались. Например, *εὔδο[μάδα] μ[ίαν]* ‘неделя первая’ (Лидия, Багис, без даты, Grégoire 1922: 340(4)). Исключались также случаи с родительным падежом в зависимом положении: *ἓνα Δουλικτίου ψάλτ(ον) φο καὶ τὸ ἓνα Μαύρου οἰκοδόμου καὶ τῆς συμβίου αὐτοῦ Δομνίνας* ‘один [надгробный памятник] Дулкития, псалта, второй Мавра, строителя, и его супруги Домнины’ (Македония, Эдесса,

¹ Цитата приводится по электронной версии словаря, в базе греческих текстов TLG указанный Дворецким контекст не найден.

V–VI вв., Feissel 1983: № 25) и с определенным артиклем: *ἡ μία τῶν ἐλαμπαδιφόρων {λαμπαδιφόρων} παρθένων* ‘одна из девушек-факелоносцев’ (Галатия, Анкира, без даты, SEG 27, № 882).

Проверялись не только все возможные формы разбираемого числительного для трех родов, но и все варианты его написания с учетом особенностей, связанных с фонетикой орфографических ошибок, как в результате итацизма, так и монофтонгизации дифтонгов. Было выявлено не так много подобных вариантов написания — чаще всего интересующие нас словоформы сохраняли правильную орфографию, хотя написание других слов в надписи могло быть с искажениями. Исключениями стали несколько примеров из Италии с вариантом *μετα* вместо *μία* в разных падежах (Рим, Via Appia, без даты, Frey 1936–1952: 102; Рим, Via Salaria, без даты, Silvagni, Ferrua 1922–1985: № 24290; Сицилия, Сиракузы, без даты, Kaibel 1890: № 62) и в Сирии *ης* или *ις* вместо *εις*.

Были выявлены следующие, наиболее распространенные варианты контекстов. Для Египта, Сирии, Аравии, Палестины и ряда других областей традиционна формула *εις θεος ο βοηθων* ‘един Бог, помогающий (посредник)’ (Египет, Акорис, V–VI вв., Lefebvre 1907: № 140), которая имеет и краткую вариацию *εις θεος* ‘един Бог’. Датировка и распределение по регионам представлены в таблице 1.

Регион	Количество надписей	Период
Палестина	1	III в.
	1	III–IV вв.
	2	IV–V вв.
	1	IV–VI вв.
	1	V–VI вв.
	2	VI в.
	1	VI–VII вв.
	12	б/д
Египет	3	V–VI вв.
	1	V–VII вв.
	1	VI в.
	112	б/д

Сирия	20	IV в.
	25	V в.
	4	VI в.
	1	IV–VI вв.
	1	V–VI в.
	44	б/д
Аравия	3	361–363 гг.
	10	б/д
Тунис	1	287–288 гг.
	3	б/д
Кария, Афродисий	2	IV в.
	1	V–VI вв.
	1	500–550 гг.
	1	б/д
Евфратенсис	1	230–256 гг.
	1	325 г.
о. Кос	1	б/д
о. Кипр	1	б/д
Умбрия	1	б/д
Дакия, Сукидава	1	IV–V вв.
Галатия	1	б/д
Трансиордания	1	б/д
Паннония	1	300–350 гг.
Место находки неизвестно, хранится в Берлине	1	б/д
(не указан)	1	б/д

Таблица 1. Распространение формулы $\epsilon\acute{\iota}\zeta\ \theta\epsilon\acute{o}\varsigma$ по регионам и периодам

Наличие формулы $\epsilon\acute{\iota}\varsigma \theta\epsilon\acute{o}\varsigma$ и ее широкое распространение маркировало форму им. п., ед. ч., м. р., как частотную для религиозного контекста, в том числе религиозных споров. Также есть вариация $\epsilon\acute{\iota}\varsigma \kappa(\acute{\upsilon}\rho\iota\omicron)\varsigma \text{ } \text{I}(\eta\sigma\omicron\upsilon)\varsigma \text{ } \text{X}(\rho\iota\sigma\tau\acute{o})\varsigma$ ‘един господь Иисус Христос’ в двух надписях: из Аравии, Мардохи, без даты (SEG 7: 1116) и из Константинополя (1025–1050 гг., Mango 1966: 410.1). Как и следовало ожидать, используются и другие вариации, например, в надписи из Киликии, Корикоса (без даты, Dagron 1987: 788) $\omicron\upsilon\delta\acute{\iota}\varsigma \gamma\acute{\alpha}\rho \acute{\alpha}\theta\acute{\alpha}\nu\alpha\tau\omicron\varsigma, \epsilon\acute{\iota} \mu\acute{o}\nu\omicron\varsigma \epsilon\acute{\iota}\varsigma$ ‘ведь никто не бессмертен, даже если он один, единственный’. К этому же сюжету можно отнести и такие случаи как $\langle \mu \rangle \acute{\iota}\alpha \pi\acute{\iota}\sigma\tau\iota\varsigma, \acute{\epsilon}\nu \beta\alpha\pi\tau\acute{\iota}\sigma\mu\alpha$ ‘одна вера, одно крещение’ (Сирия, Эль-Бара, без даты, Jalabert 1955: 1458) или по аналогии $\mu\acute{\eta}\tau\eta\rho \gamma\acute{\alpha}\rho \acute{\eta}\mu\acute{\iota}\nu \mu\acute{\iota}\alpha \kappa\alpha\acute{\iota} \nu\eta\delta\acute{o}\varsigma \mu\acute{\iota}\alpha$ ‘мать наша одна и чрево одно’ (Эпир, после 1266, Orlandos 1936: 43.1) или $\pi\acute{\alpha}\nu\tau\omega\upsilon\omicron\upsilon \acute{\omega}\varsigma \acute{\epsilon}\kappa \acute{\epsilon}\nu\omicron\delta\acute{o}\varsigma \acute{\alpha}\kappa\omicron\upsilon\omicron\upsilon\omicron\tau\epsilon\varsigma \sigma\tau\acute{o}\mu\alpha\tau\omicron\varsigma$ ‘услышав всех, как из единых уст’ (Эфес, ок. 440 г., Merkelbach 1979–1984: № 44).

В надписях, представленных в электронной базе и отбираемых по указанным принципам, ни разу не встретилась форма дат. п., ед. ч., м. р. и с. р., $\acute{\epsilon}\nu\iota$. В то время, как форма дат. п. ж. р. встречается: $\delta\upsilon\omicron \phi\acute{\upsilon}\sigma\epsilon\iota\varsigma \acute{\epsilon}\nu \tau\tilde{\omega} \text{X}(\rho\iota\sigma\tau\acute{o})\tilde{\omega}, \theta\epsilon\acute{\iota}\alpha\nu \tau\epsilon (\kappa\alpha\acute{\iota}) \acute{\alpha}\nu\theta\rho\omega\pi\acute{\iota}\nu\eta\nu \acute{\epsilon}\nu \mu\acute{\iota}\tilde{\alpha} \acute{\upsilon}\pi\omicron\sigma\tau\acute{\alpha}\sigma\epsilon\iota$ ‘две природы у Христа, божественная и человеческая, в одной ипостаси’ (Палестина, Вифлеем, 700 г., Vincent 1914: 149.1а), но в значении ‘один, единый’. Это же выражение, но в краткой редакции встречается в надписи 1025–1050 г. из Константинополя $\acute{\epsilon}\nu \tau\tilde{\eta} \tau\omicron\tilde{\upsilon} \text{X}(\rho\iota\sigma\tau\acute{o})\tilde{\upsilon} \mu\acute{\iota}\tilde{\alpha} \acute{\upsilon}\pi\omicron\sigma\tau\acute{\alpha}\sigma\epsilon\iota$ ‘в одной ипостаси Христа’ (Mango 1966: 410, № 1). Если рассматривать в общем религиозном контексте, то напрашивается перевод «одной» или «единой»: $\pi\rho\omicron\sigma\kappa[\nu\nu]\epsilon\acute{\iota}\tau\alpha\iota \mu\acute{\iota}\tilde{\alpha} \pi\rho\omicron\sigma\kappa\nu\eta\acute{\nu}\eta\sigma\epsilon\iota$ ‘поклонился одним земным поклоном (проскинезой)’ (Константинополь 1025–1050 гг., Mango 1966: 410 № 1).

В надписи из Милета IV–VI вв., встречается контекст, где возможно толковать разбираемую лексему в значении неопределенности: $\text{H}\nu\sigma\chi\acute{\iota}\omicron\upsilon\tau\omicron\delta \acute{\alpha}\gamma\alpha\lambda\mu\alpha, \tau\acute{o} \delta \acute{\alpha}\iota\tau\acute{\iota}\omicron\nu \omicron\upsilon \mu\acute{\iota}\alpha \mu\omicron\upsilon\acute{\nu}\eta \sigma\tau \pi\rho\tilde{\eta}\zeta\iota\varsigma, \acute{\omicron}\lambda\eta \delta \acute{\epsilon}\sigma\tau\acute{\iota}\nu \pi\alpha\tau\rho\acute{\iota}\delta\omicron\varsigma \acute{\alpha}\gamma\lambda\alpha\acute{\iota}\eta$ ‘статуя Гесихия, причина же не только некое одно дело, но весь блеск родины’ (Gerkan 1928: 343). Другой пример, где возможна не только интерпретация «один / единственный», происходит из Италии, Рима, 299 г. $\delta\upsilon\omicron \tau\tilde{\eta}\varsigma \acute{\alpha}\upsilon\tau\tilde{\eta}\varsigma \gamma\epsilon\nu\epsilon\eta\varsigma \acute{\epsilon}\nu\alpha \theta\epsilon\sigma\mu\acute{o}\nu \acute{\epsilon}\chi\omicron\nu\tau\epsilon\varsigma$ ‘оба ее рода имели некую (единую) связь’ (Италия, Рим, 299 г., Moretti 1968–1979: № 191.а). Ср. также следующие примеры: $\acute{\eta}\gamma\epsilon\iota\rho\epsilon\nu \acute{\alpha}\upsilon\tau\acute{o} \epsilon\acute{\iota}\varsigma \sigma[\omicron\omicron\phi\omicron\delta\omicron\varsigma \cdot 5 \cdot]\iota\omicron\varsigma$ ‘собрал это некий (один) мудрец имярек’ (Писидия, Антиохия, недатированная надпись, SEG 6: № 561); $\tau\acute{o}\nu \text{I}\sigma\rho\alpha\eta\lambda\acute{\iota}\tau\eta\nu \lambda\alpha\acute{\omicron}\nu \chi\alpha\lambda\iota\nu\alpha\gamma\omega\gamma\eta\acute{\sigma}\alpha\varsigma \pi\rho\acute{o}\varsigma \acute{\alpha}\lambda\acute{\eta}\theta\epsilon\iota\alpha\nu$

μίαν ‘обуздав израильский народ к единой (некой) правде’ (Аравия, Мадаба, 607–608 г., Gatier 1986, 145); *μ<ία>ν ἐμήρ[αν]* ‘в один (некий) день’ (Аравия, Риахаб, 582 г., Piccirillo 1981: 88, № 8А); *ένος γένους δήλωσις* ‘явление одного (некоего) рода’ (Эпир, после 1266 г., Orlandos 1936: 43.1); надписи 1293 г., найденной в Каппадокии в Ортакёй: *ἔθηκεν έν τῇ ἀγία μο(νῆ) μόδ(ιον) κ(αί) μίαν καρέαn {καρύαν}* ‘поставил в святом монастыре камень (?модий) и один (некий) орешник’ (Каппадокия, Ортакёй, 1293 г., Jerphanion 1925–1942: 167); *γνωρίσματα ἄν εἶς ἀνὴρ εἰς μίαν ἀρμονίαν σνάψας* ‘знания, которые некий муж в единую гармонию соединивший’ (Лакония, Мистра, 1330 г., Millet 1899: 123, 14α)².

В случае неисчисляемых существительных примеры с обратным порядком слов рассматривались, так как в таких контекстах искомое значение ‘некий’ могло быть реализовано, например, *ἀγείας μίᾱς* ‘одна (некая) чистота’ (Эпир, после 1266 г., Orlandos 1936, 43.1), *εὐδοκία μίᾱ* ‘единое (некое) благоволение’ (Лакония, Мистра, 1319 г., Millet 1899: 106, № 3), *ἐκ σπορᾶς έν μήτρα μῆ* ‘из посева в одном (неком) чреве’ (Вифиния, без даты, Ameling 1985: 119), *εἰς μεστείαν μίαν* ‘неким (одним) утром’ (происхождение не указано, Константинополь, без даты, SIG № 8785.1). Приведем здесь для сравнения контекст с прямым порядком слов *εἰς μίαν ἡριγένειαν* ‘неким (одним) утром’ (Константинополь, Ипподром, ок. 515 г., Cameron 1973: № 41).

Таким образом, как видно из примеров, в большинстве надписей следует отдать предпочтение при переводе следующим значениям по словарю Дворецкого «1) один, единый» и «3) (= *πρῶτος*) первый». Это отчасти связано и с определенными распространенными религиозными формулами, которые кочевали из надписи в надпись. Однако есть небольшое число надписей, где возможна и интерпретация значения, как ‘некий, какой-то’, что приближает данную лексему по использованию к неопределенному артиклю. Первая такая надпись из Рима (229 г.) последние — из Мистры (XIV в.), всего таких примеров двенадцать и в большей части из них возможно и первое значение. Это показывает нам, что византийские надписи из разных регионов империи с III по XV вв., представленные в корпусе, редко используют данную лексему во втором значении, что, возможно, объясняется их формульным характером.

² При этом в той же Лаконии встречается более характерный для надписей пример, с использованием с семантикой неопределенности местоимения: *ὡσπερ μία τις συμφωνία καί κράσις μουσική* как ‘единой некой симфонии и музыкальное смешивание’ (Лакония, Мистра 1319 г., Millet 1899: 106,3).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ameling 1985 — *Ameling W.* Die Inschriften von Prusias ad Hypium. Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien, 27. Bonn: Habelt, 1985.
- Cameron 1973 — *Cameron A.* Porphyrus the Charioteer. Oxford: Clarendon Press, 1973.
- CIG — Corpus inscriptionum graecarum. 4 vols. Berlin: Ex Officina Academica, 1828–1877.
- Dagron 1987 — *Dagron G., Feissel D.* Inscriptions de Cilicie. Paris: De Boccard, 1987.
- Feissel 1983 — *Feissel D.* Recueil des inscriptions chrétiennes de Macédoine du IIIe au VIe siècle. Paris: École Française d'Athènes, 1983. (Bulletin de correspondance hellénique. Supplément 8.)
- Frey 1936, 1952 — *Frey J.-B.* Corpus inscriptionum iudaicarum. Vatican City, 1936, 1952.
- Gatier 1986 — *Gatier P.-L.* Inscriptions grecques et latines de la Syrie. XXI. Inscriptions de la Jordanie, 2: Région centrale. Paris: Geuthner, 1986.
- Gerkan 1928 — *von Gerkan A., Krischen F.* Milet: Ergebnisse der Ausgrabungen und Untersuchungen seit dem Jahre 1899. Volume 1, fasc. 9: Thermen und Palaestren, Berlin: Drug und Verlag von Georg Reimer, 1928.
- Grégoire 1922 — *Grégoire H.* Recueil des inscriptions grecques chrétiennes de l'Asie Mineure, I. Paris: Imprimerie nationale, 1922.
- Jalabert 1955 — *Jalabert L., Mouterde R.* Inscriptions grecques et latines de la Syrie, IV. Laodicée. Apamène. Paris: Geuthner, 1955.
- Jerphanion 1925–1942 — *de Jerphanion G.* Une nouvelle province de l'art byzantin: les églises rupestres de Cappadoce I, 1–2, and II, 1–2. Paris: Librairie orientaliste Paul Geuthner, 1925–1942.
- Kaibel 1890 — *Kaibel G.* Inscriptiones Graecae, XIV. Inscriptiones Siciliae et Italiae, additis Galliae, Hispaniae, Britanniae, Germaniae inscriptiones. Berlin: Apud G. Reimerum, 1890.
- Lefebvre 1907 — *Lefebvre G.* Recueil des inscriptions grecques chrétiennes d'Égypte. Le Caire: Institut Français d'Archéologie Orientale, 1907.
- Mango 1966 — *Mango C.* A Byzantine inscription relating to Dyrhachium. Mit 1 Abbildung // Archäologischer Anzeiger. 1966, 3. S. 410–414.
- Merkelbach 1979–1984 — *Merkelbach R.* et al. Die Inschriften von Ephesos I–VIII. 9 vols. Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien, 11–17. Bonn, 1979–1984.
- Millet 1899 — *Millet G.* Inscriptions Byzantine de Mistra // Bulletin de correspondance hellénique 23 (1899). P. 97–156.

- Moretti 1968–1979 — *Moretti L.* Inscriptiones Graecae Urbis Romae. Vols. 1–3. Rome: Istituto italiano per la Storia antica, 1968–1979.
- Orlandos 1936 — *Orlandos A.* Η παρὰ τὴν Ἄρταν μονὴ τῶν Βλαχερνῶν // *Archeion Byzantinon Mnemeion Hellados* 2, 1 (1936). Σ. 3–50.
- Piccirillo 1981 — *Piccirillo M.* Chiese e Mosaici della Giordana Settentrionale. *Studium Biblicum Franciscanum, Collectio Minor*, 30. Jerusalem, 1981.
- SEG — *Supplementum Epigraphicum Graecum.*
- Silvagni, Ferrua 1922–1985 — *Silvagni A., Ferrua A.* Inscriptiones Christianae Urbis Romae. *Nova Series*. Vols. 1–9. Rome, Città del Vaticano: [б/и], 1922–1985.
- Vincent 1914 — *Vincent H., Abel F.-M.* Le sanctuaire de la Nativité à Bethléem. Paris: Gabalda, 1914.

СВИДЕТЕЛЬСТВО И ДОКАЗАТЕЛЬСТВО
КАК УМЫШЛЕННЫЕ ИГРЫ С ПАМЯТЬЮ
В ТЕКСТАХ КЛАССИЧЕСКИХ ГРЕЧЕСКИХ АВТОРОВ

Анна Алексеевна Новохатько

Университет Аристотеля (Салоники)

Фрайбургский университет

имени Альберта – Людвига

(Фрайбург-в-Брейсгау)

anovokhatko@lit.auth.gr

Противопоставление «свидетелей» (мемуаристов / авторов воспоминаний) как повествователей и «историков» как авторов, объединяет которых общий интерес к прошлому, является общепринятым, так же как противопоставление памяти и истории. Авторы с древнейших времен используют память и забвение как сознательно (исходя из каких-либо идеологических установок), так и неосознанно. Архаические и классические греческие авторы, утверждая, что говорят правду, апеллируют к свидетельствам и очевидцам и подкрепляют свой собственный авторитет изложением событий прошлого, нарратив о которых они сами формируют в восприятии своих реципиентов. Тем самым они управляют памятью своих реципиентов, определяя количество и порядок информации по собственному желанию.

У комического драматурга Филемона (конец IV в. н.э.) есть персонаж, который утверждает в fr. 99, 5–7 PCG: «Возьмите Гомера в доказательство (*τεκμήριον δὲ τοῦδε τὸν Ὅμηρον λάβε*): ведь он пишет нам тысячи стихов, но никто никогда не называл Гомера нудным». Этот персонаж советует своему собеседнику, возможно, в более широком контексте риторических дебатов, какую речь следует считать слишком длинной и затянутой, а какую нет, указывая в качестве примера длинный, но увлекательный слог у Гомера (Mastellari 2022).

Интересно здесь у Филемона применение термина «свидетельство» (*τεκμήριον*). Гомер приводится в качестве свидетельства для иллюстрации стиля, обсуждается и оценивается литературное качество гомеровского текста. Схема, когда Гомер служит доказательством для аргументации, в остальном хорошо знакома классической литературе. Фукидид

использует гомеровский авторитет для доказательства исторических фактов (*τοσαῦτα μὲν Ὀμηρος ἔτεκμηρίωσεν*), например, того, что в древности на Делосе проходили большие пиры (Thuc. 3, 104, 6). Письменный гомеровский текст как материал для стилистической и литературной критики является частью процесса взаимодействия между комедией и научным дискурсом в Афинах¹.

Действительно, протоконцепты методологического исследования, такие как «точность», «ошибка», «исследование», «доказательство», «подтверждение» и многие другие, все больше входят в употребление в классической Греции к концу V в. до н. э. Некоторые предпосылки такого исследования и определенные эпистемологические требования можно проследить уже в архаической поэтике. К примеру, в символическом заявлении о способностях Гесиода как певца Музы заявляют: «Мы умеем говорить много лжи, похожей на правду (*ἴδμεν ψεύδεα πολλὰ λέγειν ἐτύμοισιν ὁμοῖα*), мы также знаем, как произносить истины, когда хотим (*ἴδμεν δ' εὖτ' ἐθέλωμεν ἀληθέα γηρύσασθαι*, Hsd. Th. 27–28)» (Halliwell 2011: 13)². Широко обсуждаемый термин *ψεύδεα* и его аналоги означают, что любой рассказ о настоящем, прошлом или будущем является ложным. Эта лексика также используется в гомеровском эпосе для определения ложных пророчеств или божественного обмана (ср. *Il.* 21, 276; 2, 81; 2, 348–349; *h.Hom.* 4, 562–563).

Второй термин, *ἀληθέα* (дословно «не подлежащий забвению»), относится к информационному содержанию эпической поэзии (Cole 1983; Tor 2017: 67–68). В отличие от *ἀληθέα*, термин *ἔτυμος* или его синоним *ἐτήτυμος* может квалифицировать либо речь как реальную / фактическую, либо предметы и ситуации как реальные или подлинные, способные осветить внутреннюю природу вещи (West 1978: 362)³. Введение Гесиодом четырехчленного понятия «ложного» (*ψεύδεα*), «истинного» (*ἀληθέα*), «реального» (*ἔτυμα*) и «подобного реальному» (*ἐτύμοισιν ὁμοῖα*)

¹ Ср. комических поэтов, цитирующих Гомера, который «делал умные замечания», Ag. Pax 1096 (*ὁ σοφός τοι νῆ Δί' Ὀμηρος δεξιὸν εἶπεν*) и Ag. Av. 575 (*Ὀμηρος ἔρασκ'*).

² Подробный анализ и дальнейшую библиографию см. (Tor 2017: 61–75).

³ Об эпистемологических последствиях, вытекающих из этого противопоставления, см. (Strauss Clay 2003: 60–62; Stoddard 2004: 84). См. также (Riu 2019) и (Tor 2017: 65–72), которые помещают этот отрывок в широкий эпистемологический контекст архаической греческой мысли. Гонзалес (González 2013: 256) более осторожен: «Insofar as ἀληθέα, as the marked term, remained tied to verbal utterances, ἐτήτυμα was the natural choice to apply to their real-world referents». Ср. также Hsd. Op. 10: *ἐτήτυμα μωθησαίμην* и *μωθήσασθαι*.

составляет принцип достоверности архаической поэтологии, получивший дальнейшее развитие в лирике, а затем и в историографии.

Как утверждалось недавно в исследовании, посвященном роли Пиндара в возникновении понятия литературы, достоверность как исторический концепт утвердилась в V в. до н.э. в различных жанрах, отражая аспекты авторитетной речи, апеллировавшие к понятиям подлинности (*ἔτυμος* и *ἐτήτυμος*), правдоподобия (*πιστός*), точности (*ἀτρέκεια*) и истины как способа взглянуть на прошлое (*ἀλήθεια*) (Maslov 2015: 185–186)⁴.

Пиндар также противопоставлял мифическое и рациональное мышление, используя стандартное сопоставление повествования «мифа» с изложением разумных фактов, воплощенных в «логосе». В его первой олимпийской оде (476 г. до н.э.) говорится, что существует много чудес, и одно из них, речь смертных, выходит за рамки истинного рассказа (*ὑπὲρ τὸν ἀλαθῆ λόγον*). Вымышленные истории также обманывают (*ἐξαπατῶντι μῦθοι*), украшенные пестрой ложью (*δεδαϊδαλμένοι ψεύδεσι ποικίλοις*, Pind. *Ol.* 1, 28–29). В этом коротком пассаже собраны сразу несколько основополагающих понятий ранней поэтики: *τὸν ἀλαθῆ λόγον, ἐξαπατῶντι, μῦθοι, ψεύδεσι*.

Такие идеи рождались в поэтическом и рапсодическом контексте и распространялись на новые развивающиеся прозаические жанры. Раннегреческий историк и географ Гекатей Милетский (ок. 550 — ок. 476 гг. до н.э.) открыл свое прозаическое произведение (сохранившееся во фрагментах) не обращением к Музам или какому-либо другому божеству, а программным, намеренно полемическим призывом к новым стандартам правдоподобия, основанным на его собственном авторитете. Он называет себя по имени: «Гекатей из Милета говорит так» (*Ἐκαταῖος Μιλήσιος ὄδε μυθεῖται*), затем излагает принципы своего авторского творчества. Он заявляет, что пишет следующее, потому что это показалось ему правдой (*τάδε γράφω, ὥς μοι δοκεῖ ἀληθέα εἶναι*) и потому что сказки других греков кажутся ему многочисленными и нелепыми (*πολλοὶ τε καὶ γελοῖοι καὶ ἐμοὶ φαίνονται <καὶ> εἰσίν*, fr. 1a *FGrHist* 1). Гекатей видит себя здесь писателем, противопоставляя себя (в 1-м лице единственного числа) другим авторам, чьим рассказам доверяли меньше⁵. Гекатей утверждает тем самым, что личное суждение автора является единственным стандартом истины (Bertelli 2001: 81)⁶.

⁴ Ср. также (Komornicka 1972) и (Cole 1983).

⁵ См. анализ этого фрагмента у (Bertelli 2001) и (Pownall 2013) с дальнейшей библиографией. См. также (Ford 2019: 73–74; Riu 2019: 247).

⁶ См. также (Fowler 2001: 102).

Геродот следом за ним соединил «исследование» (*δίζηται*) с «точностью» (*ἀτρεκέστερον*). Приближение процесса поиска к научному поиску было важно для претензии Геродота на роль историографа, слово *ἀτρεκής* («точность, строгость») также оказалось решающим для более поздних филологических исследований. Примечательно также, что *δίζησθαι* несколько раз встречается у Геродота, относясь к критическому исследованию (Hdt. 4.16.1, 5.54.1, 7.142, см. Crane [1996]: 65)⁷.

Далее Фукидид хочет установить более высокие стандарты письма и научных методов и критикует своих предшественников. Основное противопоставление — письменный текст, который «вечен» (*ἐς αἰεῖ*), и произнесенное слово, предназначенное для слушания «немедленно, сиюминутно» (*ἐς τὸ παραχρῆμα*). «Точность» в процессе анализа фактов имеет для Фукидида решающее значение, а противопоставление слов (*ὄσα μὲν λόγῳ εἶπον*) и дел (*τὰ δ' ἔργα*) является главной задачей историографа (Thuc. 1.22.1). Еще более интенсивным нам представляется понятие «точность» (*ἀκρίβεια*), в применении к историческому повествованию (6.54.1)⁸.

Как показывают приведенные отрывки, создание словаря «подтверждения», «точности» и «уверенности» есть часть борьбы с забывчивостью, которую с самого начала вели греческие авторы (Fragoulaki 2020). Эта битва — грандиозное начинание и очень целенаправленное и амбициозное взаимодействие с литературными жанрами и их ролью в формировании памяти о прошлом.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Bertelli 2001 — *Bertelli L.* Hecataeus: From genealogy to historiography // *The Historian's craft in the age of Herodotus* / Ed. Luraghi N. Oxford: OUP, 2001. P. 67–94.
- Cole 1983 — *Cole T.* Archaic Truth // *Quaderni urbinati di cultura classica* 13, 1983. P. 7–28.
- Crane 1996 — *Crane G.* The blinded eye: Thucydides and the new written word. Lanham, Maryland [e.a.]: Rowman & Littlefield, 1996.

⁷ О важности понятия «точность» в классическом греческом языке см. (Kurz 1970). О приеме забывчивости у Геродота как нарратологическом приеме см. (Hernández Garcés 2021).

⁸ О «точности» Фукидида и его методологии анализа см. (Kurz 1970: 40–61; Trédé 1983; Crane [1996]: 50–73).

- Ford 2019 — *Ford A.* Linus: The rise and fall of lyric genres // Genre in Archaic and Classical Greek poetry: theories and models / Eds. Foster M., Kurke L., Weiss N. Leiden-Boston: Brill, 2019. P. 57–81.
- Fowler 2001 — *Fowler R. L.* Early *historiē* and literacy // The Historian's craft in the age of Herodotus / Ed. Luraghi N. Oxford: OUP, 2001. P. 95–115.
- Fragoulaki 2020 — *Fragoulaki M.* Introduction. Collective memory in ancient Greek culture: concepts, media, and sources // *Histos Supplement* 11, 2020. P. ix–xliv.
- González 2013 — *González J. M.* The epic rhapsode and his craft: Homeric performance in a diachronic perspective. Cambridge, Mass. and London: CHS, 2013.
- Halliwel 2011 — *Halliwel S.* Between ecstasy and truth: interpretations of Greek poetics from Homer to Longinus. Oxford: OUP, 2011.
- Hernández Garcés 2021 — *Hernández Garcés C.* Forgetfulness as a narrative device in Herodotus' Histories // Ancient memory: remembrance and commemoration in Graeco-Roman literature / Eds. Mawford K., Ntanou E. Berlin. Boston: De Gruyter, 2021. P. 267–290.
- Komornicka 1972 — *Komornicka A. M.* Quelques remarques sur la notion d'*alatheia* et de *pseudos* chez Pindare // *Eos* 60, 1972. P. 235–253
- Kurz 1970 — *Kurz D.* AKPIBEIA. Das Ideal der Exaktheit bei den Griechen bis Aristoteles. Göppingen: Kümmerle, 1970.
- Maslov 2015 — *Maslov B.* Pindar and the emergence of literature. Cambridge: CUP, 2015.
- Mastellari 2022 — *Mastellari V.* Did Homer write? Understanding Philemon fr. 99 K.-A. in the light of its cultural context // *International Yearbook for Hermeneutics* 20, 2022. P. 252–270, 2022.
- Pownall 2013 — *Pownall F.* Hekataios of Miletos (1) // *Jacoby Online*. Brill's New Jacoby, Part I / Ed. Worthington I. Leiden: Brill, 2013. DOI: 10.1163/1873-5363_bnj_al
- Riu 2019 — *Riu X.* Vérités et performance publique. Quelques réflexions sur *alētheia* // La Poesie archaïque comme discours de savoir / Ed. Desclos M.-L. Paris: Classiques Garnier, 2019. P. 245–258.
- Stoddard 2004 — *Stoddard K.* The narrative voice in the Theogony of Hesiod. Leiden / Boston: Brill, 2004.
- Strauss Clay 2003 — *Strauss Clay J.* Hesiod's Cosmos. Cambridge: CUP, 2003.
- Tor 2017 — *Tor S.* Mortal and divine in early Greek epistemology. A study of Hesiod, Xenophanes and Parmenides. Cambridge: CUP, 2017.
- Trédé 1983 — *Trédé M.* ἀκριβεία chez Thucydide // *Mélanges Édouard Delebecque*. Aix-en-Provence: Public. Univ. de Provence, 1983. P. 407–415.
- West 1978 — Hesiod, Works and Days / Ed. West M. L. with proleg. and comm. Oxford e.a.: OUP, 1978.

ОПРЕДЕЛИТЬ ПРОТИВНИКА И НАЗВАТЬ ЕГО ПО ИМЕНИ

Николай Николаевич Казанский

*Институт лингвистических исследований РАН
(Санкт-Петербург)
Санкт-Петербургский государственный
университет
Российский государственный гуманитарный
университет (Москва)
nkazansky@iling.spb.ru*

В докладе планируется рассмотреть строение речи Елены в сцене тейхоскопии (II. 3, 167 сл.), когда она рассказывает Приаму о греческих героях, называя их по имени и используя указательное местоимение *οὗτος*, которое обладает высокой степенью определенности.

Дейксис привлекает внимание исследователей особенно в последнее время, в связи с нарратологией и грамматической семантикой. Анализируя употребление указательного местоимения *οὗτος*, Э. Баккер в специальной статье (Bakker 1999: 6) обратил внимание на несколько обстоятельств. В разделе «Dialogic deixis in characters' speech» он отметил, что употребление местоимения *οὗτος* бывает только дейктическим, и указывает на находящееся перед глазами здесь и сейчас¹ в отличие от *ὄδῃ*, которое может быть также анафорическим, отсылая к чему-то уже прежде упомянутому в авторском рассказе. Именно поэтому местоимение *οὗτος* обычно встречается в прямой речи персонажей или при пересказе этой прямой речи. В последнем случае бывает непросто отличить речь повествователя (Гомера) от речи персонажа (Демодока), ведущего повествование о Троянской войне.

В качестве показательного примера Баккер разбирает диалог Елены с Приамом, попросившим назвать по имени греческих героев, которые находятся у них обоих перед глазами (II. 3.166–167):

¹ Нечто «is really there, here and now», добавляя «[a]s such it is part of the system for “place deixis” in Ancient Greek».

ὥς μοι καὶ τόνδ' ἄνδρα πελώριον ἐξονομήνης
ὅς τις ὄδ' ἔστιν Ἀχαιῶς ἀνὴρ ἥδ' ἔτε μέγας τε.

...имя величеством дивного мужа:

Кто сей, пред ратью ахейскою, муж и великий и мощный?

(Пер. Н. И. Гнедича).

По мнению Э. Баккера, у Приама еще нет возможности прямо указать на Агамемнона, поэтому он и обозначает его местоимением *ὄδ'*, хотя он и Елена видят греческих героев. Только в ответе Елены появляется прямое указание, когда она говорит (Ил. 3.177–78): *οὗτός γ' Ἀτρεΐδης εὐρὸν κρείων Ἀγαμέμνων* 'Муж сей есть пространнодержавный Атрид Агамемнон' (пер. Н. И. Гнедича).

Баккер подчеркивает, что *οὗτος* выполняет здесь чисто дейктическую функцию без намека на анафорическое употребление. Как можно видеть из приведенного примера, анафорическая функция местоимения *ὄδε* выводится не до конца ясным способом: анафора заключается в том, что Приам выделяет из числа героев одного, видом подобного царю, и спрашивает его имя.

Э. Баккер обратил внимание, что известное противопоставление в употреблении определенного артикля *ὁ* и указательного местоимения *οὗτος*, обычное в ионийско-аттическом диалекте, обнаруживается уже в текстах Гомера, хотя *οὗτος* встречается по преимуществу в речи персонажей. Это противопоставление отмечали уже античные грамматик, например, Присциан (Prisc. Inst. Gramm. 29 = GL III 126, 20), комментируя строку Гомера Od. XVI 317 *οἱ δὲ δύο σκόπελοι ὁ μὲν οὐρανὸν εὐρὸν ἰκάνει*², замечает: «sed interest etiam hoc, quoniam apud illos ὅς loco etiam pronominis accipitur demonstrativi, quod significat apud nos 'hic', οὗτος ('но присутствует также разница, поскольку у них ὅς допускается вместо указательного местоимения, то, что у нас обозначает *hic* 'этот' — *οὗτος*').

Заметим, что отождествление лат. *hic* и греч. *οὗτος*, предложенное в рамках градуальной оппозиции по шкале «близость–дальность», находит подтверждение и в дейксисе, связанном с лицом, где оба местоимения — лат. *hic* и греч. *οὗτος* — относятся ко второму лицу, ср. у Бругмана (Brugmann 1904) деление местоимений по принципу Ich-Deixis (*Ὁδε* = *ἐμός*), Du-Deixis (*οὗτος*), Jener-Deixis (*ἐκεῖνος*). Связь местоиме-

² После ты две повстречаешь скалы: до широкого неба
Острой вершиной восходит одна...

(Пер. В. А. Жуковского).

ния *οὗτος* со вторым лицом поддерживает и этимологический анализ слова: $\acute{o}+v+to < *so-(a)u-to-$, поскольку $*so-/to-$ относится ко второму лицу, что подчеркивает Клейн (Klein 1996: 35), опираясь на ведийское употребление указательного местоимения *sa*.

П. Шантрэн в Гомеровской грамматике отмечает (Chantraine 1953: II 169 # 252), что местоимение *οὗτος* в поэмах Гомера обозначает достаточно близкий объект и часто согласуется со 2 л.: *Il.* 10 82 *τίς δ' οὗτος κατὰ νῆας ἀνὰ στρατὸν ἔρχεται οἶος* ‘кто это идет один между кораблей по военному стану’, что обозначает, собственно ‘кто ты, который идешь один...’. Другие примеры применительно ко 2 л. — *Il.* 7. 110 *Od.* 2. 40; 2. 306. Такое употребление обычно для *οὗτος* в ионийско-аттическом диалекте. В редких случаях *οὗτος* обозначает достаточно удаленный объект, что Шантрэн рассматривает в соотношении с *ὄδε* и *ἐνθα*. Местоимение *ὄδε* обычно относится к тому, что следует, а *οὗτος* отсылает к предшествующему. Шантрэн отмечает *τοῦτο* как совершенно неожиданное в стихе Илиады *Il.* 3. 177 *τοῦτο δέ τοι ἐρέω ὃ μ' ἀνείρεαι ἠδὲ μεταλλᾶς*, где *τοῦτο* стоит вместо ожидаемого *τόδε* в начале речи Елены с обещанием рассказать обо всех ахейских предводителях. В этой же сцене местоимению *ὄδε* в вопросе Приама (*Il.* 3. 167) соответствует местоимение *οὗτος* в ответе Елены (*Il.* 3. 178). Э. Баккер, специально занимавшийся дейксисом в гомеровских поэмах, именно этот пример рассматривает как основной при определении речевого дейксиса, совершенно справедливо подчеркивая роль местоимения *οὗτος* в диалоге при указании на предмет или лицо, находящиеся у обоих перед глазами:

*τοῦτο δέ τοι ἐρέω ὃ μ' ἀνείρεαι ἠδὲ μεταλλᾶς·
οὗτός γ' Ἀτρεΐδης εὐρὸν κρείων Ἀγαμέμνων,
ἀμφοτέρων βασιλεύς τ' ἀγαθὸς κρατερός τ' αἰχμητής·
δαῖρ' αὐτ' ἐμὸς ἔσκε κυνώπιδος, εἴ ποτ' ἔην γε.*

Ты вопрошаешь меня, и тебе я скажу, Дарданион:

Муж сей есть пространно державный Атрид Агамемнон,

Славный в Элладе, как мудрый царь и как доблестный воин.

180 Деверь он был мне; увы, недостойная, если б он был им!

(Пер. Н. И. Гнедича).

Употребление местоимения преимущественно в речи персонажей сформулировано в работах Э. Баккера со всей определенностью. Это наблюдение, безусловно, правильно, но мне хотелось бы привлечь внимание к особому употреблению местоимения *οὗτος*, которое отмечено

уже в Гомеровской грамматике Шантрена, как обычному по отношению к врагам³ *Il.* 5. 257, 22. 38, а также «с оттенком презрения *Il.* 5. 761 (ср. 831, 879); *Od.* 1. 159» (Chantraine 1953: II, 169).

Мне представляется, что в основе такого семантического нюанса лежит более общая семантика, основанная на противопоставлении «мы vs. другие». В таком случае получается, что местоимение *οὗτος* в речи Елены лишний раз подчеркивает ее принадлежность к стану троянцев. В частности, трижды употребленное *οὗτος* в формульных выражениях с именами героев⁴, превосходно вписывается в тройной фольклорный повтор.

Именно поэтому, когда нужно добавить Идомедея, он вводится иначе:

*Ἰδομενεὺς δ' ἑτέρωθεν ἐνὶ Κρήτεσσι θεὸς ὡς
ἔστικ', ἀμφὶ δέ μιν Κρητῶν ἀγούι ἠγυρέθονται.*

Там, среди критских дружин, возвышается, богу подобный,
Идомедей, и при нем предводители критян толпятся

(*Il.* 3 330–331).

(Пер. Н. И. Гнедича).

Комментарий (Kirk 1985: I 298) отмечает, что Елена специально переводит речь на Идомедея и четыре раза упоминает Крит, возможно, для того, чтобы не упомянуть, например, Диомеда.

Название героев может отражать более раннее и древнее фольклорное начало, вплетенное в третью песнь Илиады. Имя противника при описании единоборств находит параллели и в фольклоре, и в реальной истории.

Я предполагаю, что основу для диалога составил традиционный фольклорный текст, вложенный в уста Елены. В этом тексте *οὗτος* обозначало врага, как это часто бывает в эпосе, но при использовании в ее речи требовалось смягчить враждебность по отношению к грекам. Обращалось внимание на подбор персонажей, но не на обозначение их как врагов. Между тем, именно для того, чтобы сделать психологически более достоверной картину, в начале сцены показаны нежные семейные отношения Приама и его невестки («моя дочь», «мой свекр»), а также

³ Ср.: *Il.* 5 257, а также *Il.* 22, 38. Имеется в виду Ахилл, когда Приам просит Гектора не ждать «этого человека» (= самого страшного врага) в поле один на один.

⁴ На это обратил внимание Адам Пэрри (Parry, 1966: 198), который отметил строгую формульность ответов Елены *Il.* 3 178 *οὗτός γ' Ἀτρεΐδης*, *Il.* 3 200 *οὗτος δ' αὖ Λαερτιάδης*, *Il.* 3 229 *οὗτος δ' Αἴας ἐστί*.

не случайно Елена бесстрашно вспоминает Агамемнона как деверя, свою дочь от брака с Менелаем. В этот момент она троянка и жена троянца, дающая, впрочем, жесткую оценку своим поступкам.

Психологизм строится на этом противопоставлении формул традиционного эпического описания противника и принадлежности Елены обоим мирам. Разговор Приама с Еленой полон психологически трудных стыковок, которые начинаются с первых слов, обращенных к Елене:

*δεῖρο πάροισθ' ἔλθοῦσα φίλον τέκος ἴζεν ἐμεῖο,
ᾧφρα ἴδη πρότερόν τε πόσιν πηούς τε φίλου τε·*

Шествуй, дитя мое милое! ближе ко мне ты садися.

Узришь отсюда и первого мужа и кровных, и ближних

(И. 3. 162–163).

(Пер. Н. И. Гнедича).

В Илиаде обращения выполняют важную функцию — и обращение Приама *φίλον τέκος* (И. 3. 162) ‘моя дочь’ не препятствует Приаму прямо говорить о ее предыдущем муже и его родне («твои милые свойственники» = «твои родственники по предыдущему мужу»), приглашая Елену сесть с ним рядом, чтобы она могла всех их видеть.

Елена указывает на своего деверя Агамемнона, но не говорит, где Менелай, а упоминает о дочери. Выполняя просьбу Приама, она называет по именам ахейских героев, причем каждый раз употребляет местоимение *οὗτος*, в котором, как представляется, заключена дистанцированность Елены от греков. Местоимение *οὗτος* в этих контекстах, где речь идет о противниках троянцев, если и не обозначает каждого ахейца как врага, то, по крайней мере, говорит об отчужденности, которая бывает заметна в употреблении этого указательного местоимения.

В ответе Елены (И. 3. 172) обращение «мой свекр» (*αἰδοῖός τε μοῖ ἐσσι φίλε ἐκυρὲ δεινός τε*) сохраняет древнюю метрику, включая воспоминание о начальной группе *sw- в слове «свекр» (*ἐκυρός*), так что появление в стихе формульного *φίλε ἐκυρὲ* приходится отнести к микенскому, а не к эолийскому и, тем более, — не к ионийскому периоду. Этот традиционный, но нарушающий метрику стиха формульный элемент (ср. Lejeune 1974: 303 о сохранении воспоминания о группе согласных в начале слова — «геминация» в терминах Лежена), соседствует с явным новоделом, каковым является созданная по форме 3 л. *ἐσσι*, во всех и.-е. языках отраженная с одним *-s-: скр. *ási*, лат. *es*, ст.-слав. *еси*, лит. *ési*, греч. аттич. *εῖ* (Шантрен 1953: 172).

Можно представить себе микенский сюжет похищения (или добровольного бегства) женщины на корабле, но трудно думать о психологической разработке темы на том уровне, на котором она представлена в Илиаде: прежний муж, на которого Елена не показывает, но называет Агамемнона, Одиссея и Аякса, а также Идоменея. Нет возможности указать на Ахилла, который гневается и не выходит на поле боя, но нет Диомеда и нет Менелая, с которым предстоит сразиться Парису.

Специально подчеркнем, что на десятом году троянцам уже все греческие герои давно должны были быть известны на поле боя, поэтому приходится думать о переработке какого-то древнего сказания в новых терминах — и с новой целью. Отметим также, что Андромаха, которая выходит к воротам, чтобы увидеть Гектора, и Елена, поднимающаяся на стену, чтобы видеть сражение, в общем замысле поэмы составляют два эпизода, уравнивающих друг друга, в которых проступает открытый Ван Гроннингеном принцип маятника, когда повествование переходит от одной противоборствующей стороны к другой. Воспоминание о Гермione мы находим и в лирической поэзии, например, у Сестихора, но уверенности в древности этой детали, безусловно, придающей психологическую достоверность повествованию, у меня нет.

Само выражение *φίλε ἔκυρῆ* указывает только на беседу невестки со свекром, что изначально могло быть никак не связано ни с троянской войной, ни с Еленой и Приамом.

Важно, что поэт подчеркивает семейную близость отношений Приама и Елены в самом начале сцены тейхоскопии и прямо показывает, что у Приама нет сомнений в том, что она на стороне троянцев. Как кажется, употребление местоимения *οὗτος* лишний раз это подчеркивает.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Шантрен 1953 — *Шантрен П.* Историческая морфология греческого языка. Пер. Я. М. Боровского. М.: Изд-во иностранной литературы, 1953.
- Bakker 1999 — *Bakker E. J.* Homeric ΟΥΤΟΣ and the Poetics of Deixis // *Classical Philology*. Vol. 94, No. 1. 1999. P. 1–19.
- Brugmann 1904 — *Brugmann K.* Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. Strassburg: Karl J. Trübner, 1904.
- Chantraine 1953 — *Chantraine P.* Grammaire homérique. Tome II. Syntaxe. Paris: Klincksieck, 1953.

- GL III — Grammatici Latini ex recensione Henrici Keilii vol. III. (= Prisciani grammatici Caesariensis Institutionum grammaticarum libri XVIII ex recensione M. Hertzii. Vol. II). Lipsiae: B. G. Teubner, 1859.
- Kirk 1985 — *Kirk G. S.* The “Iliad”: A commentary. Vol. 1, Books 1–4. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
- Klein 1996 — *Klein J. S.* “*Sa-fige*” and Indo-European deixis // *Historische Sprachforschung*. Bd. 109. 1996. S. 21–39.
- Parry 1966 — *Parry A.* Have we Homer’s Iliad? // *Yale Classical Studies*. Vol. 20. 1966. P. 175–216.

ГРАММАТИКА И СЕМАНТИКА

ОПРЕДЕЛЕННЫЙ АРТИКЛЬ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Петя Асенова

*Факультет славянских филологий,
Софийский университет
им. св. Климента Охридского (София, Болгария)
petyaass@gmail.com*

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Определенность выражается не только определенным артиклем. Часто определенность ассоциируется с ее эксплицитным грамматическим проявлением посредством определенного артикля имен. В действительности, на уровне синтаксиса она характеризует высказывание в целом. Некоторые наблюдения на материале балканских языков (напр. Асенова 2002: 13; Асенова 2010) устанавливают взаимосвязь между категорией определенности и темпорально-аспектуальным содержанием высказывания: глагольные формы, соотносимые с определенностью, пунктуальностью, законченностью, характеризующие семантику аориста и совершенного вида, предпочитают артиклевые формы адвербиализованных имен, в то время как семантике имперфекта и несовершенного вида, наоборот, соответствует употребление неартиклевых адвербов¹ (о болгарском см. Стоянов 1980: 113).

Следовательно, определенность распространяется на все высказывание, а не концентрируется только на именной группе и выражается не только определенным артиклем.

У определенного артикля есть функции, не выражающие определенности. На уровне синтаксиса дистрибуция определенного артикля играет роль квалификатора лексико-грамматических категорий и дифференциатора в случае синтаксической омонимии. На эту роль опре-

¹ Например, болг. *Есен идваше* (импф.) *тук да гнезди*. (Емилиян Станев) ‘Каждую осень она прилетала сюда на гнездовье’; *Есента тя доби* (аор.) *момчана рожба* (П. П. Славейков) ‘Осенью она родила мальчика’.

деленного артикля в болгарском языке обратили внимание впервые Св. Иванчев (1978) и Б. Ю. Норман (1978). Оказалось, что их наблюдения в полной мере находят параллели и в остальных языках балканского языкового союза (БЯС).

Поскольку эти явления обсуждались раньше (Асенова 2002а: 137–140), здесь внимание будет уделено функционированию определенного артикля в языках БЯС в выражении притяжательности и связанных с ним синтаксических чередований.

ОПРЕДЕЛЕННЫЙ АРТИКЛЬ В ПОСЕССИВНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ

В балканских языках определенный артикль является маркером неотчуждаемой посессивности. В языках БЯС, кроме болгарского, так же как и в романских языках, артикль выражает абсолютную, относительную и акцидентальную неотчуждаемость, употребляясь вместо специализированных маркеров посессивности (притяжательных местоимений). В этих случаях, как видно из переводов, в болгарском языке предпочтительно эксплицитное выражение посессивности посредством притяжательных местоимений. Возможные исключения ограничиваются именами, обозначающими близкое родство.

Ср. примеры:

гр. *σήκωσε το χέρι* = рум. *ridică mâna* = алб. *ngriti dorën*, но болг. *повдигна ръка* или *повдигна ръката си* (**повдигна ръката*) ‘он(а) поднял(-а) руку’; гр. *ανασήκωσε το λαιμό* = рум. *întinse gâtul* = алб. *zgjati qafën*, но болг. *опъна шия* или *опъна шията си* (**опъна шията*) ‘он(а) вытянул(-а) шею’;

итал. *E quel subbuglio interno che le sconvolgeva lo spirito, le faceva impeto intanto alla gola* [...]. (L. Pirandello) = болг. *И този вътрешен смут, който разтърсваше душата ѝ, напираше в гърлото ѝ* [...]. (перевод Светозара Златанова).

Определенный артикль в конструкциях с дательным посессивным является маркером объекта обладания (*possessum*). Эти конструкции считаются особенностью так называемого европейского языкового союза (Haspelmath 2001: 1498). Они имеют широкое распространение в языках разного происхождения, обладающих и не обладающих определенным артиклем. В них дательное притяжательное местоимение

синтаксически связано с глаголом, однако семантически оно относится к имени объекта обладания в качестве эго атрибута. Таким образом обладатель (*Possessor*) располагается «вне» атрибутивной синтагмы и вероятно поэтому такого вида посессивная конструкция получила название «конструкция внешнего дательного посессора» (*Dative external possessor = DEP*).

гр. *του γέμισε το ποτήρι* = болг. *напълни му чашиа* — рум. *își umplu paharul* ‘(он) наполнил его стакан’ — алб. *duke i mbushur <...> gotën* ‘наполняя ему стакан’ (из переводов Н. Казандзакиса, см. Asenova 2001/Асенова 2016).

В языках Балканского союза в конструкциях *DEP* именно определенному артиклю принадлежит выражение посессивности. При опущении определенного артикля эта конструкция теряет притяжательную силу: обладатель становится косвенным дополнением (в дативе), или, короче, *DEP > DIO* (*Dative indirect object*).

Условия, при которых опущению артикля способствует переход DEP > DIO

Попытаемся установить условия, при которых возможен этот синтаксический переход.

Сразу видно, что такой переход возможен в следующих случаях:

DEP: (1) *напълни му* (P-ог) *чашиа* (P-um) ‘наполнил его стакан’ > *DIO: напълни / подаде му* (косв. доп.) *чашиа*∅ (прям. доп.) (*вода*) ‘наполнил/дал ему стакан (воды)’; алб. *Ja mbushi gotën > I dha një gotë (ujë)*; гр. *Του γέμισε το ποτήρι > Του γέμισε ένα ποτήρι (νερό)*; рум. *I-a umplut paharul. > I-a umplut/i-a dat un pahar (de/cu apă)* ‘то же’.

Однако в следующем случае такой переход оказывается невозможным: *DEP: (2)* *обичам му децата* ‘я люблю его детей’ > * *обичам му деца*∅.

Опираясь на четыре группы иерархических ограничений, предложенных М. Хаспельматом (Haspelmath 1999: 112), для существования (или несуществования) конструкций с «внешним посессором» в дательном падеже (*DEP*), проверим, в какой степени они применимы к трансформациям в конструкциях с косвенным дополнением (*DIO*). (Хотелось бы сразу отметить, что большая часть этих ограничений в балканских языках преодолима.)

1. *Иерархия одушевленности (The Animacy Hierarchy)*. Обычно *посессор* является одушевленным (личное местоимение → личное имя → другое одушевленное → неодушевленное).

2. *Иерархия, связанная с характером предиката (The Situation Hierarchy)*, на первую позицию ставит предикат, выражающий событие², затрагивающее посессора позитивно или негативно, приписывая ему таким образом качества *бенефициента* или *малефициента*.

Трансформация конструкций *DEP* в конструкции с косвенным дополнением (*DIO*) осуществима, когда у предиката три актанта: агенс (кто), объект действия / пациенс (кого, чего), адресат (кому, чему), напр.

DEP: (3) Зъболекарят му извади зъба ‘Зубной врач вырвал его зуб’ >

DIO: Зъболекарят му извади (един) зъбØ ‘Зубной врач вырвал ему зуб.’

Dentisti i hoqi dhëmbin (ia shkuli dhëmbin) vs. Dentisti i hoqi (vetëm) një dhëmb.

Ο οδοντογιατρός του έβγαλε το δόντι vs. Ο οδοντογιατρός του έβγαλε (ένα) δόντι.

Dentistul i-a scos dintele vs. Dentistul i-a scos un dinte.

3. *Иерархия неотчуждаемости (The Inalienability Hierarchy)*. Степень неотчуждаемости объекта обладания (*possessum*) снижается от абсолютной (части тела) → через относительную (одежда) → к акцидентальной неотчуждаемости. В принципе конструкции *DEP* с абсолютно неотчуждаемым объектом посессивности не поддаются переходу к *DIO*. Исключениями являются случаи, которые относятся к некоторому конечному множеству счетных имен (пальцы, ребра, зубы), и существительные, выражающие неделимую массу (кровь, слезы).

Напр. для русского (4) *Он нянчил мне детей* (пример Рахилина 1982: 25, цит. у Haspelmath 1999: 109) в болгарском возможны два толкования:

(5) *Тя ми гледаше / отгледа децата (DEP)* ‘Она растила / вырастила моих детей.’ vs. *Тя ми отгледа (добри) децаØ и внуциØ (DIO)* ‘Она вырастила мне (хороших) детей и внуков’;

²

Согласно М. Хаспельмату (Haspelmath 1999: 113), статические предикаты неприемлемы для европейских языков. Примеры, которые он приводит в подтверждение из испанского и польского языков, по-видимому, нормальны не только для романских, но и для балканских языков, ср.: порт. *Lhes é errada a construcção* = болг. *Неправилна им е конструкцията* ‘Их конструкция неправильна’; итал. *Gli vidi i denti* ‘I saw his teeth’ = болг. *Видях му зъбите* ‘Я увидел его зубы’.

Αυτή μου μεγάλωσε τα παιδιά vs. *Αυτή μου μεγάλωσε (καλά) παιδιά.*

Ea mi-a crescut copiii vs. *Ea mi-a crescut copii și nepoți buni.*

Для французского (6) *Les larmes lui vinrent aux yeux* (пример Hatcher 1944: 157, цит. у Haspelmath 1999:109) в болгарском тоже возможны два толкования:

(7) *Сълзите му напълниха очите (DEP)* vs. *Сълзи∅ му напълниха очите (DIO)* ‘Слезы наполнили его глаза’;

Та δάκρριά του γέμισαν τα μάτια του vs. *Δάκρρια γέμισαν τα μάτια του.*

Ср. еще примеры:

(8) *Счупиха му крака (DEP)* ‘Они сломали ему ногу’ vs. *Счупиха му крак∅ (DIO)* ‘Они сломали ему ногу’.

I thyen kembën vs. *I thyen një këmbë.*

Тов έспаσαν το πόδι vs. *Тов έспаσαν πόδι.*

I-au spart piciorul vs. *I-au spart un picior.*

(9) *Разбих / счупих му зъбите (= неговите зъби)* ‘Я выбил ему зубы’ / ‘Я сломал ему зубы’ vs. *Счупих му (преден) зъб.* ‘Я сломал ему (передний) зуб.’

Ia theva dhëmbët (me një grusht) vs. *I theva një dhëmb.*

Тов έспаσα τα δόντια / Έспаσα τα δόντια του vs. *Тов έспаσα (ένα, μπροστίно) δόντι.*

I-am spart dinții vs. *I-am spart un dinte din față.*

(10) рум. *Manuilă înțelesese și sângele îi izbucni brusc în obraji (DEP)* // *Мануила разбра и кръвта изведнаж нахлу в лицето му* (перевод Василки Алексовой эксплицирует посессивность) ‘Мануила понял, и кровь вдруг бросилась ему в лицо’, но возможен и перевод посредством DEP: *Мануила разбра и изведнаж му нахлу кръвта в лицето* (= рассердился, разозлился) (DEP) vs. *Изведнаж му нахлу кръв∅ в лицето (DIO)* (= покраснел).

4. *Иерархия синтаксических отношений (The Syntactic Relations Hierarchy)*. Языки БЯС в общем и целом не отклоняются от универсальности этой иерархии: чаще всего синтаксическая связь объекта обладания (possessum) представлена прямым дополнением (ср. прим. (1), (2), (3), (4), (5), (8), (9), за которым следует подлежащее (ср. прим. (6), (7), (10)). Синтаксические модели, которые обеспечивают возможность

трансформации DEP > DIO, в балканских языках соответствуют моделям М. Хаспельмата *a.* и *d.* (Haspelmath 1999:110), а именно:

- P-or P-um
- a.** Subj V Dat Obj: слов. *Zdravnik jim je pregledal želodec* = болг. *Лекарят им прегледа стомаха* ‘Врач обследовал их желудки’.
- d.** V Dat Subj: исп. *Se le dobló el tobillo* = болг. *Изкълчи му се глезенът* ‘Его лодыжка вывихнулась’.

При соблюдении указанных выше условий можно привести следующие примеры:

модель a. DEP: (11) *Плащам им наема* ‘Я плачу за их аренду’ > DIO: *Плащам им наемØ* ‘Я плачу им аренду’.

Atyre ia paguaj unë qiranë (= *Qiranë e tyre e paguaj unë*) vs. *Atyre u paguaj qira*.

Τους πληρώνω το νοίκι / Πληρώνω το νοίκι τους vs. *Τους πληρώνω νοίκι*.

Le plătesc (eu) chiria vs. *Le plătesc chirie (o chirie enormă)*.

модель d. DEP: (12) *Падна му зъбът* ‘Его зуб выпал’ > DIO: *Падна му (млечен) зъбØ* ‘У него (молочный) зуб выпал’.

I ra dhëmbi. vs. *I ka rënë një dhëmb qumështi.*

Έπεσε το δόντι του / Το έπεσε το δόντι vs. *Το έπεσε δόντι.*

I-a căzut dintele vs. *I-a căzut un dinte (de lapte).*

DEP: (13) рум. *rochia îmi zburase cu valiza* (прим. Свешникова 1986: 203) = болг. *Изчезна ми роклята от куфара* ‘Мое платье исчезло из чемодана’ > DIO: *Изчезна му рокляØ от куфара* ‘У меня пропало платье из чемодана’.

Më ka humbur fustani nga valixhja vs. *Me ka humbur një fustan nga valixhja.*

Mi-a dispărut rochia din valiză vs. *Mi-a dispărut o rochie din valiză:*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

У определенного артикля довольно много функций, не сопряженных с определенностью. Определенный артикль является основным маркером посессивности в конструкциях «внешнего посессора в дательном падеже» (*DEP*). При его удалении образуются дательные конструкции другого типа, в которых (особенно в албанском и румынском и реже в греческом) употребление неопределенного артикля является почти обязательным. Возможность этого перехода зависит прежде всего от семантики предиката: предикат должен выражать значения типа *давать*, *отдавать*, *присуждать*, *снабжать* или антонимические *отнимать*, *брать* / *отбирать*, *препятствовать*, при этом в семантике затрагиваемого объекта обладания (*possessum*) должна выявляться способность «претерпевать» воздействия, которые превращают его в бенефициент или малефициент.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Асенова 2002 — *Асенова П.* Някои проблеми на изследването на глаголната система на балканския езиков съюз // Съпоставително езикознание 2002 (XXVII), 3. С. 5–15.
- Асенова 2002a — *Асенова П.* Балканско езикознание. Основни проблеми на Балканския езиков съюз. В. Търново: Faber, 2002.
- Асенова 2010 — *Асенова П.* Темпоральность / аспектуальность и детерминированность // Глаголната система на балканските езици — наследство и неология. Сборник доклади от Международна научна конференция. ВТУ «Св. св. Кирил и Методий», 30.IV–2.V.2009. В. Търново: Faber, 2010. С. 51–62.
- Иванчев 1978 — *Иванчев Св.* Наблюдения върху употребата на члена в български език // *Иванчев Св.* Приноси в българското и славянското езикознание. София: Наука и изкуство, 1978. С. 128–151.
- Норман 1978 — *Норман Б. Ю.* О синтаксических функциях артикля в болгарском языке // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Філалогія, журналістыка, педагогіка, псіхалогія 1978. С. 46–51.
- Свешникова 1986 — *Свешникова Т. Н.* Об одном способе выражения посессивности в румынском языке // Славянское и балканское языкознание. Вып. 10. Проблемы диалектологии и категории посессивности. М.: Наука, 1986. С. 201–208.

- Стоянов 1980 — *Стоянов Ст.* Граматическата категория *определеност* в българския език. София: Народна просвета, 1980.
- Asenova 2001 — *Asenova P.* Observations sur la structure du texte balkanique // *Zeitschrift für Balkanologie*. Т. 37/2. 2001. С. 119–135. [Асенова 2016 — *Asenova P.* Observations sur la structure du texte balkanique // *Асенова П.* Избрани статии по балканско езикознание. София: АПП Аля, 2016. С. 212–240].
- Haspelmath 1999 — *Haspelmath M.* External possession in a European areal perspective // Payne D., Barshi I. (eds.) *External Possession*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1999. P. 109–136.
- Haspelmath 2001 — *Haspelmath M.* The European linguistic area: Standard Average European // Haspelmath M., König E., Oesterreicher W., Raible W. (eds.) *Language typology and language universals. An international handbook*. Vol. 2. Berlin, New York, 2001. P. 1492–1510.

DETERMINATION IN POSSESSIVE, DEMONSTRATIVE AND POSSESSIVE-DEMONSTRATIVE CONSTRUCTIONS IN THE BALKAN LANGUAGES

Ekaterina Tarpomanova

Saint Kliment Ohridski University of Sofia (Bulgaria)
katya@slav.uni-sofia.bg

Bilyana Mihaylova

Saint Kliment Ohridski University of Sofia (Bulgaria)
biliana@slav.uni-sofia.bg

0. INTRODUCTION

The (postponed) definite article is one of the primary common features in the nominal systems of the Balkan *Sprachbund*. The fact that Balkan Slavic has developed a definite article and Balkan Romance a postponed one has been underlined since the early phase of the Balkan linguistics (cf. Sandfeld 1930). A Balkan invariant of the use of the definite article has been proposed by Revzin (Ревзин 1977) and further enlarged by Asenova (Асенова 2002: 130–140). The double determination — the use of two or more markers of definiteness within a nominal phrase, is another phenomenon that occurs in the Balkan languages described by Asenova (2002: 129–130), Rudin (2018), Joseph (2019), Friedman (2019), Friedman and Rudin (2021). Our study focuses on the possessive, demonstrative and possessive-demonstrative constructions in Greek, Romanian, Albanian, and Bulgarian and the role of the article within them.

1. POSSESSIVE CONSTRUCTIONS

In many languages possessive constructions, referring to noun phrases (NP) that involve a possessive determiner, imply definiteness. To form an indefinite possessive construction, a periphrastic way is used. Since possessives include definiteness in their meaning, they cannot co-occur with other determiners, such as demonstratives and articles.

- Eng. *This is my friend. / This is a friend of mine. / *this my friend / *the my friend / *a my friend*
- Fr. *C'est mon ami. / C'est un ami à moi. / *ce mon ami / *le mon ami / *un mon ami.*

In the Balkan languages definite and indefinite constructions are formed with the same possessives but with different articles to mark definiteness and indefiniteness. In Greek, Romanian and Bulgarian three markers are possible: Definite article, indefinite article and zero article. In Greek the so-called full form of the possessives, which in fact functions as a regular adjective, covers the same three types, but additionally, a pattern with double determination is possible to express emphasis. In Bulgarian, on the other hand, the possessive clitics can be used only with a definite NP (except for some names of relatives which are not a topic of the study, cf. Асенова 2002: 136).

- Gr. *Αυτός είναι ο φίλος μου. / Αυτός είναι ένας φίλος μου. / Αυτός είναι φίλος μου.*
- Gr. *Αυτός είναι ο δικός μου φίλος. / Αυτός είναι ο δικός μου ο φίλος. / Αυτός είναι ένας δικός μου φίλος. / Αυτός είναι δικός μου φίλος.*
- Rom. *Acest este prietenul meu. / Acest este un prieten al meu. / Acest este prieten al meu.*
- Bulg. *Това е моят приятел. / Това е един мой приятел. / Това е мой приятел.*
*Това е приятелят ми. / *приятел ми / *един приятел ми*
 'This is my friend. / This is a friend of mine.'

In Albanian, there are much more patterns expressing either definiteness or indefiniteness. To express definiteness, the regular pattern with a definite noun is used, and additionally, an emphatic pattern with double determination, i.e., both the noun and the possessive add a definite article. To denote indefiniteness, besides the usual options with indefinite or zero article, two other patterns are found: in the first one the indefinite article co-occurs with the definite one and in the second one it is added to a possessive construction with double determination.

- Alb. *Ky është miku im. / Ky është miku imi.*
 'This is my friend.'
Ky është një mik im. / Ky është mik im. / Ky është një miku im. / Ky është një miku imi.
 'This is a friend of mine.'

The sentences below illustrate the context of some of the more unusual patterns in Albanian:

Jo shumë moti një mik imi u paraqit në skenë i freskët nga divorci. (ceol.com) ‘Not a long time ago, a friend of mine showed up freshly divorced.’

Mbrëmë, në Itali, korri një fitore të shkëlqyer një mik i madh i Shqipërisë, i Partisë Demokratike, miku imi, Silvio Berlusconi. (arkiva.km.gov.alb) ‘Last night, in Italy, a big friend of Albania and of the Democratic Party achieved a brilliant victory, my friend Silvio Berlusconi.’

...një ditë në 2019-ën një miku imi më ftoi në një konferencë online për bizneset online. (panoramaonline.com) ‘...one day in 2019, a friend of mine invited me to an online conference about the online business.’

2. DEMONSTRATIVE CONSTRUCTIONS

Demonstrative constructions are NPs in which the noun is modified by a demonstrative determiner. They always imply definiteness. In many languages, again, demonstratives cannot co-occur with articles or other determiners.

Eng. *This woman is clever.* / **this the woman* / **this a woman*

Fr. *Cette femme est intelligente.* / **cette la femme* / **cette une femme*

The demonstrative constructions vary across the Balkan languages, each of them having peculiarities. In Greek and Romanian, this type of construction has fixed patterns. In Greek it always includes the definite article, whereas in Romanian there are two patterns according to the word order: If the demonstrative precedes the noun, there is no article in the construction, and if the demonstrative is in postposition, both the demonstrative and the noun are marked for definiteness.

Gr. *αυτός ο φίλος* / **αυτός φίλος*

Rom. *acest prieten* / *prietenul acesta*

‘this friend’

In Bulgarian and Albanian the regular pattern is the one without definite article.

Bulg. *този приятел*

Alb. *ky mik*

‘this friend’

However, the use of the definite article is possible especially if the noun has another modifier — an adjective, an adverb, a PP, or an embedded clause. In Albanian the pattern with definite article is emphatic as compared with the neutral one, but not necessarily expressive. It can also occur without any modifier. In Bulgarian, it is very rare, always expressive and/or affective, usually with negative connotation. It arose most probably as an apposition, which can still be seen in sentences where the noun has no modifier or is modified by a PP, whereas the co-occurrence of the demonstrative with a substantivized adjective sounds the most natural. Similar examples in Macedonian can be found in (Friedman and Rudin 2021). It seems that Macedonian slightly differs from Bulgarian in terms of frequency, but not in terms of usage.

Alb. *Këndon edhe me sy ky njeriu.* (Instagram) ‘He sings with eyes too, this man.’

Ky njeriu që bëre, duket i vërtetë. (Odhise Grillo, *Valbona blen ylberin*) ‘This man that you made looks like real.’

Ky njeriu këtu (drejton gishtin tregues në drejtim të portretit të kryeministrit Edi Rama) në mënyrë absolute e ka lënë Shqipërinë pa institucione. (sot.com.al) ‘This man here (he points with the index finger to the portrait of the prime minister Edi Rama) absolutely left Albania without institutions.’

Ah, ky njeriu i shkretë! (Twitter) ‘Oh, this poor man!’

Bulg. *Ония идиотите ги прескачай. Да вървят на майната си.* (bg-mamma.com) ‘Don’t pay attention to those idiots. They can go to hell.’

В онази къщата на гробището, където бяха Даръл и Бет, нали дойде едно куче да проси храна. (bg-mamma.com) ‘In that house at the cemetery, where Darrel and Beth lived, a dog came to beg for food, remember?’

То кой работи тези дни, освен нас и онези горките женици по супермаркетите. (homes.gruh.org) ‘Who else works at all these days but us and those poor women in the supermarkets.’

Тая лудата се беше скрила за известно време. (vremeto.dir.bg) ‘This crazy [woman] disappeared for a while.’

– *А тази малката пък коя е? — извика той и се наведе да види близначката, която се беше скрила зад учителката.* (Камен Калчев, “При извора на живота”) ‘And who is this little one? — he shouted and bent down to see the twin who had hidden behind the teacher.’

The indefinite article is incompatible with the demonstrative constructions in all Balkan languages.

3. POSSESSIVE-DEMONSTRATIVE CONSTRUCTIONS

Possessive-demonstrative constructions are NPs that include both possessives and demonstratives. We already noticed that they cannot co-occur in languages where they function as determiners. In the Balkan languages they occur with two functions: The first one is stylistically neutral, it consists in attaching a demonstrative to a possessive construction thus adding an extra-discourse (deictic) or intra-discourse (anaphoric or cataphoric) reference, whereas the second one is expressive being the result of the expressive potential of the demonstratives but also of the co-occurrence of the demonstratives and the possessives (Търпоманова 2020: 189–192).

In Greek and Romanian, the possessive-demonstrative constructions are built following the respective patterns of the demonstrative ones: With the obligatory definite article in Greek and depending on the word order in Romanian.

Gr. *αυτός ο φίλος μου*

Rom. *acest prieten al meu / prietenul acesta al meu*
‘this friend of mine’

In Albanian, as the possessive has the function of a noun modifier, the pattern with definite article is preferred in possessive-demonstrative constructions. The other patterns — without article, with article added to the possessive and with double article, are possible, but rare, the last two being rather emphatic.

Alb. *ky miku im / (very rare) ky mik im / (rare) ky mik imi / (rare) ky miku imi*
‘this friend of mine’

In Bulgarian, for the same reason, patterns without and with definite article occur, the former being the regular, more frequent, with either neutral or expressive function, whereas the latter can be only expressive. The pattern with possessive clitics, in which they take the second position in the word order thus modifying the demonstrative, is less frequent and mostly neutral. In this pattern the noun has no article, because the clitic modifies the demonstrative which implies definiteness. Another pattern with possessive clitics is possible, in which the clitic modifies the noun that has a definite article. It is rare and, in our view, rather an apposition.

Bulg. *този мой приятел / този моят приятел / този ми приятел / този приятелят ми*
 ‘this friend of mine’

The following sentence illustrates the use of the possessive clitic as a modifier of a definite noun:

Bulg. *А че историкът ме прецака, тоя приятеля ми, не гаджето ми, приятеля ми имам предвид, определяйки сума, която щяла да ми стигне...* (puls.bg) ‘And that the historian screwed me, this friend of mine, not my boyfriend, I mean my friend, determining an amount that would have been enough for me...’

4. CONCLUSIONS

Unlike many other languages, the possessives in the Balkan languages do not imply definiteness and subsequently can co-occur with indefinite article and zero article to express indefiniteness. That is to say that they do not function as determiners but rather as modifiers. This also applies for the Greek possessive clitics but not to the Bulgarian ones which are the only exception of the common Balkan model as they require a definite NP. Another peculiarity of the Balkan possessives is the possibility to co-occur with demonstratives thus forming possessive-demonstratives constructions.

The demonstrative and the possessive-demonstrative constructions in Greek and Romanian are grammaticalized, i.e., the presence or the lack of the definite article is not motivated by any semantic or pragmatic reasons. In Albanian, a desemanticization of the definite article is in process allowing for the co-occurrence of the definite and indefinite article in constructions with indefinite value. In Bulgarian, the definite article in demonstrative and possessive-demonstrative constructions is a pragmatic means mostly used with expressive value.

REFERENCES

- Friedman 2019 — *Friedman V. A.* Double determination in colloquial Macedonian. Evidence from the 2015 Bombi // Pennington J. J., Friedman V. A., Grenoble L. A. (eds.). And thus you are everywhere honored. Studies dedicated to Brian D. Joseph. Bloomington: Slavica Publishers, 2019. P. 109–124.

- Friedman and Rudin 2021 — *Friedman V. A, Rudin C.* Double determination in Balkan Slavic and Albanian: Typology & areality // Vătăşescu C. (ed.). New perspectives in Balkan linguistics. Proceedings of the session held at the 12th International Congress of South-East European Studies (Bucharest, 2–6 September 2019). Brăila: Editura Istros a Muzeului Brăilei “Carol I”, 2021. P. 9–24.
- Josepf 2019 — *Joseph B. D.* Multiple determination in Greek and the Balkans // *Balkanistica* 32:1, 2019. P. 171–183.
- Rudin 2018 — *Rudin C.* Multiple determination in Bulgarian and Macedonian. An exploration of structure, usage, and meaning // Dickey S. M., Lauersdorf M. R. (eds.). *V zeleni drželi zeleni breg*. Studies in Honor of Marc L. Greenberg. Bloomington: Slavica Publishers, 2018. P. 263–286.
- Sandfeld 1930 — *Sandfeld Kr.* Linguistique balkanique: problèmes et résultats, Paris: Librairie ancienne Honoré Champion, 1930.
- Асенова 2002 — *Асенова П.* Балканско езикознание. Велико Търново: Фабер, 2002.
- Ревзин 1977 — *Ревзин И. И.* Вопросы структурно-типологического подхода к категории определенности в балканских языках // Балканский лингвистический сборник. Москва: Наука, 1977. С. 208–218.
- Търпоманова 2020 — *Търпоманова Е.* Функции на местоименията в балканските езици. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2020.

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД УПОТРЕБЛЕНИЯМИ ЛЕКСЕМ *САМ* / *ΙΔΙΟΣ* В БОЛГАРСКОМ И НОВОГРЕЧЕСКОМ ЯЗЫКАХ

Христина Г. Марку

*Фракийский университет имени Демокрита
(Комотини, Греция)
cmarkou@bscc.duth.gr*

1. ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ И ИСХОДНАЯ ГИПОТЕЗА

В настоящей статье будут рассмотрены употребления лексем *сам* / *ιδιος* в болгарском и новогреческом языках, в которых они выступают в качестве т. наз. «определительных местоимений», выполняя выделительные и усилительные функции, характерные скорее для частиц, чем для местоимений (Přemysl 1994: 438). В литературе по данному вопросу неоднократно обращалось внимание на «почти неуловимое» лексическое значение слова *сам*, напр. в русском языке, в приименных связях «приблизительно соотносящееся с частицами *именно* и *даже*, *даже* и, иногда приближающееся к союзу *также* и, а во многих случаях лексическим сопоставлениям [оно] вообще не поддается» (Тагамлицкая 1969: 440).

Словарная и традиционно-грамматическая интерпретация этих единиц тоже неоднозначны. В традиционной новогреческой грамматике принято считать, что в конкретных позициях перед определенным существительным или после него, после указательного или личного местоимения, артиклевая форма *ο ιδιος* ‘сам’ выполняет функции определительного местоимения, выделяя лицо или предмет среди других (Τζάρτζανος 1999: 145). Указываются его эмфатические функции со значением ‘он сам, а не кто-нибудь другой’ (ΑΝΕΓ, 770). Что касается лексемы *сам* в болгарском языке, в лексикографических источниках тоже отмечается богатство контекстуальных значений и употреблений в качестве прилагательного или местоимения. В сочетании с личными местоимениями и субстантивами данная лексема употребляется для

подчеркивания, усиления, выделения их смысла: *Самата тя донесе чиста риза и нови дрехи на мъжа си*. ‘Она сама / именно она принесла мужу чистую рубашку и новую одежду’. С этой же семантикой *сам* употребляется также самостоятельно вместо личного местоимения: *Как да не знам, когато сам присъствувах на разправията!* ‘Как я мог не знать, когда (я) сам / лично присутствовал при споре!’ (РБЕ).

Наша гипотеза состоит в том, что в ряде контекстов в составе именной группы, лексические элементы *сам / ίδιος* выделяют, подчеркивают и усиливают семантику существительных или местоимений, выступая в роли маркеров индивидуализации и интенсификации.

2. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНТЕКСТОВ УПОТРЕБЛЕНИЙ *САМ / ΙΔΙΟΣ*

2.1. *Сам / ίδιος* как маркер индивидуализации

В приведенных ниже примерах лексемы *сам / ίδιος* выступают в роли маркера особой значимости субъекта или объекта, их индивидуализации в ситуациях сопоставления, противопоставления, сравнения (Корепина 2015б: 244): *не кто иной и не что иное, как именно названное лицо или предмет*¹. В качестве маркеров индивидуализации, *сам / ίδιος* могут находиться как в препозиции (примеры 3, 4), так и в постпозиции (примеры 1, 2, 6) по отношению к имени или личному местоимению, в позиции контактной (примеры 1, 4, 5) или бесконтактной (примеры 2, 3).

В новогреческом языке препозитивное употребление возможно только с существительными, в употреблении с местоимениями *о ίδιος* находится всегда в постпозиции. Лексемы *сам / ίδιος* сочетаются с конкретными и абстрактными существительными, с местоимениями, с именами собственными. Во всех представленных ниже примерах они находятся в составе именной группы при ее вершине и маркируют «главное действующее лицо в текущий момент времени», которое выполняет роль «точки отсчета глобальной ситуации в целом» (Корепина 2015а: 60).

- (1) *Аз самата ще му отрежа главата.*
‘Я сама отрежу ему голову’.

¹ См. контрастивное *сам*, «именно X», по определению Кибрика и Богдановой, которые разграничивают разные употребления приименного *сам* в русском языке: добавляющее и контрастивное постпозитивное *сам*, неожиданное и дискурсивное препозитивное *сам* (см. Кибрик, Богданова 1995: 30–34).

- (2) *Ο Διγενής σκάβει ο ίδιος τον τάφο του.*
‘Дигенис сам копает себе могилу’ (Τζάρτζανος 1999: 146).
- (3) *Τον σκότωσε η ίδια του η μάνα.*
‘Его убила сама его мать’.
- (4) *Самият цар се отрече от Христа и започнал открито да принася жертви на идолите.*
‘Сам царь отрекся от Христа и стал открыто приносить жертвы идолам.’
- (5) *Η ζωή η ίδια μου έμαθε ότι το να δίνεις χαρά είναι το πιο σημαντικό πράγμα!*
‘Сама жизнь научила меня, что дарить радость — это самое главное!’

В вышеприведенных примерах *сам / ίδιος* связываются с субъектом действия. Возможны также употребления, когда именной компонент, к которому эти лексемы относятся, выражает прямой или косвенный объект.

- (6) *Εγώ, βασιλιά μου, έλεγα να σε πάρω τον ίδιο.*
‘Я, мой царь, собирался забрать тебя самого’ (Τζάρτζανος 1999: 146).
- (7) *Ο φόβος του θανάτου επικεντρώνεται περισσότερο στην πράξη του θανάτου παρά στον ίδιο τον θάνατο.*
‘Страх смерти фокусируется больше на акте умирания, чем на самой смерти’.

Как уже было сказано, в греческом языке *ο ίδιος* употребляется всегда с определенным артиклем. В болгарском возможны как артиклевые, так и безартиклевые формы лексемы *сам*, которые семантически дифференцируются в зависимости от позиции по отношению к вершине²: в примере (8), занимая препозицию, безартиклевое *сам* приобретает значение *лично, именно он* (ср. пример (4) с употреблением артиклевой формы). В примерах (9) и (10), следуя за вершиной, *сам* функционирует со значением *самостоятельно, по собственному желанию, без чужой помощи или побуждения*. В греческом данное значение выражается прилагательным *μόνος*, выступающим в роли определительного место-

² В русском языке наблюдается такая же зависимость семантики приименного *сам* от позиции по отношению к вершине и от просодии именной группы (см. Кибрик, Богданова 1995: 28).

имения (см. Τζάρτζανος 1999: 146, ЛКН). Эти употребления нас не интересуют, и мы не будем их рассматривать.

- (8) *Κοὶ ζναε κολκο би продължило веселието, ако сам императорът не даде пръв знак за разотиване.*
 ‘Кто знает, сколько продлилось бы веселье, если бы сам император не подал первый знак разойтись’ (Ст. Загорчинов).
- (9) *Царят сам се отрeкъл от Христа.*
 ‘Царь сам отрeкся от Христа’.
- (10) *Жената сама се съгласила.*
 ‘Женщина сама согласилась’.

Кроме употреблений в препозиции или постпозиции к существительному или местоимению, возможно и самостоятельное употребление, когда местоимение подразумевается:

- (11) *Να μας τα φέρεις η ίδια.*
Да ни ги донесеш сама.
 ‘Принеси нам их сама’.

2.2. *Сам / ίδιος* как интенсификатор

Контекстуальные употребления маркеров *сам / ίδιος* не исчерпываются приведенными примерами, существует еще ряд случаев, в которых они выступают всегда с определенным артиклем, подчеркивая и усиливая не конкретные качественные или количественные свойства существительного, к которому примыкают, а его значение в высшем смысле и проявлении³. Т.е., они принадлежат к языковым средствам, которые могут выполнять интенсифицирующие функции. В данной функции *сам / ίδιος* являются экспонентами прагматической оценки (Осенова 2002: 6). Интенсификация предполагает существование степеней, расположенных на шкале (Зидарова 2015: 206). Известно, однако, что градации подлежат не только прилагательные, но и глаголы, и существительные. В нашем случае кажется подходящим применить предложенную К. Кеннеди и Л. МакНэлли (Kennedy, McNally 2005, цит. по Γαβριηλίδου 2013: 43) дифференциацию открытых и закрытых шкал.

³ Значения усиления выражаются прежде всего в подчеркивании, выделении имени во фразе или в субъективной оценке, которую говорящий дает референту и всегда содержит прагматический элемент (Зидарова 2016: 207–208).

Распределение модификаторов зависит от характера шкалы, на которой представлено свойство (измерение). В случае закрытых шкал интенсификатор сравнивает степень выражения свойства в связи с его максимальным или минимальным пределом. Предельные максимальные значения выражаются интенсификаторами со значением ‘абсолютно, полностью’ (см. Γαβριηλίδου 2013: 44–46). Так например в предложении *Γνώρισε την απόλυτη επιτυχία* ‘Достиг абсолютного успеха’ интенсификатор *απόλυτος* ‘абсолютный’ отмечает максимальный предел семантики существительного (Γαβριηλίδου 2013: 45). К данной категории интенсификаторов мы относим и элементы *сам / ίδιος* в функции показателей абсолютного предела характеристики существительного.

- (12) *Μοτορът спрял на **самия** ръб над пропастта.*
‘Мотоцикл остановился на самом краю пропасти’.
- (13) *Други бяха я видели седнала на **самия** край на скалата на Куков вир.*
‘Некоторые видели, как она сидела на самом краю скалы на Куковом вире’ (Й. Йовков).
- (14) *О, тая жажда — по-страшна от **самата** смърт.*
‘О, эта жажда — страшнее самой смерти’ (Вес. Георгиев).
- (15) *Θα ονειρευτής την Ομορφιά **την ίδια**.*
‘Ты увидишь во сне саму Красоту’ (Τζάρτζανος 1999: 145).

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В представленном тексте мы попытались описать некоторые аспекты семантики и поведение лексем *сам / ίδιος* в болгарском и в новогреческом языках. Исследуемые лексемы появляются в составе именной группы в ряде употреблений, наблюдения над которыми позволяют нам утверждать, что анализируемые лексемы могут выполнять функции маркеров индивидуализации и интенсификации. Активация значений индивидуализации в болгарском языке находится в тесной зависимости от позиции лексемы в рамках именной группы, а не от определенности ее форм. В новогреческом для конкретизации семантики основную роль играет контекст. Большую ясность могут внести наблюдения над корпусами переводных текстов. В роли интенсификаторов как в болгарском, так и в новогреческом, лексемы *сам / ίδιος* употребляются всегда с определенным артиклем.

ΒΙΒΛΙΟΓΡΑΦΙΑ

- Зидарова 2016 — *Зидарова Β.* Неопределительного местоимение *един* като интенсификатор // Научни трудове на ПУ «Паисий Хилендарски». Т. 54, кн. 1, сб. А — Филология. С. 206–214.
- Кибрик, Богданова 1995 — *Кибрик Α. Ε., Богданова Ε. Α.* САМ как оператор коррекции ожиданий адресата // Вопросы языкознания. 1995. № 3. С. 28–47.
- Κορεπινα 2015α — *Κορεπινα Η. Α.* Семантика слова *сам* // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. 2015. № 5–6. С. 58–61.
- Κορεπινα 2015β — *Κορεπινα Η. Α.* Адвербиальное и контрастивное *сам* // Вестник ИрГТУ. 2015. № 8 (103). С. 242–246.
- Осенова 2002 — *Осенова Π.* Семантика и прагматика на българските неопределителни местоимения. София: Се-марш, 2002.
- РБЕ — *Речник на българския език*. София: БАН, 1977–.
- Тагамлицкая 1969 — *Тагамлицкая Γ.* О грамматической природе слов «сам» и «самый» // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. 1969. № 5. С. 437–444.
- Kennedy, McNally 2005 — *Kennedy C., McNally L.* Scale structure, degree modification, and the semantic of gradable predicates // Language 81, 2005. P. 345–348.
- Přemysl 1994 — *Přemysl Α.* Рефлексивность и местоимение *сам* // Revue des études slaves, 1994, t. 66, fascicule 3. С. 437–440.
- Γαβριηλίδου 2013 — *Γαβριηλίδου Ζ.* Όψεις επίτασης στη νέα ελληνική. Θεσσαλονίκη: Εκδόσεις Κυριακίδη, 2013.
- ΛΚΝ — Λεξικό της Κοινής Νεοελληνικής, Θεσσαλονίκη: Ινστιτούτο Νεοελληνικών Σπουδών. Ίδρυμα Μανόλη Τριανταφυλλίδη, 1998.
- ΛΝΕΓ — Λεξικό της Νέας Ελληνικής Γλώσσας. Αθήνα: Κέντρο Λεξικολογίας, 2008.
- Τζάρτζανος 1999 — *Τζάρτζανος Α.* Νεοελληνική σύνταξις (της κοινής δημοτικής). Τ. Α., Θεσσαλονίκη: Εκδόσεις Κυριακίδη, 1999.

КВАЗИИМПЕРАТИВНЫЕ ФОРМЫ ПРИ ПЕРЕСКАЗЕ ПОВЕЛЕНИЯ В МАКЕДОНСКОМ ЯЗЫКЕ

Наталья Игоревна Кикило

Институт славяноведения РАН (Москва)

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)*

kikilo@bitandpin.com

Семантическая зона эвиденциальности объединяет грамматические показатели и лексические единицы, которые указывают на способ доступа к информации о сообщаемой ситуации (Плунгян 2011: 463). Используя эвиденциальные маркеры, говорящий показывает, как он получил сведения: путем собственного наблюдения или же опосредованно (косвенное свидетельство). В македонском языке эвиденциальные показатели непрямого доступа с диффузным значением грамматикализованы на базе перфектных форм на *-л* (мак. *минато неопределено време*), которые состоят из спрягаемого глагол *сум* и *л*-причастия, образованного от аористой или имперфектной основы (Усикова 2003: 217–218). Доступ к информации обязательно маркируется при описании реальных или представляемых как реальные событий в прошлом: несвидетельские *сум л*-формы (или косвенные эвиденциалы) противопоставлены свидетельским формам аориста и имперфекта, которые говорящий выбирает в том случае, если он имел прямой доступ к информации, переданной в сообщении, и не сомневается в ее достоверности, т.е. она вошла в фонд «сильных» знаний говорящего (Ницолова 2007: 115). Употребление других индикативных времен не сигнализирует об обязательном свидетельском статусе говорящего. Эвиденциальные формы презенса (*сум правел*), футура (*ке сум правел*) или *има*-перфекта (*сум имал правено*) показывают, что данные получены через опосредованный источник, или же содержат эпистемический компонент, характеризующий отношение говорящего к передаваемой информации: недоверие, сомнение, негативную реакцию и т.д.

В македонском языке существует несколько способов пересказа повеления, использование косвенных эвиденциалов является факультативным и зависит от говорящего и выбранной им стратегии представления

информации. При нейтральной передаче повеления глагол речи или глагол каузативной семантики присоединяет презентную *да*-конструкцию (Усикова 1982: 742):

- 1) – *Знаеш дека Туника си отиде? — Не знам. — Е, на добро, сега знаеш, — продолжи. — **Ми рече да те поздравам.***
 ‘— Ты знаешь, что Туника уехала? — Не знаю. — Ну, вот, теперь знаешь, — продолжил он. — Она сказала передать тебе привет’¹
 (В. Подгорец, «Птиците одлетаа»).
- 2) *А и командирот се погодил разбран човек. Им **заповедал** на војниците **да не прават** пакост по селата.*
 ‘И командир попался понимающий. Он приказал солдатам не ма-родерствовать по селам’ (П. М. Андреевски, «Пиреј»).

В примерах 1 и 2 пересказ повеления передается лексически предикатом в главной части, а придаточная часть имеет зависимую временную референцию. Косвенные эвиденциалы могут встречаться в составе зависимого предиката (*да*-конструкции), дважды маркируя информацию о том, что прескриптором повеления является другое лицо, не говорящий (Конески 2004: 481). В примере 3 формы конструкции *да сум ве поканела* контекстуально заменима на презентный вариант *да ве поканам*:

- 3) – *У! — Благуна пушти вик на изненада. — За кое добро те прати соседот Пере? — Да ве поканам. Тебе и Стојмира ве кани на вечера. В четврток имаме вечера, роднини, сватоштиње и така... и вас, **рече, да сум ве поканела.***
 ‘— Ох! — удивленно воскликнула Благуна. — С каким добрым словом прислал тебя сосед Пере? — Чтобы пригласить вас. Тебя и Стоймира он приглашает на ужин. В этот четверг у нас будет ужин, родственники, сваты... и вас он сказал пригласить’
 (В. Малески, «Разбој»).

Квазиимперативными формами будут называться синтаксически независимые *да*-конструкции, имеющие в своем составе косвенные эвиденциалы. Они маркируют высказывания, которые не имеют иллокутивной силы и по сути являются ассертивными (Козинцева 2007: 30). Специфика взаимодействия категории эвиденциальности и лица глагола состоит в том, что при пересказе повеления предикат стоит в форме первого

¹ Переводы примеров выполнены автором статьи.

лица, хотя для прототипической ситуации пересказа характерна форма третьего лица, поскольку передается информация о действиях, не затрагивающих участников речевого акта:

- 4) *Цела бременост се мислев помеѓу овие две именца, но денес на ручек фамилијарно моите и неговите не се согласија... **да сме барале** некое пократко име. Јас гласам за Јана, маж ми за Искра.*

‘Всю беременность я выбирала между двумя именами, но сегодня за обедом и его, и мои родители беспардонно их отвергли... мол, ищите другое имя, покороче. Мне нравится имя Яна, мужу — Искра’ (форум femina.mk, дата обрац. 20.11.22).

Квазиимперативные формы характерны для модализированных стратегий употребления косвенных эвиденциалов, когда в коммуникативную задачу говорящего входит подчеркнуть дистанцирование от повеления (чужой воли), поскольку оно расценивается как неприемлемое по тем или иным причинам и не соответствует собственным ожиданиям говорящего (англ. *conceptual distance* в (Aikhenvald 2004: 158)).

- 5) *Утредента се јави Дебелиот. **Да сме правеле** претстава. На сета збрка што ја имавме, уште тоа ни требаше. Нова претстава.*

‘На следующий день позвонил Толстяк. Мол, делайте шоу. Ко всей прочей неразберихе нам еще этого не хватало. Нового шоу’ (И. Цамбазов, «Прирачник за антиалкохоличари»).

Компактные по форме и многослойные в своей семантике квазиимперативные *да*-конструкции используются в текстах, где повествование персонифицировано (пример 5). Выбор в пользу данных грамматических форм обуславливается и их прагматической функцией — управлять фокусом внимания слушающего (ср. Макарецев 2014: 57), заставляя проживать события сквозь призму субъективной интерпретации говорящего. В произведении К. Колбе «Снег в Касабланке» (2005) героиня живет в эмиграции, общаясь со своей семьей на расстоянии. Повествование ведется от первого лица, и автор последовательно в романе использует квазиимперативные формы в речи героини для пересказа разговоров с родными, знакомыми, друзьями, сохраняя фокус читателя на переживаниях девушки, перспективе ее восприятия. При этом косвенные эвиденциалы могут как иметь (пример 6), так и не иметь (пример 7)

модального компонента в значении, т.е. выражать отношение говорящего к пересказанному повелению:

- 6) *Се јавувам, пак, кај тетка Рада, во Бугарија. Прв пат ѝ се јавив уште во првите денови во Скопје. Тогаш таа рече, со најголема сигурност ќе се вратела по една недела. Можеби и порано. **Да не сум се грижела.** Таа ќе си ја преземела грижата. Сега, пак, ме уверува дека, навистина, сакала да се врати уште пред една недела, како што ми ветила кога стигнав овде, на почетокот на ноември. Меѓутоа, лекарите ѝ рекле дека коленото сè уште не било доволно навикнато на таков товар, каков што би имала ако тргне на патување. Значи, **да сум имала трпение, уште недела, две, немало да биде подолго. Да сум си се одморела дома, да сум си се видела со пријателите.***

‘Я снова звоню тете Раде в Болгарию. Первый раз я ей звонила еще тогда, когда только приехала в Скопье. Она тогда сказала, что абсолютно уверена, мол, обязательно вернется через неделю. Может, даже и раньше. Мол, не беспокойся. Она обо всем позаботится. Сейчас же она меня убеждает, что она честно хотела приехать еще неделю назад, как и обещала после моего приезда, в начале ноября. Но врачи сказали, что якобы колесо еще недостаточно окрепло для поездки. А значит, наберись терпения, еще недельки-две, не больше. Мол, отдохни дома, повидайся с друзьями’ (К. Колбе, «Снегот во Казабланка»).

- 7) *Некој вика по мене под балконот. Излегувам. Отец Григориј. Соседите му кажале дека сум дома. Се насмевнува, како да е блажен. Му успеал планот. **Да сум одела утре, во десет изутрина, кај Давид. Да сме направеле распоред на работата. Ја голтам преголемата радост во себе, за да не ја чујат соседите...***

‘Кто-то зовет меня под балконом. Выхожу. Отец Григорий. Соседи ему сказали, что я дома. Он улыбается как блаженный. У него все получилось. Завтра, в десять чтоб я пошла к Давиду. Чтобы мы составили расписание работы. Я пытаюсь скрыть радость, чтобы соседи не услышали...’ (К. Колбе, «Снегот во Казабланка»).

Способ пересказа повеления исключительно средствами грамматики влияет на стилистику повествования и ускоряет динамику действия. Квазимперативные формы в македонском языке являются одним из средств

структурирования повествования при пересказе, в котором информация маркируется говорящим по параметру «определенности / неопределенности» (Цивьян 2009: 173), включения в собственный фонд знаний или же отстранения от нее.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Козинцева 2007 — *Козинцева Н. А.* Типология категории засвидетельствованности // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сб. стат. памяти Н. А. Козинцевой / Отв. ред. В. С. Храковский. СПб: Наука, 2007. С. 13–37.
- Конески 2004 — *Конески Б.* Граматика на македонскиот литературен јазик. Скопје: Просветно дело АД, 2004.
- Макарцев 2014 — *Макарцев М. М.* Эвиденциальность в пространстве балканского текста. М., СПб.: Ин-т славяноведения РАН; Нестор-История, 2014.
- Плунгян 2011 — *Плунгян В. А.* Введение в грамматическую семантику. Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011.
- Усикова 2003 — *Усикова Р. П.* Грамматика македонского литературного языка. М.: Муравей, 2003.
- Усикова 1982 — *Усикова Р. П.* Способы передачи чужой речи в македонском литературном языке // Македонски јазик. 1981–1982. С. 738–747.
- Цивьян 2009 — *Цивьян Т. В.* Модель мира и ее лингвистические основы. М.: ЛИБРОКОМ, 2009.
- Aikhenvald 2004 — *Aikhenvald A. Y.* Evidentiality. New York: Oxford University press, 2004.

AT THE CROSSROADS
OF DEFINITENESS, SPECIFICITY, AND ANIMACY –
THE LOCAL PATTERNS OF DIFFERENTIAL OBJECT MARKING
IN THE AROMANIAN VARIETIES

Olivier Winistörfer

University of Zurich (Zurich)
olivier.winistoerfer@uzh.ch

Anastasia Escher

*Swiss Federal Institute of Technology (ETH),
Nexus (Zurich)*
escher@nexus.ethz.ch

In this article, we want to discuss the extent of grammaticalisation and the spatial distribution of Differential Object Marking (henceforth *DOM*) in various Aromanian varieties located in the regions of Ohrid / Struga, Resen, and Bitola in the South West of the Republic of North Macedonia. The varieties in question together with their traditional dialectal grouping can be seen in Figure 1:

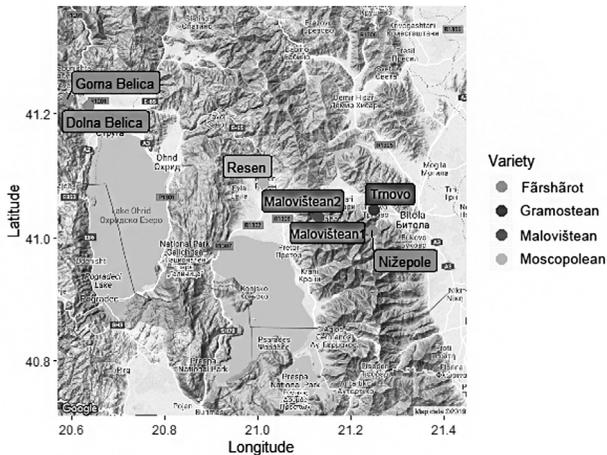

Figure 1. The local varieties considered in the study

Differential Object Marking is a phenomenon where different marking patterns can be observed with direct object due to semantic characteristics of the direct object, e.g. animateness, definiteness, and/or specificity (Bossong 1991; Aissen 2003: 435; Onea and Hole 2017). Such differences in the marking patterns have been observed in numerous languages of the world (e.g., Slavic varieties like Czech, Polish, Russian, BCMS among others, Hebrew, Turkish, Spanish, spoken Portuguese as well as Romanian just to mention a few). In the case of the Dacoromanian varieties, the grammaticalization process and spread of DOM patterns have been observed since the 16th century — over six centuries after the assumed segregation of Dacoromanian and Aromanian (Ciobanu 2001; Dimitrescu 1973: 43; Rosetti 1962: 534; Onu 1959). In the Aromanian varieties, however, such patterns have often been considered either absent (Atanasov 2002: 80; Narumov and Chelysheva 2001: 646; Caragiu-Marioțeanu 1975: 237; Kramer 1991; Capidan 1932) or not systematic (Manzini and Savoia 2018). Only Marković (2007) has mentioned the existence of such marking patterns in the varieties of Ohrid / Struga in North Macedonia and Sobolev (2008: 115) and Bara et al. (2005: 43–44) in the case of Kranea / Turia in Greece as well as Asenova and Aleksova (2012), however, without going into detail on the extent or the distribution of the marking pattern, while Koneski (1965: 106), Koneski et al. (1966: 6–7) have argued that the existence of such patterns in the local Macedonian varieties must be due to contact with Aromanian, but without specifying the patterns in the latter. Thus, many questions on the actual DOM patterns and their distribution in the Aromanian varieties are still to be answered.

A recent study based on data collected through interviews with a questionnaire designed to elicit DOM, semi-directed interviews as well as grammaticality judgement tests (with at least two speakers per location except Gorna Belica as we did not find another native speaker from the location) confirms Marković's observation in the case of the Aromanian varieties in North Macedonia and shows that in some local varieties of Aromanian, DOM has indeed reached a relatively stable distribution as Figure 2 shows — however, with different semantic criteria for the DOM patterns in the individual varieties:

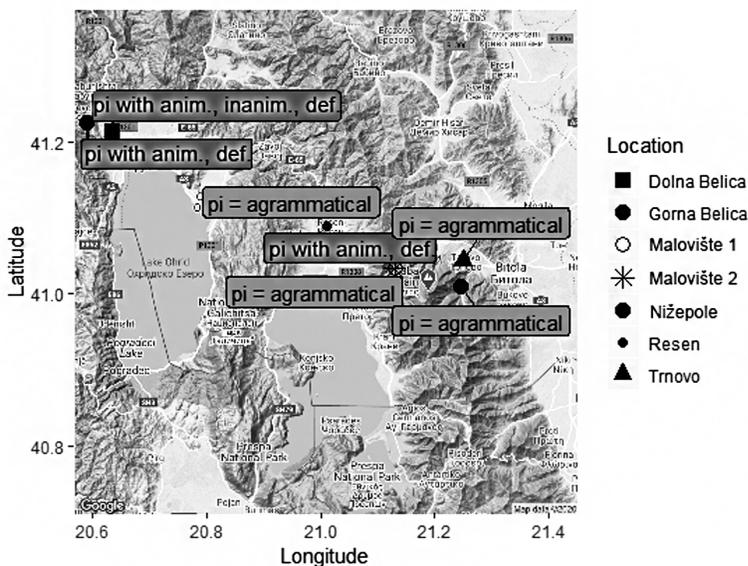

Figure 2. The spatial distribution of pi-marking in the Aromanian varieties studied

As can be seen in Figure 2, DOM patterns are observed in the local varieties of Gorna Belica and Dolna Belica, while it is considered completely ungrammatical by native speakers in Nižepole, Resen, and Trnovo. Both patterns could be observed in the village of Malovište — as one speaker used it systematically and did not accept any example without DOM, while there was not a single instance of DOM in the speech of the other speaker. In all varieties, the speakers showed a clear tendency towards either predominant presence or complete absence and evaluated examples with the opposite pattern — absence or presence depending on the pattern of the speaker observed during the tasks — as completely ungrammatical and said that they had never heard the opposite pattern (except one speaker who is a language activist and mentioned that he had heard it in other local varieties). The speakers that use DOM seem to follow the animacy and/or specificity / definiteness scales known from typological studies (Arkadiev 2016: 10; Asenova 2012: 5; Croft 2002; Comrie 1979; Silverstein 1976) — but surprisingly, not to the same degree. DOM is mainly used with animates (proper names, common nouns

for humans and animals) and personal pronouns as direct objects in Gorna Belica (example 1), while in the variety of Dolna Belica it could be observed also with inanimate direct objects — but only if they were definite / specific (example 3). In the majority of the other varieties around Bitola, the DOM patterns were not observed — and were not accepted by the speakers either (examples 4 and 5):

- (1) *u= vidzuj pi fitfor-lu.*
 3SG.ACC see.1SG.PST DOM boy(M)-DEF.SG
 ‘I saw the boy.’ (Aromanian from Gorna Belica, own data)
- (2) **u= mutresku tora Haris.*
 3SG.ACC see.1SG.PRS now Haris(M)-DEF.SG
 ‘I see Haris now.’ (a made-up example for the grammaticality judgement test)
- (3) *li= ved pi lemni-le.*
 ACC.PL see.1SG.PRS DOM tree(N)-DEF.PL
 ‘I see the trees.’ (Aromanian from Dolna Belica, own data)
- (4) *daska-lu intreb-a fitfior-lu.*
 teacher(M)-DEF.PL ask-3SG.PRS boy(M)-DEF.SG
 ‘The teacher asks the boy.’ (Aromanian from Trnovo, own data)
- (5) *tini me intreb-i mini.*
 you.NOM/ACC.SG I.ACC ask-2SG.PRS I.NOM/ACC
 ‘You ask me.’ (Aromanian from Trnovo, own data)

The distribution and extent of grammaticalization in the Aromanian varieties of the region is indeed striking. On the one hand, the dialectal classification of the varieties does not completely explain the distribution we observe in the local varieties — as there are clear DOM patterns in the Fărshărot varieties of Gorna Belica and Dolna Belica, but not in the Fărshărot variety of Nižepole — and in the speech of some of the speakers of the Malovištean dialect, but not in all of them.

On the other hand, the distribution of DOM in the Aromanian varieties seems to mirror to a certain degree the distribution of DOM in the local Macedonian varieties, which can be observed in the varieties of Ohrid and Struga, but not really in the varieties of Resen and Bitola (Koneski 1987; Topolińska 1995; Vidoeski 2005; Marković 2007; Bužarovska 2017):

- (6) *go= vid-ov na Taki.*
 he.ACC see-1SG.PST DOM Taki(M)
 ‘I saw Taki.’ (Macedonian, Bužarovska 2017: 68)

Since the pattern has not been attested / discussed neither in historical documents — e.g. in Daniil of Moscopole’s Tetraglosson dictionary¹ (Niculescu 1959: 68) — and is not found in all the Fărshărot varieties, one has to assume that DOM must be a quite recent phenomena in the varieties.

Traditionally, the emergence of DOM in certain Aromanian varieties has been assumed to be due to language contact with Dacoromanian — primarily through the presence of Romanian schools in the 19th and early 20th century until their closure after the Balkan Wars, 1912–1913 (P. Papahagi 1905: 25; T. Papahagi 1963: 1010; Rosetti 1962: 535, Asenova and Aleksova 2008: 5; Tamminen 2004: 214). However, the pattern is most grammaticalized in the region around Ohrid / Struga where Romanian schools were open only a couple of years (Romanski 1925: 79), while they are not observed in the varieties around Bitola where the Dacoromanian presence was much stronger as Romanian schools were open over many decades. Thus, this explanation does not really seem convincing.

Language-internal factors like the loss of nominal inflection — as suggested by Bužarovska (2020: 87) in the case of peripheric South Slavic varieties — do not seem to be capable to completely explain the distribution of DOM in the Aromanian varieties of the region either as not all the varieties which show DOM have lost their nominal inflection, nor do all the speakers of the varieties that have abolished their case system produce/accept any DOM patterns.

Hence, both — exclusively language-external as well as exclusively language-internal theories for the emergence of the patterns — seem to fail to explain the spatial distribution of the feature in the Aromanian varieties we observed in our data. Therefore, we argue that more linguistic research in the case of the Aromanian varieties is needed and that a synchronic/diachronic corpus of the Aromanian varieties of Albania, Greece, and North Macedonia currently under construction (Winistörfer et al. 2023) might be able to shed new light on the remaining questions.

¹ Our research in the text confirmed Niculescu’s observations as we did not encounter a single instance of DOM in Kristophson’s (1974) critical edition — not even with nouns for human beings and pronouns.

LIST OF ABBREVIATIONS

ACC — accusative case; DEF — definite; M — masculine; N — neuter; NOM — nominative case; PL — plural; PRS — present tense; PST — past tense; SG — singular.

REFERENCES

- Aissen 2003 — *Aissen J.* Differential object marking: Iconicity vs. economy // *Natural Language & Linguistic Theory* 21.3, 2003. P. 435–483.
- Arkadiev 2016 — *Arkadiev P.* Roli, ierarxii i dvojnoe markirovanie ob'ektov // *Voprosy jazykoznanija* 5, 2016. P. 7–48.
- Asenova 2012 — *Asenova P.* Balkan borderline phenomena through the prism of areal linguistics // *Zeitschrift für Balkanologie* 48.2, 2012. P. 149–157.
- Asenova and Aleksova 2008 — *Asenova P., Aleksova V.* L'aspect balkanique de la nota accusativi personalis // *Zeitschrift für Balkanologie* 44.1, 2008. P. 1–23.
- Atanasov 2002 — *Atanasov P.* Aromunisch // *Lexikon der Sprachen des Europäischen Ostens*. WEEO, Bd. 10. / Übersetzt aus dem Makedonischen von P. Rau. Klagenfurt: Wieser Verlag, 2002. P. 77–82.
- Bara et al. 2005 — *Bara M., Kahl T., Sobolev A. N.* Die südaromunische Mundart von Turia (Pindos): Syntax, Lexik, Ethnolinguistik, Texte. München: Peter Lang International Academic Publishers, 2005.
- Bossong 1991 — *Bossong G.* Differential object marking in Romance and beyond // *Bossong G., Wanner D., Kibee D.* (eds.). *New analyses in Romance linguistics: Selected papers from the XVIII Linguistic Symposium on Romance Languages, Urbana-Champaign, April 7–9, 1988*, Vol. 69. Amsterdam studies in the theory and history of linguistic science. Series 4, Current issues in linguistic theory. Amsterdam: John Benjamins, 1991. P. 143–170.
- Bužarovska 2017 — *Bužarovska E.* The contemporary use of DOM in south-western Macedonian dialects // *Rhema*, 3, 2017. P. 65–87.
- Bužarovska 2020 — *Bužarovska E.* The Contact Hypothesis Revised: DOM in the South Slavic Periphery // *Journal of Language Contact* 13, 2020. P. 57–95.
- Capidan 1932 — *Capidan T.* Aromânii. Dialectul aromân. *Studiu lingvistic*. Bucharest: Academia Română, 1932.
- Caragiu-Marioțeanu 1975 — *Caragiu-Marioțeanu M.* Compendiu de dialectologie română (nord și suddunăreană). București: Editura științifică și enciclopedică, 1975.
- Ciobanu 2001 — *Ciobanu V.* Expriarea complementului direct prin acuzativul numelor cu prepoziția *pe* (în diacronie). Chisinau: Limba Română, 2001.

- Comrie 1979 — *Comrie B.* Definite and animate direct objects: A natural class // *Linguistica silesiana* 3, 1979. P. 13–21.
- Croft 2002 — *Croft W.* Typology and universals. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Dimitrescu 1973 — *Dimitrescu F.* Contribuții la istoria limbii române vechi. București: Editura didactică și pedagogică, 1973.
- Koneski 1965 — *Koneski B.* Istorija na makedonskiot jazik. Skopje: Kočo Racin, 1961.
- Koneski 1987 — *Koneski B.* Gramatika na makedonskiot literaturnen jazik. Skopje: Kultura, 1987.
- Koneski et al. 1966 — *Koneski B., Vidoeski B., Jašar-Nasteva O.* Distribution des balcanismes en macédonien. Skopje: Seminaire de langue Macedonienne, 1966.
- Kramer 1991 — *Kramer J.* Rumänisch: Areallinguistik II. Aromunisch // *Holtus G., Metzeltin M., Schmitt C.* (eds.). Lexikon der romanistischen Linguistik. Die einzelnen romanischen Sprachen und Sprachgebiete von der Renaissance bis zur Gegenwart. Rumänisch, Dalmatisch / Istroromanisch, Friaulisch, Ladinisch, Bündnerromanisch, 1991. P. 423–435.
- Kristophson 1974 — *Kristophson J.* Das Lexikon Tetraglosson des Daniil Moschopolitis // *Zeitschrift für Balkanologie* 10.1, 1974. P. 1–128.
- Manzini, Savoia 2018 — *Manzini M. R., Savoia L.* The morphosyntax of Albanian and Aromanian varieties: Case, agreement, complementation. Vol. 133. Berlin: Walter de Gruyter, 2018.
- Marković 2007 — *Marković M.* Aromanskiot i makedonskiot govor od ohridsko-struškiot region vo balkanski kontekst. Skopje: Macedonian Academy of Sciences and Arts, 2007.
- Narumov and Chelysheva 2001 — *Narumov B., Chelysheva I.* Arumynskij yazyk / dialekt // *Yazyki mira. Romanskije yazyki*, 2001, P. 636–656.
- Niculescu 1959 — *Niculescu A.* Sur l'object direct prépositionnel dans les langues romanes. Editions de l'Academie de la République Populaire Roumaine, 1959.
- Onea, Hole 2017 — *Onea E., Hole D.* Differential Object Marking of human definite direct objects in Romanian. Unpublished, 2017.
- Onu 1959 — *Onu L.* L'origine de l'accusatif roumain avec *p(r)e* // *Coteanu I., Rosetti A.* (eds.). Recueil d'études romanes. Bucharest: Editura Academiei Române, 1959. P. 187–209.
- Papahagi P. 1905 — *Papahagi P.* Basmé aromâne. Bucharest, 1905.
- Papahagi T. 1963 — *Papahagi T.* Dicționarul dialectului aromân (general și etimologic). Bucharest: Editura Academiei Republicii Populare Române, 1963.
- Romanski 1925 — *Romanski S.* Makedonskite Romani. // *Makedonski pregled* 5–6, 1925. P. 63–96.

- Rosetti 1962 — *Rosetti A.* Istoria limbii române. Vol. 4. Bucharest: Editura Academiei. Republicii Populare Române, 1962.
- Silverstein 1976 — *Silverstein M.* Hierarchy of features and ergativity // Dixon R. M. W. (ed.). Grammatical categories in Australian languages. Cambridge: Cambridge University Press, 1976. P. 112–171.
- Sobolev 2008 — *Sobolev A. N.* On some Aromanian grammatical patterns in the Balkan Slavonic dialects // The Romance Balkans, Belgrade: Serbian Academy of Sciences and Arts, 2008. P. 113–122.
- Tamminen 2004 — *Tamminen T.* The Vlachs in the Republic of Macedonia. A Success Story or a Minority on Road to Extinction? // Tanner A. (ed.). The forgotten minorities of Eastern Europe: The history and today of selected ethnic groups in five countries. Helsinki: East-West Books, 2004. P. 201–240.
- Topolińska 1995 — *Topolińska Z.* Convergent evolution, creolization and referentiality // Travaux du cercle linguistique de Prague, 1, 1995. P. 239–246.
- Vidoeski 2005 — *Vidoeski B.* Dialects of Macedonian. Bloomington: Slavica, 2005.
- Winistörfer et al. 2023 — *Winistörfer O.* Languages of North Macedonia: Aromanian Corpus. UZH Institute of Slavic Studies. <https://lnm-anastasiaescher.vercel.app/> (visited on 07.03.2023), 2023.

К ПРОБЛЕМЕ ТИПОВ АРТИКЛЕЙ В РУМЫНСКОМ ЯЗЫКЕ И ИХ СТАТУСА В РУМЫНСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Иван Игоревич Казаков

Институт славяноведения РАН (Москва)

ivan.kazakov.1999@gmail.com

Грамматическая категория определенности-неопределенности представляет одну из самых сложно устроенных в румынском языке. Многогранность ее конфигурации во многом обусловлена особенностью генезиса — становление румынского языка как романского происходило в тесном контакте со славянскими языками (в т.ч. балканскими). В результате устройство категории определенности-неопределенности и ее грамматикализованных показателей, артиклей, приобрело ряд особенностей, отличающих румынский от других романских языков, но в то же время сближающих его с другими балканскими языками.

Среди романских языков румынский выделяется постпозицией определенного артикля и наличием особых видов артиклей — посессивного и адъективного. Эти особенности обусловили ряд сложностей при выделении инвентаря румынских артиклей и их описании как части речи. В настоящем исследовании мы рассмотрим, каким образом менялись подходы к номенклатуре постпозитивного определенного артикля и других артиклевых форм в румынском языке в лингвистических исследованиях с XIX в. до настоящего времени.

На разных этапах развития румынской грамматики артикль определяли как отдельную часть речи или местоимение, местоименное прилагательное, маркер падежа, рода, числа или определенности существительного. При этом даже в современных исследованиях морфологической структуры румынского языка не сложилось консенсуса по этому вопросу.

Проблема частеречной принадлежности артикля актуальна для многих языков (Репина 2002: 57), однако в румынском она во многом обусловлена постпозицией определенного артикля. Если для большинства носителей романских языков совершенно очевидно, что артикль представляет отдельную от имени языковую единицу, то в случае румынского языка у носителя подчас отсутствуют основания для такого представ-

ления (Vasiliu 1952: 35). Наглядным примером может послужить форма определенного артикля мужского и среднего родов *-ul*. Для разговорной речи характерна апокопа конечного согласного *-l*, в связи с чем разница между артиклевой и неартиклевой формами либо оказывается незначительной (*bărbat* ‘мужчина’ — *bărbatul* / *bărbatu*), либо отсутствует вовсе (*ministru* ‘министр’ — *ministrul* / *ministru*).

В XIX в. определенный артикль, как правило, рассматривался в качестве флексии, указывающей на склонение имени (Drișcu 2017: 113) и его определенность (Heliade Rădulescu 1980: 78). Выделение артикля как части речи и инструмента для выражения категории определенности-неопределенности отмечается в трудах Т. Чипариу (Cipariu 1866). Ему же принадлежит классификация артиклей как первичных (определенный) и вторичных (посессивный, адъективный). Идею Чипариу развивает Х. Тиктин, рассматривая определенный артикль как часть речи и приводя следующие аргументы в пользу этой позиции:

- артикль развивается из латинского указательного местоимения *ille* (нар. лат. *illus, illa, illum*), что доказывает его местоименный характер;
- неопределенный, прилагательный и притяжательный артикли обладают «формальной независимостью», что позволяет использовать их в сочетании с другими показателями определенности (Tiktin 1945: 20).

К концу XIX в. происходит выделение всех четырех типов артикля в румынском языке — определенного, неопределенного, посессивного и адъективного. Сам класс артиклей при этом, как правило, рассматривается в связи с другими частями речи.

Вопрос о статусе артикля как части речи или морфемы начинает активно исследоваться в румынской лингвистике с середины XX в. Формальные особенности румынского артикля явились причиной пересмотра статуса артикля и его определения как морфемы. Весомый вклад в разработку этой теории вносит В. Гуцу Ромало. Свое мнение исследовательница обосновывает ограниченным количеством языковых единиц, входящих в класс артиклей, их ограниченной дистрибуцией, отсутствием лексического значения, а также постпозицией определенного артикля (Guțu Romalo 1967: 230–236). Причисление артикля к классу морфем резко критикует А. Граур, сравнивая артикли и предлоги и отмечая, что количество последних в языке значительно меньше, чем, напри-

мер, существительных. В связи с постпозицией артикля он указывает, что его слитное или раздельное написание не имеет отношения к вопросу о частеречной принадлежности артиклей. Как пишет Граур, написание артикулированной формы *omul* ‘человек’ раздельно, **om ul*, не придало бы артиклю большей «независимости». Таким образом, по мнению Граура, отсутствуют весомые основания, чтобы лишить артикль статуса части речи, и подобные предложения от ряда грамматистов следует рассматривать не иначе как «исследовательскую прихоть» (Graur 1973: 86).

В новейшей академической грамматике румынского языка закрепляется статус артикля как морфемы, выражающей определенность, что обусловлено закрытостью этой группы, невозможностью независимого функционирования артиклей и отсутствием у них собственно лексического значения (Dragomirescu et al. 2016: 90).

Определение статуса посессивных и адъективных артиклей представляет более сложную задачу.

Посессивный артикль предшествует притяжательному местоимению или имени в родительном падеже и выражает значение принадлежности объекта:

- (1) *Destul de.des om-ul e un fel de*
 довольно часто человек-NOM.DEF.MASC быть.PRS.3SG один вид от
- romancier ratat al propriiei sale vieți.*
 автор потерять.PTCP.MASC.SG POSS.MASC.SG собственный.GEN свой.GEN жизнь.GEN

‘Зачастую человек оказывается неблагополучным автором своей собственной жизни’ (Octavian Paler, «Viața pe peron»).

В приведенном примере посессивный артикль *al* относится к существительному *romancier* ‘автор’, но не придает ему дополнительной индивидуализации. Его назначение — «повторить» имя, если оно не оказывается в непосредственной близости от притяжательного местоимения или формы в родительном падеже и / или его не сопровождает определенный артикль. За счет этой функции посессивного артикля он нередко называется *местоименным артиклем*. Академическая грамматика для обозначения этой функции предлагает термин *синтаксический маркер родительного падежа*, а также *полунезависимое местоимение*, если оно выступает субститутом имени при притяжательном местоимении или именной группе в родительном падеже (Dragomirescu et al. 2016: 127):

(2) *Am mers cu ai mei mult pe munte.*
 иметь.PRS.1SG пойти.PTCP.MASC с POSS.MASC.PL мой.ACC.MASC.PL много в гора.PL

‘Я часто ездил со своими в горы’ (<https://dilemaveche.ro/sectiune/tema-saptamanii/ce-vrei-sa-te-faci-cind-vei-fi-mare-2246225.html>).

Компромиссным вариантом между посессивным артиклем и синтаксическим маркером родительного падежа представляется термин Т. А. Репиной и Ю. П. Заюнчковского, *морфема дистантности*, использующийся в практических курсах румынского языка (Репина 2002: 41).

Адъективный артикль связывает артикулированное существительное с атрибутом (выраженным прилагательным, числительным, другим существительным или наречием с предлогом¹) и усиливает основное значение определенности, выраженное артиклем. Кроме того, адъективный артикль участвует в субстантивации прилагательного, числительного, или предложной конструкции, а также является формантом превосходной степени.

В структурах типа *имя + определенный артикль + адъективный артикль + определение* адъективный артикль зачастую оказывается необязательным элементом, от опущения которого не нарушается смысл предложения или высказывания:

(3) *Mătușa Mărioara a deschis ușa și
 тетя.DEF.FEM.SG Мэриоара иметь.PRS.3SG открыть.PTCP дверь.DEF.FEM.SG и
 a intrat în casa cea mare la Efim.
 иметь.PRS.3SG войти.PTCP в дом.DEF.FEM.SG ADJ.FEM.SG большой в Ефим.*

‘Тетя Мэриоара открыла дверь и вошла в горницу к Ефиму’ (Ciobanu I. C., «Codrii»).

В приведенном выше примере адъективный артикль *cea* помогает избежать двусмысленности высказывания, поскольку *casa mare* может иметь значение *горницы* или, при буквальном переводе, *большого дома*. Хотя его исключение не означало бы неизбежной неудачной интерпретации этого понятия, присутствие адъективного артикля подчеркивает единство синтагмы *casa mare* как отдельного понятия, т.е. *горницы*.

¹ Например,

om-ul cel de acolo
 человек-NOM.DEF.MASC ADJ.MASC.SG от там
 ‘тот самый человек оттуда’.

Адъективный артикль не является основным средством выражения определенности и используется как дополнительный контексто-обусловленный показатель для решения ряда стилистических задач. В результате этого возможно его редундантное (с точки зрения определенности) употребление в синтагме, уже имеющей определенный артикль.

В современных румынских грамматиках адъективный артикль предлагается рассматривать в качестве полунезависимого указательного местоимения / прилагательного (Dragomirescu et al. 2016: 133). Хотя, действительно, связь адъективного артикля с указательными местоимениями, выражающими значения отдаленности (и по его происхождению, и по его семантическим значениям) прослеживается напрямую, мы считаем более целесообразным не лишать его статуса артикля, поскольку, в отличие от посессивного, адъективный артикль выражает значения определенности, хотя некоторые его функции не являются грамматикализованными.

Как видим, современные румынские грамматические исследования рассматривают определенный артикль как морфему, а особые артикли румынского языка, посессивный и адъективный, предлагают рассматривать в качестве местоимений. Эта точка зрения нуждается в уточнении, которое будет предложено в докладе.

СОКРАЩЕНИЯ

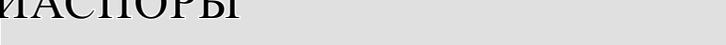
1–3 — число; ACC — вин. п.; ADJ — адъективный артикль; DEF — определенный артикль; FEM — ж. р.; GEN — род. п.; MASC — м. р.; NOM — им. п.; PL — мн. ч.; POSS — посессивный артикль; PRS — наст. в.; PTCP — причастие; SG — ед. ч.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Репина 2002 — Репина Т. Теоретическая грамматика румынского языка. Учебник. СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002.
- Cipariu 1866 — Cipariu T. Compendiu de gramatecă limbei române. Blasiu: cu Tipariulu Sem. Diecesanu, 1866.

- Dragomirescu et al. 2016 — *Dragomirescu A., Nedelcu I., Nicolae A.*; coord. *Dindelegan G. B.* Gramatica de bază a limbii române. București: Univers Enciclopedic Gold, 2016.
- Drișcu 2017 — *Drișcu A.* Gramatica românească a lui Radu Tempea. Ediție critică și studiu lingvistico-filologic. Iași: Editura Universității “Al. I. Cuza”, 2017.
- Graur 1973 — *Graur A.* Gramatica azi. București: Editura Academiei Republicii Socialiste România, 1973.
- Guțu Romalo 1967 — *Guțu Romalo V.* Articolul și categoria determinării în limba română actuală // Coteanu I. (red.) Elemente de lingvistică structurală / București: Editura științifică, 1967. P. 225–236.
- Heliade Rădulescu 1980 — *Heliade Rădulescu I.* Gramatica românească. București: Editura Eminescu, 1980.
- Titktin 1945 — *Titktin H.* Gramatica română. Etimologia și sintaxă. Editura a III-a revăzută de I. A. Candrea. București: Editura Tempo, 1945.
- Vasiliu 1952 — *Vasiliu E.* Problema articolului și a funcțiilor sale în limba română // Limba română. 1952. P. 32–36.

КОНТАКТОЛОГИЯ
И ДИАСПОРЫ

ПСЕВДОАРТИКЛИ
В ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОМ ШТОКАВСКОМ ДИАЛЕКТЕ
В ЮЖНОЙ АЛБАНИИ: К ОДНОЙ ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАЛЛЕЛИ
МЕЖДУ БАЛКАНАМИ И РУССКИМ СЕВЕРОМ¹

Максим Максимович Макартцев

*Институт славяноведения РАН (Москва),
Институт славистики,
Университет им. Карла фон Осецкого
(Ольденбург, Германия)
maxim.makartsev@uni-oldenburg.de*

Переселенческие штокавские диалекты в Албании можно рассматривать как особого рода балканистическую языковую лабораторию (в продолжение идей В. Жирмунского: Schirmunski 1930). Носители этих диалектов переселились на территорию современной Албании в разное время и из разных штокавских ареалов, в разном объеме поддерживают контакт с материнскими ареалами и контактируют с разными албанскими диалектами. Языковые биографии отдельных носителей также могут значительно различаться. Всё это влияет на вид и скорость языковых изменений в их штокавской речи. Продолжительный (в течение жизни нескольких поколений) контакт с албанским языком и с другими балканскими языками поддерживает ряд балканизирующих тенденций в переселенческих штокавских диалектах (например, редукцию инфинитива и его замену *да*-формами, см. Makartsev 2022). В настоящей статье рассматривается одна такая тенденция — грамматикализация артикледоподобных употреблений указательных местоимений.

Для настоящей статьи выбран идиолект одного носителя переселенческого штокавского диалекта из Мюзекеи (Южная Албания). Носители этого диалекта покинули Санджак (на границе современных Сербии и Черногории) и переселилась на территорию Албании в 1924 г. Судя по нашим интервью, связь с материнским регионом после переселения

¹ Статья подготовлена в рамках гранта Немецкого научного общества «Kontaktinduzierter Sprachwandel in Situationen des nicht-stabilen Bilinguismus — seine Grenzen und Modellierung: slavische (soziale) Dialekte in Albanien» (Deutsche Forschungsgemeinschaft, GZ: MA 8750/1-1).

не сохранилась. Часть членов сообщества имеет сербскую идентичность, основанную на стране происхождения, а другая часть — бошняцкую, основанную на их суннитской религиозно-культурной традиции. Албанцы региона называют их *boshnjakë* ‘бошняки’.

В 2021 г. в рамках лингвистической экспедиции² в область Мюзекки в Южной Албании были записаны продолжительные интервью (объемом в 51.000 словоформ)³ с носителем переселенческого штокавского говора Мюзекки. Он родился в с. Рет-Либофша (Албания) в 1957 г. После социально-политических изменений в Албании в конце 1980-х гг. он уехал в северную Грецию (область Салоник), и более 25 лет был разнорабочим. Выйдя на пенсию, он вернулся в родное село. В северной Греции он контактировал с носителями эгейских македонских диалектов Касторьи и Флорины, что значительно повлияло на его речь.

Во время интервью наше внимание привлекло употребление указательных местоимений в постпозиции, прежде всего исключительно частотное *to* ‘это’ NEUT.NOM.SG=NEUT.ACC.SG⁴. Следующие примеры иллюстрируют формы указательных местоимений, которые информант употреблял в постпозиции: *to* (78 случаев), *te* (34 случая), *ti* (5 случаев) и *taj* (1 случай).

ТО:

- (1) *Ona stoj-i, primer u drv-o t-o*
 она.NOM.SG стоять-PRS.3SG например в дерево-N.ACC.SG этот-N.ACC.SG
 ‘Например, сидит она на <этом> **дереве**’;

ТЕ:

- (2) *Prema držav-e t-e i sprem-a*
 согласно государство-F.GEN.SG это-F.GEN.SG они.ACC готовить-PRS.3SG
 ‘Он готовит их согласно [требованиям] <этого> **государства**’;

² В составе М. М. Макарецва и Н. В. Кикило (Институт славяноведения РАН; РГГУ), см. предварительную публикацию материалов экспедиции (Макарецев, Кикило 2022).

³ Учитываются только словоформы на штокавском диалекте; албанский и другие языки, а также реплики исследователей не учитываются.

⁴ В материнском диалекте Санджака (*novopazarsko-sjenički govor < zetsko-sjenički govori*), как и в литературных языках на штокавской основе, три вида указательных местоимений: *ov-* (для близких предметов), *on-* (для далеких предметов) и *to-* (нейтральное), см. (Барджактаревић 1966: 91–92), ср. также интерпретацию в грамматике сербского литературного языка (Пипер, Клајн 2013: 104). Глоссирование приводит к соответственно функциям морфем в диалекте Санджака; в переселенческом диалекте Мюзекки и особенно в идиолекте нашего информанта функции некоторых морфем изменились. Такие случаи будут оговариваться особо.

ТІ:

- (3) *isto* *more* *kao* *vic-ovi* *t-i...*
 то.же VOC как анекдот-M.NOM.PL этот-M.NOM.PL
 ‘Ну, это то же самое, как <эти> анекдоты’;

ТАЈ:

- (4) *Uzm-i* *toljko* *rob-u* *ta-j,* *metar-a*
 взять-IMPER.2SG столько ткань-F.ACC.SG это-M.ACC.SG метр-M.GEN.PL
 ‘Возьми столько **этой ткани**, [столько] метров’.

В речи других носителей переселенческого диалекта указательные местоимения в постпозиции практически не употребляются. В транскриптах записанных с ними интервью (9.000 словоформ) зарегистрировано только три таких случая.

В записях, сделанных Б. Вельович в Санджаке в 2011–2013 гг. (ок. 60.000 словоформ, см. Вельовић 2018, 2021), я нашел 575 употреблений указательных местоимений в рамках именной группы, из них 552 в препозиции и 23 в постпозиции. Судя по употреблению в транскриптах, указательные местоимения переносятся в постпозицию при эмфатическом выделении одного из членов именной группы (как и в сербском литературном языке).

При постпозитивном употреблении указательных местоимений в речи нашего информанта наблюдается рассогласование по роду, числу и падежу. Доминирующей становится неизменяемая форма *to*:

- (5) *što* *ulazi-l-a* *demokracija* *to...*
 что приходить-LPTCP-F.SG демократия.F.NOM.SG это
 ‘что приходила **демократия...**’
- (6) *Gleda-š* *Mesec* *to*
 смотреть-PRS.2SG Луна.M.ACC.SG это
 ‘Ты смотришь на **Луну**’.

Рассогласование — следствие изменения статуса *to*. Судя по всему, в постпозитивном употреблении *to* изменило свою частеречную принадлежность (указательное местоимение > частица). В идиолекте нашего информанта *to* может присоединяться к любым составляющим. Отметим только несколько наиболее ярких употреблений.

1) с именной группой:

- (7) *so* [[*mal-o* *dete*] *to*] *id-e* *posedak*,
 с маленький-N.ACC.SG ребенок.N.ACC.SG это идти-PRS.3SG посещение⁵.M.ACC.SG
 ‘Она идет с **маленьким ребенком** в дом родителей’;

⁵ *Posedak* — традиционное посещение женщины родительского дома после свадьбы, здесь используется не в терминологическом, а в более широком значении (так как речь идет уже о действиях после рождения ребенка).

2) с двумя сочинительно связанными именными группами:

- (8) *Pa isto ovamo je* [[*ker*] *i* [*dete*] *to*]...
 ну тоже там быть-PRS.3SG собака.М.NOM.SG и ребенок.Н.NOM.SG это
 ‘Ну и там тоже **собака и мальчик**’;

3) с именной группой, в составе которой присутствует неопределенное местоимение (отмечу также, что здесь *to* отделяется от именной группы дискурсивным маркером):

- (9) *u* [[*neko-j* *selo* *veljk-o*] *primer* *to*],
 в какой-то-М.ACC.SG село.Н.ACC.SG большой-Н.ACC.SG например это
 ‘Например, в **какое-нибудь большое село**’;

4) с именной группой, в составе которой есть другие не-адъективные показатели:

- (10) [[*tic-a* *gore*] *to*]...
 птица-F.NOM.SG сверху это
 ‘**птица, [сидящая] наверху**’;

5) с именной группой, в составе которой уже есть указательное местоимение:

- (11) *Ako je blizo do kuć-e negde* [*to*]
 если быть-PRS.3SG близко к дом-F.GEN.SG где-то это.Н.NOM.SG
 [*nekoje drvo*] [*to*]
 some.N.ACC.SG tree.N.ACC.SG that
 ‘Если где-нибудь рядом с домом есть **какое-нибудь дерево**’.

6) с любыми другими составляющими:

- (12) *Postoj-i dugo čas-ovi te, spav-a to*
 находиться-PRS.3SG долго час-М.NOM.PL этот-М.NOM.PL спать-PRS.3SG это
 ‘Она находится там несколько часов, **спит**’;

7) окказионально — в составе албанских предложений:

- (13) *O nesër to, edhe shko-j bë-j unë kontrat-ën*
 или завтра то и идти-PRS.1SG делать-PRS.1SG я.NOM.SG контракт-F.DEF.ACC.SG
 ‘Или **завтра**, и я пойду заключу контракт’.

Частотное употребление постпозитивного *to* с именными группами как формально, так и позиционно напоминает эгейскомакедонский артикль. В то же время, если эгейскомакедонский артикль является энклитикой в составе именной группы, то *to* в идиолекте нашего информанта является частицей, модифицирующей любые составляющие. При употреблении с именными группами *to* может иметь рудиментар-

интерпретирует псевдоартикли как развитые адаптивные механизмы, которые не переходят порога грамматикализации, отмечая, что преодоление этого порога и «развитие грамматикализованного артикля происходит только в результате длительных периодов двуязычия с артиклевым языком» (Gvozdanić 2019: 127–128).

С одной стороны, развитие псевдоартиклей в идиолекте нашего информанта вписывается в общий для славянских языков тренд грамматикализации псевдоартиклей как дискурсивного маркера под иноязычным влиянием. С другой, уникальность этого процесса в том, что контактируют близкородственные идиомы (штокавский новипазарско-сьеницкий и эгейские македонские диалекты). Развитие псевдоартиклей в штокавском переселенческом диалекте в Южной Албании — результат балканизующего процесса, который можно наблюдать в режиме реального времени. То, что эти псевдоартикли так и не преодолели порога грамматикализации, связано с рядом структурных и социолингвистических параметров, которые будут подробнее рассмотрены в докладе.

СОКРАЩЕНИЯ

1–3 — лицо; ACC — вин. п.; DEF — опр. артикль; F — ж. р.; GEN — род. п.; IMPER — повелит. накл.; LPTCP — л-причастие; M — муж. р.; N — ср. р.; NOM — им. п.; PL — мн. ч.; PRS — наст. вр.; SG — ед. ч.; VOC — вокатив.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Барјактаревих 1966 — *Барјактаревих Д.* Новопазарско-сьенички говори // Српски дијалектолошки зборник 16, 1966. С. 1–178.
- Вельових 2018 — *Вельових Б.* Синтакса глаголских облика у говору Тутина, Новог Пазара и Сјенице // Српски дијалектолошки зборник 65 (1), 2018. С. 1–476.
- Вельових 2021 — *Вельових Б.* [Вельових Попових Б. М.]. Морфолошке облике глаголских облика говора Тутина, Новог Пазара и Сјенице // Српски дијалектолошки зборник 68, 2021. С. 159–604.
- Касаткина 2007 — *Касаткина Р. Ф.* Псевдоартикль и предартикль в севернорусских говорах // Topics on the Ethnic, Linguistic and Cultural Making of the Russian North. J. Nuorluoto (ed.). Slavica Helsingiensia 32. Helsinki: Department of Slavonic and Baltic Languages and Literatures, 2007. С. 101–110.

- Макарцев, Кикило 2022 — *Макарцев М. М., Кикило Н. И.* Некоторые тенденции в морфосинтаксисе переселенческих штокавских диалектов в Албании (Шияк и Мюзеекя) и славяно-албанский языковой контакт // *Славянский мир в третьем тысячелетии* 17 (1–2), 2022. С. 120–141. DOI: 10.31168/2412-6446.2022.17.1-2.07.
- Пипер, Клајн 2013 — *Пипер П., Клајн И.* Нормативна граматика српског језика. Нови Сад: Матица српска, 2013.
- Gvozdanić 2019 — *Gvozdanić J.* 4. Standard Average European revisited in the light of Slavic evidence // *Slavic on the Language Map of Europe*. A. Danylenko, M. Nomachi (eds.). Berlin, Boston: De Gruyter, 2019. P. 113–144. (= Trends in Linguistics. Studies and Monographs [TiLSM] 333.)
- Makartsev 2022 — *Makartsev M.* Infinitive reduction in a migrant Štokavian Dialect in Albania: Language contact supporting Balkanization // *Linguistica Copernicana* 18, 2022. P. 45–60. DOI:10.12775/LinCop.2021.003.
- Schirmunski 1930 — *Schirmunski V.* Sprachgeschichte und Siedlungsmundarten // *Germanistisch-Romanische Monatschrift* 18, 1930. S. 113–122; 171–188.
- Yurayong 2020 — *Yurayong Ch.* Postposed demonstratives in Finnic and North Russian dialects. Ph.D. thesis, University of Helsinki, 2020.

DA-КОНСТРУКЦИИ
В ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХ НЕБАЛКАНСКИХ ИДИОМАХ
В СЕРБСКОХОРВАТСКОМ ЯЗЫКОВОМ ОКРУЖЕНИИ¹

Глеб Петрович Пилипенко

Институт славяноведения РАН (Москва)
glebpilipenko@mail.ru

Сергей Александрович Борисов

Институт славяноведения РАН (Москва)
borisovsergius@gmail.com

Одним из основных признаков принадлежности языка к балканскому языковому союзу является замещение инфинитива *da*-конструкцией (если мы анализируем славянские языки региона). В сербском языке возможна конкуренция форм: с некоторыми модальными или фазовыми глаголами также используется инфинитив (*мора нешто урадити* ('он должен что-то сделать'), *почиње се нервирати* ('он начинает нервничать')). Конструкция *da* + презенс обязательно используется в сербском языке в предложениях типа *он иде да пеца* ('он идет рыбачить'), тогда как *он иде пецати* воспринимается как западный регионализм (Пипер 2009: 531). О функционировании *da*-конструкций и инфинитива в составе форм будущего времени в сербских говорах см. напр. (Милорадовић 2007: 366–367). В хорватском литературном языке в приведенных контекстах используется инфинитив (Пипер 2009: 545). Что касается хорватских диалектов, то в некоторых из них, например, в говоре хорватов Бараньи, *da* + презенс не используется (Sekereš 1977: 418).

В восточнославянских и западнославянских языках подобная конструкция отсутствует. Однако в ходе проведения серии полевых исследований среди представителей славянских переселенческих сообществ, проживающих на территории Сербии (автономный край Воеводина), Хорватии (Славония) и Боснии и Герцеговины (северная часть Респуб-

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РНФ 20-78-10030 «Языковые и культурные контакты в условиях социальных трансформаций у национальных меньшинств альпийско-паннонского региона».

лики Сербской, Посавина), в их речи данная конструкция была зафиксирована. Речь идет о чешской и украинской общине. Подробнее об экспедициях см. (Борисов, Пилипенко 2019; Борисов 2021).

В украинских говорах на территории Боснии и Герцеговины и Сербии (переселенцы из Галиции с родным поднестровским диалектом юго-западного наречия) используется конструкция *da* + презенс вместо инфинитива: *ja to tper xóču tak da búdu tájak kolý'e s' da i výžžu drúyi* (PR) ('и я сейчас хочу так быть, как когда-то, и видеть других'); *i tper jag by moyló to da peréjde do méne* (PR) ('и теперь если бы это могло перейти ко мне'); *ja maw vol'u duže s Fráncuskoj aviónom da jdu* (ŠR) ('я очень хотел из Франции лететь на самолете'); *to treba na stáryj kaplyc'i da stojít* (NB) ('это должно стоять на старой часовне'); *ja kážu, d'ity, treba da búdy'ty'e čy'est'i* (PF) ('я говорю, дети, вы должны быть чистыми'). Проникновению этих форм в украинские говоры могло способствовать закрепление элемента *da* в других конструкциях. Так, широко используется заимствованный союз *da* с разным значением: *yúsy, kúry, to s"i r'ízalo da s"i jís"e* (AN) ('гуси, куры, это резали, чтобы есть'); *a m'ix še žýty da je búla ž'inka drúya* (LU) ('а мог еще жить, если бы была другая жена'). Также отмечено самостоятельное употребление элемента *da* для выражения воли, намерения, приказа: *tróška tuvó da vam pokažu* (PF) ('немного это я вам покажу'). В приводимых примерах мы можем наблюдать, как сербскохорватский элемент вытесняет исконные союзы в украинских говорах. В случае с замещением инфинитива правомерно говорить о заимствовании целой конструкции как после полнозначных глаголов, так и после модальных. Показательно, что в примерах с замещением инфинитива ни разу не встречается калькированная конструкция с аналогичным по значению украинским элементом *šo / ščo*.

В чешских переселенческих говорах можно выделить следующие случаи употребления конструкций с *da*. Как в Сербии, так и в Хорватии, элемент *da* встречается в речи носителей этих говоров в сложноподчиненных предложениях при придаточных цели или условия: *pletli se n'ejaki proutki dovnitž da drži tu zem* (JH) ('и вплетали какие-то прутки внутрь, чтобы они держали землю'); *da bila lepši trošku ta bina, tag bi to bilo mnohem lepši* (BK) ('если бы была немного лучше сцена, то было бы гораздо лучше'). Как отмечал Д. Миркович, в этих случаях не всегда можно говорить о замене целой конструкции (Mirković 1968: 313–314); так при употреблении в прошедшем времени, как во втором примере,

мы видим только изменение союза (ср. на стандартном чешском: *kdyby byla lepší*). Однако в чешском языке употребление элементов *aby*, *kdyby* возможно исключительно с формой *L-participium* и никогда — с глаголом в форме настоящего времени (в отличие от сербских конструкций с *da*).

Другие конструкции с *da* до сих пор встречались нам у чехов в Сербии и не фиксировались в Хорватии. Так, относительно редки случаи *da* + презенс на месте инфинитива (чаще всего с модальными предикатами), например: *a já slišel, že mladi nesm'eli da dou sami na ti tanci, mušel i jít n'egdo starši da de s nima.* (AS) ('а я слышал, что молодые не могли одни пойти на танцы, должен был пойти кто-нибудь из старших, пойти с ними'). Использование *da*-конструкции данного типа в идиомах чехов в Сербии и ее отсутствие у чехов в Хорватии объясняется, как уже было сказано выше, тем, что она более характерна для сербского языка и практически отсутствует в хорватском. Любопытно зафиксированное нами употребление *da* + презенс в контексте, который можно охарактеризовать как оптативный: *tej da vidim tadi, gde sou češi* (JM) ('сейчас посмотрим здесь, где чехи'). Также от чехов в Сербии были записаны случаи с элементом *dal* (сокращ. от *da li*) на месте чешских частиц *jestli*, *zda*: *a gdo bil Joškovo tata, dal to pamatuješ?* (AS) ('а кем был папа Йожи, ты помнишь?'). Вопросительная частица *li* в хорватском языке не имеет элемента *da*, поэтому такая форма отсутствует в идиоме хорватских чехов.

Кроме примеров со славянскими языками, у нас имеется ряд свидетельств из венгерского языка, записанных от информантов в Воеводине, которые можно соотнести с влиянием конструкции *da* + презенс. Отмеченные нами контексты у венгерских информантов гораздо уже, чем у украинских собеседников: речь идет о контекстах, содержащих модальные слова *kell*, *muszáj* ('нужно', 'необходимо'). В венгерском языке после этих слов используется инфинитив с притяжательным окончанием, субъект при этом употреблен в дат. п.: *nekem el kell mennem* ('мне нужно идти'): *mert ha Szerbiában élsz, kell azt a nyelvet hogy tudjad* (EN) ('потому что, если ты живешь в Сербии, ты должен знать этот язык'). В цитируемом фрагменте находим союз *hogy*, после которого употреблен глагол в повелительном наклонении второго лица объектного спряжения. Функционально и семантически эта конструкция соотносится с сербской *da* + презенс (*treba da znaš*). Э. Андрич также отмечает замену инфинитива после этой конструкции в письменных работах

венгерских школьников Воеводины: *nem kellene hogy rongáljuk az iskolát* ('нам не следовало бы портить школу') (Andrić 2016: 84). Исследователь приходит к выводу, что замена инфинитива на конструкцию с союзом *hogy* происходит у венгров в негомогенных венгерских районах, где контакт с сербским языком более активный. Эти наблюдения подтверждаются и нашим материалом: большая часть подобных примеров — из Южной Бачки и города Нови-Сад, где венгры составляют меньшинство. В отличие от украинских и чешских примеров, здесь мы наблюдаем, во-первых, ограниченные контексты замены инфинитива, во-вторых, аналогом *da* является калька — венгерский союз *hogy*, включение сербского элемента в венгерскую конструкцию не происходит, что, по всей видимости, является следствием неблизкородственного характера контактируемых языков.

Как показали исследования М. М. Макарецца, конструкции с *da* могут вытеснять изначально более распространенные инфинитивные конструкции в переселенческих говорах, находящихся под влиянием более балканизированных языков, как в случае с говором переселенцев из Санджака в Албанию (Makartsev 2022). В нашем случае материнские говоры не содержат самой возможности реализации данной конструкции и не принадлежат к языкам балканского союза. Славянские языки (украинский и чешский) заимствуют и материальное, и семантическое воплощение обсуждаемой конструкции, тогда как типологически неродственные языки (венгерский) обходятся своими средствами и калькируют ее. На этих примерах можно наблюдать процесс распространения одного из ярких балканизмов в небалканских языках. В результате языкового контакта, длящегося по историческим меркам немного, всего 100–150 лет, постепенно происходит балканизация контактных идиом разной типологической принадлежности, что, на наш взгляд, может служить моделью для понимания процесса становления самого балканского языкового союза в прошлом. *Da*-конструкция оказывается весьма инвазивным балканским явлением в случае активных языковых контактов.

СПИСОК ИНФОРМАНТОВ

- AN — жен., 70 лет, Prosjek, Босния и Герцеговина;
- AS — муж., 57 лет, Bela Crkva, Сербия;
- BK — муж., 29 лет, Končanica, Хорватия;

- EN — жен, 51 год, Novi Sad, Сербия;
 JH — муж., 73 года, Kruščica, Сербия;
 JM — муж., 74 года, Kruščica, Сербия;
 LU — муж, 65 лет, Lužani, Босния и Герцеговина;
 NB — жен., 72 года, Prnjavor, Босния и Герцеговина;
 PR — жен., 83 года, Prosjek, Босния и Герцеговина;
 ŠR — муж, 59 лет, Prosjek, Босния и Герцеговина.

БИБЛИОГРАФИЈА

- Борисов 2021 — *Борисов С. А.* Чешский язык и традиционная культура в полиэтничном окружении (результаты полевого исследования 2019 года в Сербии, Румынии, Боснии и Герцеговине) // Славянский альманах. 2021. № 1–2. С. 290–309.
- Борисов, Пилипенко 2019 — *Борисов С. А., Пилипенко Г. П.* Полевое исследование среди венгров и чехов в Центральной Хорватии // Zbornik Janković. 2019. Br. 4. S. 593–604.
- Милорадовић 2007 — *Милорадовић С.* Дијахрони и синхрони аспект аналитичких појава у српским народним говорима // Зборник Матице српске за славистику. 2007. Бр. 71–72. С. 357–375.
- Пипер 2009 — *Пипер П.* Српски језик // Јужнословенски језици: граматичке структуре и функције / У ред. П. Пипера. Београд: Београдска књига, 2009. С. 381–552.
- Andrić 2016 — *Andrić E.* Szerb alaktani és mondattani hatások a vajdasági magyar diákok nyelvében // Hungarológiai közlemények. 2016. 1. 75–86 о.
- Makartsev 2022 — *Makartsev M.* Infinitive reduction in a migrant Shtokavian dialect in Albania: language contact supporting Balkanization // Linguistica Copernicana. 2022. 18. P. 45–60. DOI: 10.12775/LinCop.2021.003
- Mirković 1968 — *Mirković D.* Govori Čeha u Slavoniji (Daruvar i okolina). Beograd: Filološki fakultet Beogradskog univerziteta, 1968.
- Sekereš 1977 — *Sekereš S.* Govor Hrvata u Južnoj Baranji // Hrvatski dijalektološki zbornik. 1977. Br. 4. S. 323–484.

ГРАММАТИЧЕСКАЯ (НЕ)ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ИМЕН
В АЛБАНСКОМ ДИАЛЕКТНОМ ТЕКСТЕ:
ПРЕДЛОЖНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ГОВОРАХ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИАСПОРЫ¹

Мария Сергеевна Морозова

*Институт лингвистических исследований РАН
(Санкт-Петербург)
morozovamaria86@gmail.com*

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы обозначить основные модели выражения категории определенности в говорах албанского языка, находящихся в ситуации продолжающегося языкового контакта. Особое место среди них занимают говоры исторической диаспоры, возникшей в результате миграций XIV–XVIII вв. Это идиомы албаноязычных поселений в центральной и южной Греции, на юге Италии, юго-востоке Болгарии (с. Мандрица), в украинском Буджаке (с. Каракурт) и в Приазовье (с. Георгиевка, Девнинское, Гаммовка), а также говор квартала (в прошлом — селá) Арбанаси в хорватском Задаре. *Арваниты* Греции, *арбреши* Италии, албанцы Мандрицы, Буджака и Приазовья говорят на тоскском (южноалбанском) диалекте, в то время как говор *арбнешей* Задара является гегским (северноалбанским).

Наряду с архаичными чертами, нередко утраченными большинством говоров основного албаноязычного ареала, говоры исторической диаспоры обнаруживают инновации различного происхождения. Прямым следствием языкового контакта считаются явления грамматической интерференции, связанные с межъязыковым отождествлением морфем и грамматических отношений контактирующих идиомов: перенесение морфем из одного языка в другой, либо возникновение новых и устранение имеющихся моделей и категорий в одном языке по аналогии с дру-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-48-09003, <https://rscf.ru/project/22-48-09003/>.

гим (Weinreich 1979: 30–31). Нередки, однако, изменения другого рода (аналогическое выравнивание парадигм, упрощение структуры), которые не связаны с переносом морфем и копированием моделей другого языка, но, как представляется, в некоторой степени обусловлены языковым контактом (о контактнообусловленном упрощении см. (Trudgill 2011: 15–26)). В связи с этим интерес представляет изучение того, как в ситуации контакта ведут себя грамматические категории, подобные албанской категории определенности. Эта категория отсутствует в языках, с которыми контактируют говоры албанской диаспоры (русский, украинский, хорватский), либо грамматически выражена, но реализуется иначе, чем в албанском (болгарский, греческий, итальянский).

В албанском языке категория определенности морфологически выражается: (1) посредством показателя определенности (так называемого «постпозитивного артикля», алб. *puja e prapme*), который восходит к указательному местоимению и присоединяется к (одиночному) существительному, а в адъективной именной группе — к первой составляющей; (2) с помощью неизменяемого артикля *një*, восходящего к числительному *një* ‘один’, который ставится перед существительным; (3) немаркированными формами существительных без показателя определенности и артикля *një*. Выбор формы в целом определяется референциальными свойствами именных групп (ИГ), но имеется и ряд синтаксических ограничений.

Для предложных групп (ПГ) в албанском языке характерно опущение показателя определенности существительного (Prendergast 2017: 29–40). Оно возможно в сочетании с предлогами, управляющими аккумулятивом (*në* ‘в, на, к’, *me* ‘с’, *për* ‘для’, *mbi* ‘над’ и др.), и не происходит после номинативных предлогов (*nga* ‘из, от; в, на, к, у’, *tek* ‘к, в, у’).

Для изучения моделей выражения (не)определенности в ПГ в говорах албанской исторической диаспоры были использованы тексты, опубликованные в диалектных описаниях (Морозова 2016; Ajeti 1961; Çabej 2017 (1933); Sasse 1991)². Сведения о размере получившихся «корпусов» текстов и количестве найденных и обработанных примеров представлены в таблице:

² Примеры приводятся с сохранением орфографии/транскрипции, принятой в этих источниках.

Таблица 1. Материал исследования

Говор	Число слов	Число примеров	Число примеров с ПГ	Число ПГ с одиночным существительным
говор албанцев Украины	6504	311	214	192
говор арбнешей Задара	3201	188	141	105
говор арбрешей Италии	6518	398	214	115
говор арванитов Греции	5848	407	287	222
Всего	22071	1304	856	634

В первоначальную выборку («Число примеров») были включены не только примеры с ПГ, но и беспредложные ИГ, включающие существительное-вершину и модификатор (прилагательное, определение в аблативе или генитиве, местоимения, числительные, артикль *një*). В составе предложных групп («Число примеров с ПГ») встречались как существительные в сочетании с перечисленными модификаторами, так и одиночные существительные («Число ПГ с одиночными существительными»). Можно видеть, что примеров с одиночным существительным почти во всех текстах в разы больше, чем примеров с ИГ, состоящими из существительного с подчиненными словами. Исключением является говор арбрешей Италии (г. Пьяна-дельи-Албанези): в текстах на этом говоре соотношение двух типов примеров составляет примерно 1:1.

1. Во всех говорах отмечено наличие преобладающей стратегии кодирования «локативных» значений местонахождения и направления движения (в балканских языках эти значения кодируются одинаково) в ПГ с одиночным существительным. При этом, как и в стандартном албанском, выбор формы существительного определяется не референциальными характеристиками ИГ, а предложным управлением, поэтому референтные определенные (1) и нереферентные (2) объекты могут кодироваться одинаково. В говоре албанцев Украины преобладает сочетание предлога *n'i* 'в, на, к' (лит. алб. *në*) с локативом — особой формой единственного числа существительных с показателем определенно-

сти *-t*, которая встречается в южногегских и севернотосских говорах основного албаноязычного ареала (Gjinari et al. 2007: 263). В говорах албанцев Задара и арванитов Греции используется преимущественно тот же предлог (*ndë / në* ‘в, на, к’) в сочетании с неопределенным аккузативом, как в литературном албанском языке. В арбрешском говоре Пьяна-дельи-Албанези преобладает предлог *te* ‘в, на, к’ (лит. алб. *te(k)*), управляющий определенным номинативом; частотный общеалбанский предлог *në* здесь почти не встречается.

- (1) *i=* *vë-m* *kumborë-n*
 3SG.DAT= ставить-PRS.1PL колокольчик-ACC.SG.DEF
te *koc-i*
 PREP баран-NOM.SG.DEF
 ‘вешаем колокольчик на барана’ (Çabej 2017 (1933): 137);

- (2) *bu-jëm* *një* *kil*
 делать-PRS.1PL INDF.SG килограмм.NOM/ACC.SG.INDF
udhos *te* *dimbr-i*
 брынза.NOM/ACC.SG.INDF PREP зима-NOM.SG.DEF
 ‘[из четырех литров овечьего молока] делаем килограмм брынзы на зиму’ (Çabej 2017 (1933): 135).

2. В говоре арванитов Греции (3) и в некоторой степени в Задаре (4) конструкции с предлогом *ndë / në* являются синтаксическим контекстом, однозначно требующим употребления немаркированной формы существительного (даже в референтных ИГ с притяжательным местоимением).

- (3) *ndë* *shtëpi* *të* *sëj*
 PREP ДОМ.NOM/ACC.SG.INDF L.ACC.INDF ее
 ‘в ее доме’ (Sasse 1991: 506);

- (4) *në* *katund* *ton*
 PREP село.NOM/ACC.SG.INDF наш.NOM
 ‘в нашем селе’ (Ajëti 1961: 150).

3. В говоре арбрешей Италии наблюдается тенденция к регулярному употреблению после предлога *me* ‘с’ (с значением комитатива и инструмента) существительных с показателем определенности, в том числе в нереферентных ИГ:

- (5) *e=* *kupri-n* *me* *kripë-n*
 3SG.ACC= солить-PRS.2/3SG PREP соль-ACC.SG.DEF
 ‘посыпаешь ее солью’ (Çabej 2017 (1933): 136).

4. Особого внимания заслуживает употребление в албанских ПГ неадаптированных включений и адаптированных заимствований из языков, с которыми контактируют рассматриваемые говоры диаспоры. На примере говора албанцев Украины видно, что одна и та же лексема может употребляться как в адаптированной, так и в неадаптированной форме в речи разных информантов (6, 7) и даже у одного информанта. В ситуациях повтора, типичных для билингвальной речи с переключением кодов (ПК), албанские существительные (и старые заимствования) всегда бывают оформлены нужным показателем, в то время как иноязычные лексемы нередко употребляются в немаркированной форме (8). Это указывает на недостаточную освоенность последних в языке-реципиенте (в качестве новых заимствований), либо позволяет считать их однословными включениями при ПК.

- (6) X., с. Георгиевка
mə= *m'ur-nə* *n'i* 'arm'iija
 1SG.ACC= брать-PST.3PL PREP армия
 ‘меня взяли в армию’ (Морозова 2016: 525);

- (7) N., с. Девнинское
v'a-jt-a *n'i* 'arm'iije-t
 идти-PST-PST.1SG PREP армия-LOC.SG.DEF
 ‘я пошел в армию’ (Морозова 2016: 531);

- (8) *v'et-a* *n'i* kal'id'or, *n'i* tr'em-tə
 идти-PST.1SG PREP коридор PREP сени-LOC.SG.DEF
 ‘я вышла в коридор, в сени’ (Морозова 2016: 533).

Пример говора арванитов Греции показывает, что одни греческие лексемы легко встраиваются в албанские словоизменительные типы (существительные женского рода на *-ia* (9, 10), которые входят в тип *shtëpi*, *-a* ‘дом’), в то время как для других — например греческих существительных на *-io* (11) — такая адаптация затруднена.

- (9) *ngá* *mikraasi-a*
 PREP Малая.Азия-NOM.SG.DEF
 ‘из Малой Азии’ (Sasse 1991: 472);

- Gjinari et al. 2007 — *Gjinari J., Beci B., Shkurtaj Gj., Gosturani Xh.* Atlasi dialektologjik i gjuhës shqipe. Vëll. 1. Napoli: Università degli studi di Napoli L’Orientale, 2007.
- Prendergast 2017 — *Prendergast E. H.* The origin and spread of locative determiner omission in the Balkan Linguistic Area. Ph.D. Berkeley University of California, 2017.
- Sasse 1991 — *Sasse H.-J.* Arvanitika. Die albanischen Sprachreste in Griechenland. Teil 1. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1991.
- Trudgill 2011 — *Trudgill P.* Sociolinguistic typology. Social determinants of linguistic complexity. Oxford: Oxford University Press, 2011.
- Weinreich 1979 — *Weinreich U.* Languages in contact: Findings and problems. The Hague: Mouton Publishers, 1979.

АЛБАНСКИЕ ГОРОДСКИЕ ИДИОМЫ
И ГОВОРЫ ХИНТЕРЛАНДА:
ПОПЫТКА СОПОСТАВЛЕНИЯ¹

Александр Юрьевич Русаков

*Институт лингвистических исследований РАН
(Санкт-Петербург);
Академия наук Албании,
Центр албанистических и энциклопедических
изданий (Тирана)
ayurusakov@gmail.com*

Мария Сергеевна Морозова

*Институт лингвистических исследований РАН
(Санкт-Петербург)
morozovamaria86@gmail.com*

В современной балканистике неоднократно указывалось на роль, которую могли сыграть города с их гетерогенным в социальном и этническом отношении населением в формировании балканского языкового союза (Lindstedt 2016; Friedman, Joseph 2023). В одной из предыдущих публикаций мы рассмотрели интересный (и во многом необычный) пример города Раховец / Ораховац в западном Косово, где старое городское население — этнические албанцы — говорили и частично говорят сейчас на особом славянском диалекте (призренско-южноморавский диалект торлакского наречия, подверженный в некоторой степени албанскому и, возможно, иному контактному влиянию), а албанское население окружающих деревень использует местные албанские говоры (Морозова, Русаков 2022). Такое небанальное соотношение языкового репертуара жителей города и его хинтерланда определяется специфической (и не полностью ясной) констелляцией ряда факторов — миграционных, экономических, матримониальных (Там же: 153). Представляется, однако, что проблема соотношения городских и прилегающих сельских говоров может представлять интерес в общевалканском мас-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 19-18-00244, <https://rscf.ru/project/19-18-00244/>, <https://rscf.ru/project/22-18-35008/>.

штабе и пролить определенный свет как на проблемы истории формирования диалектного ландшафта отдельных балканских языков, так и на историю межъязыкового взаимодействия на Балканах.

Настоящая работа представляет собой попытку освещения этой проблемы на материале албанских диалектов. В работе применяются прежде всего количественные методы и подходы, ранее применявшиеся нами при изучении албанских диалектов в целом. Мы опираемся на материалы наших исследований, использовавших данные Диалектологического атласа албанского языка (ДААЯ) (Gjinari et al. 2007, 2008):

- ▶ исследование языковой сложности (англ. *linguistic complexity*) албанских диалектов, базирующееся на 27 бинарных фонетических и грамматических признаках (см., например, Морозова, Русаков 2023);
- ▶ диалектометрическое² исследование близости диалектов по этим же признакам;
- ▶ диалектометрическое исследование близости албанских диалектов по 150 фонетическим и грамматическим признакам, имеющим небинарные значения; отдельно исследовалась близость по всем значениям и по инновациям;
- ▶ диалектометрическое исследование близости албанских диалектов по 219 лексическим признакам; отдельно исследовалась близость по всей лексике и по исконной лексике³.

Для настоящего исследования были выбраны пять сравнительно крупных албаноязычных городских центров — Улцинь (пункт № 64 по ДААЯ), Шкодра (№ 17), Тирана (№ 77А), Эльбасан (№ 99), Влёра (№ 116) — и окружающие их сельские пункты. Ниже приведены некоторые предварительные результаты анализа пяти перечисленных городских идиомов и говоров хинтерланда.

Улцинь. Уровень сложности в Улцине (18) является одним из самых низких среди северо-западных гегских говоров (медианное значение для этой диалектной зоны составляет 21,5) и ниже уровня сложности примыкающих наиболее близких к нему сельских пунктов. С точки зрения качественного анализа можно отметить, что Улцинь является одним из немногочисленных гегских пунктов (наряду с Диброй в Северной

² Все диалектометрические исследования проводились совместно с М. А. Овсянниковой.

³ В «исконную» лексику условно включались древнегреческие и латинские заимствования. Обоснование такого подхода см. в (Morozova, Ovsjannikova, Rusakov 2020).

Македонии и кварталом Арбанаси в хорватском Задаре), в которых отсутствуют назальные гласные. По всей видимости, во всех трех случаях это можно объяснить особо интенсивными албанско-славянскими контактами, каковые разумно считать причиной и общей пониженной сложности говора Улциня. Диалектометрическое исследование близости по 27 признакам отделяет говор Улциня от других северо-западных гегских говоров (в том числе близлежащих сельских говоров областей Ана-э-Малит, Шестан и Края), сближая его скорее с южногегскими, что объясняется «возмущающим» характером упрощающих инноваций этого городского идиома. Остальные диалектометрические исследования показывают последовательно северо-западный характер улциньского говора, близкого, в частности, городскому говору Шкодры. Можно заключить, таким образом, что городской говор (или городское койне) Улциня представляет собой типичный северо-западный гегский говор с упрощениями, которые определяются межъязыковыми контактами.

Шкодра. Говор Шкодры — крупнейшего городского центра северной Албании — характеризуется сравнительно высоким уровнем сложности (22, в то время как максимальный уровень сложности для северо-западных гегских говоров — 23) и практически не отличается в этом отношении от говоров хинтерланда. По всем диалектометрическим показателям Шкодра сближается с другими северо-западными гегскими говорами (в частности, с Ульцином и говорами окрестностей Лежи). Эти данные хорошо согласуются с историческими сведениями о формировании населения современной Шкодры. После захвата Шкодры османами в 1478 г. старое албанское (и романское) население покинуло город и он начал заселяться албаноязычными выходцами из соседних областей, как с юга, так и с севера. Стоит специально отметить поток переселенцев из горных областей северной Албании, особенно интенсивный в XVIII–XIX вв. Этот приток населения, говорящего на типичных северо-западных гегских говорах, из хинтерланда обеспечивал устойчивость городского говора Шкодры и его прототипически северо-западный характер⁴.

Тирана. Говор Тираны является единственным городским говором в нашей выборке, сложность которого (21) выше сложности прилегающих сельских пунктов. Это обстоятельство также находит достаточно убедительное объяснение историческими фактами. После того, как Ти-

⁴ См. также соображения А. В. Десницкой о северо-западном гегском койне (Десницкая 1970).

рана в 1921 г. стала столицей, начался стремительный рост этого изначально небольшого поселения. Следующие этапы этого роста связаны с созданием социалистической (1944 г.), а затем постсоциалистической (1991 г.) Албании. В результате в Тиране стал использоваться устно-разговорный вариант литературного языка (вначале на гегской, а потом на тоскской основе), а собственно тиранский диалект остался разговорным идиомом всё уменьшающейся (в абсолютном и относительном измерении) группы не получивших образования тиранских старожиллов (Десницкая 1968: 210). С этим согласуется и диалектометрическая близость говора Тираны окружающим сельским южногегским идиомам.

Говор *Эльбасана* (или городское койне, см. (Десницкая 1968: 200–209)) с уровнем сложности 17 чуть сложнее или равен по сложности окружающим сельским пунктам и близок им диалектометрически. По всей видимости, ситуация здесь диаметрально противоположна предыдущей. Эльбасан был основан турками в середине XV в. специально как центр распространения османского влияния и мусульманской культуры. Достаточно скоро он стал центром иррадиации (прежде всего в северногегскую диалектную зону, вплоть до Шкодры) инновационных языковых изменений. Таким образом, хинтерланд в данном случае был скорее реципиентом эльбасанских диалектных инноваций.

Влёра — единственный в нашей выборке тоскский городской центр — являлась с античных времен одним из двух крупнейших портовых городов на территории Албании. Влёра находится на условной границе двух обширных диалектных зон тоскского ареала — севернотоскской и южнотоскской (ляберийской). Это любопытным образом отражается при кластеризации албанских говоров: по грамматическим параметрам идиом Влёры лучше кластеризуется с севернотоскскими говорами, а по лексическим — с ляберийскими (см. Десницкая 1968: 304, «говор... города... отразил влияния как северо-западного, так и южного ареала тоскской диалектной области»). При этом говор Влёры демонстрирует более низкий уровень сложности (10), чем прилегающие сельские пункты обоих ареалов, что как будто бы подтверждает предположение о (частично) смешанном миграционном характере этого городского идиома.

Итак, описанные (в высшей степени выборочные) примеры пяти албанских городских центров демонстрируют нам разные типы соотношения говоров города и окружающей местности: упрощение в результате межязыковых контактов (Улцинь); развитие городского диалекта в условиях более или менее однородной миграции из хинтерланда

(Шкодра); изолированный архаический городской идиом на фоне окружающего просторечия, базирующегося на стандартном языке (Тирана); городское койне, оказывающее влияние на хинтерланд (Эльбасан); «смешанный» городской диалект (Влёра). Расширение и уточнение этой типологии, как представляется, возможно за счет более детальных «микроскопических» исследований описанных ситуаций (ср. исследование ситуации в Ораховце в (Морозова, Русаков 2022)), а также привлечения материала из разных районов албаноязычного ареала и ареалов распространения других балканских языков.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Десницкая 1968 — *Десницкая А. В.* Албанский язык и его диалекты. Л.: Наука, 1968.
- Десницкая 1970 — *Десницкая А. В.* Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка. Л.: Наука, 1970.
- Морозова, Русаков 2022 — *Морозова М. С., Русаков А. Ю.* Городское сообщество Ораховца: язык, история, самоидентификация // Стратегии межбалканской коммуникации: перевод / Отв. ред. И. А. Седакова, ред. М. М. Макарецев, Т. В. Цивьян. М.: Институт славяноведения РАН, 2022. (Материалы круглого стола ЦЛИ Balcanica. 7.) С. 136–158.
- Морозова, Русаков 2023 — *Морозова М. С., Русаков А. Ю.* О сравнительном изучении языковой сложности албанских и южнославянских диалектов // L Международная научная филологическая конференция имени Людмилы Алексеевны Вербицкой. Избранные доклады / Под ред. В. П. Казакова. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2023. С. 192–206.
- Friedman, Joseph 2023 — *Friedman V., Joseph B.* The Balkan Languages. Cambridge: Cambridge University Press, 2023. In press.
- Gjinari et al. 2007 — *Gjinari J., Beci B., Shkurtaj Gj., Gosturani Xh.* Atlasi dialektologjik i gjuhës shqipe. Vëll. 1. Napoli: Università degli studi di Napoli L’Orientale, 2007. Vëll. 2. Napoli: Università degli studi di Napoli L’Orientale, 2008.
- Lindstedt 2016 — *Lindstedt J.* Multilingualism in the Central Balkans in late Ottoman times // Slavica Helsingiensia 49. In search of the center and periphery — linguistic attitudes, minorities, and landscapes in the Central Balkans / Ed. by M. Makartsev, M. Wahlström. Helsinki, 2016. P. 51–67.
- Morozova, Ovsjannikova, Rusakov 2020 — *Morozova M., Ovsjannikova M., Rusakov A.* Albanian dialects in the light of language contact: a quantitative study of loanwords // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2020. Т. XVI, ч. 2. С. 275–305.

ОБРЯД И РИТУАЛ

«СВИДЕТЕЛЬСТВО» (*MĂRTURIE*)
 В ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ РУМЫН
 (ВЛАХОВ) ВОСТОЧНОЙ СЕРБИИ¹

Наталья Геннадиевна Голант

*Музей антропологии и этнографии
 им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
 natalia.golant@kustkamera.ru*

Данный текст в значительной мере основан на полевых материалах, собранных в румынских (влашских) селах общин Заечар, Болевац, Неготин и Бор (Сербия) в 2022 г.² Среди обследованных нами (автором, И. М. Струтинским и С. Ю. Королёвой, а также историком из Заечара Славолюбом Гацовичем) населенных пунктов есть как царанские села, где живут носители олтенских говоров румынского языка, так и унгуриянские, жители которых являются носителями банатских говоров. Наблюдать обрядовые действия нам удалось преимущественно в царанских селах, тогда как в унгуриянских селах сбор материала велся почти исключительно методом интервью.

В обследованных нами селах слово *mărturie*, которое может быть переведено с румынского языка и как «свидетельство», и как «свидетель» (DEX 1998: 609), употреблялось в контексте обряда «пускания воды». Этот обряд, который по-румынски называется *se sloboade apa* (букв. ‘освобождается / пускается вода’), обязателен для сороковин (рум. *potana de patruzeci de zile*, рум. диал. *patruzecili, potana de șase luni*), но может входить в состав ритуалов других поминальных дней. Исполнительницей этого обряда, по словам информантов из влашских царанских сел общины Заечар (Шипиково, Мали Ясеновац, Халово), должна быть девочка 8–12 лет. В прошлом девочка в течение сорока

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00484, <https://rscf.ru/project/22-18-00484/>.

² Текст также перекликается со статьей А. А. Плотниковой «*Мартула (мартурија)* в диалектах восточной Сербии: происхождение и функциональная нагрузка термина в обряде» (настоящий сборник), однако сконцентрирован преимущественно на румынском, а не на сербском материале.

дней со дня смерти приносила воду в дома односельчан. Эту воду использовали для питья и приготовления пищи, но не для мытья посуды или полов и стирки. В наши дни, когда в большинстве домов есть водопровод, девочка приносит воду в течение нескольких дней, предшествующих поминкам — со вторника по субботу (поминки обычно устраивают в субботу)³. «Ношение воды» сейчас сводится к тому, что девочка набирает определенное количество ведер воды из-под крана у себя дома, и выливает их в саду на цветы или на газон. При этом она произносит традиционную поминальную формулу: «*Bog dea prosti*» (букв. «Бог (его / ее) пусть простит»). По словам некоторых информантов, таким образом «поют» покойника (с. Шипиково). Число принесенных ведер воды отмечают, делая зарубки на палочке из лещины, очищенной от коры (Шипиково, Мали-Ясеновац и др.), или складывая в стакан кукурузные зерна (Халово). «Пускают воду» незадолго до начала поминальной трапезы. В прошлом ее «пускали» на реке, у ручья или источника, а в настоящее время это, как правило, делают в саду около дома умершего (в том случае, если поминки проводятся в его доме). Так, во время поминок в с. Халово летом 2022 г. воду из находящегося во дворе крана пускали по выложенному на газоне и украшенному цветами стоку. По воде пускают черпак из тыквы-горлянки (*troc*), в который помещены свечи (как правило, две свечи, сложенные крест-накрест), обломки палочки или зерна кукурузы, с помощью которых подсчитывали количество принесенных ведер воды. Кроме девочки, пускающей воду, в обряде участвует свидетель (*mărturie*), который наблюдает за происходящим, держа в руке посох (*toiag*). Свидетелем бывает мальчик, если поминают мужчину, и девочка, если поминают женщину. Кроме сороковин, обряд пускания воды может проводиться на поминках через полгода, на год и на семь лет со дня смерти. Диалог между девочкой, пускающей воду, и свидетелем в селах влахов-царан (Шипиково, Мали-Ясеновац, Халово) включает в себя вопрос девочки к свидетелю, будет ли он (она) свидетелем, и положительный ответ. Вопрос и ответ повторяются трижды. В селах влахов-унгурян в диалоге присутствует обращение к солнцу и луне, которых также призывают в свидетели⁴. Текст, который произно-

³ Согласно сведениям, записанным И. М. Струтинским и автором в с. Халово, девочка должна принести три ведра воды в день.

⁴ По сведениям, записанным С. Бизерановой в с. Радуевац общины Неготин Борского округа Сербии (царанский говор), в этом селе в обрядовом тексте, произносимом при пускании воды, также призывают солнце и луну в свидетели (Бизеранова 2013: 317).

сят девочка, носившая воду, и свидетель, также обозначается термином *mărturie*. В конце обряда девочка и свидетель берут в руки по караваю и трижды обмениваются ими (Халово). Участие свидетеля (*martor*) в обряде пускания воды и произнесение соответствующих обрядовых формул встречается и на территории Румынии (в частности, в Олтении и Мунтении) (SO 1: 208; SO 5: 234–235). В некоторых районах Олтении в этих формулах в свидетели могут призывать солнце и луну (SO 1: 208). В румынских (влашских) селах северо-западной Болгарии (Видинская область) обряд пускания воды также исполняли девочка-водоноска и свидетель. Аналогичный обычай встречается у живущих в этом регионе болгар. В обрядовых диалогах, зафиксированных в болгарских селах Видинской области, встречается и призыв к солнцу и луне (Бизеранова 2013: 312–316). У сербов в восточной Сербии также известен обычай пускания воды, в котором участвует обрядовая пара — девочка-водоноска и свидетель — *мартурија*. Обрядовый диалог включает в себя вопрос старшей женщины девочке, отправляет ли она воду умершему, а свидетелю — будет ли он свидетелем, и их положительные ответы. Призыв в свидетели солнца и луны в этом тексте отсутствует⁵.

В селах вlahов-унгуриян встречается употребление термина *mărturie* и в контексте других погребально-поминальных обрядов. В книге П. Дурлича, посвященной устному народному творчеству румын (вlahов) Поречья и соседних областей, приводится девять текстов «свидетельств». Среди них есть тексты, произносимые при зажигании «райской свечи»⁶ — текст «La lumanarja rajuluj»⁷ из с. Лазница и «La pamanarja rajuluj» («К райской свече») из с. Селиште общины Жагубица Браничевского округа, в качестве «приглашения» покойника на поминки — текст «Rugamînt la Suare să-l skuatâ pj-al mort la romană» («Молитва к Солнцу, чтобы оно отпустило (букв. «вытащило) покойника на поминки»)

⁵ Архив проекта 2022 (зап. Н. Г. Голант, И. М. Струтинского, С. Ю. Королёвой), см. также (Бизеранова 2013: 318).

⁶ «Райскую свечу» (рум. диал. *lumina râiului, lumânarea râiului, numânarea raiului*) изготавливают для покойника, умершего без зажженной свечи в руке. Она представляет собой деревянный подсвечник, украшенный изображениями цветов, выполненными из вошенных ниток, на котором размещают сорок четыре тонких свечи. В настоящее время «райскую свечу» можно купить в магазинах ритуальных услуг в городах восточной Сербии. Ее зажигают на каждых поминках, а полностью сжигают, как правило, на кладбище в день поминок по истечении года со дня смерти.

⁷ Это и последующие названия, взятые из работы Дурлича, приводятся в предложенной им транскрипции.

из с. Дебели-Луг общины Майданпек Борского округа, перед началом поминальной трапезы — два текста из с. Црнайка общины Майданпек Борского округа и по одному тексту из тексты из с. Влаоле той же общины Майданпек и из с. Лазница общины Жагубица Браничевского округа под названием «La romană» («На поминках»), в момент преподнесения кому-либо одежды умершего в качестве поминального дара — текст «La suaļe» (букв. «На одежду») из с. Житковица общины Голубац Браничевского округа, и во время «пускания воды» — текст «La aŗă» (букв. «На воду»), также записанный в с. Лазница. Все перечисленные тексты записаны с помощью алфавита, разработанного самим П. Дурличем с опорой на румынскую и сербскохорватскую латиницу, и приводятся с параллельным переводом на сербский язык (Durlić 2020: 153–161). Текст, записанный Дурличем в с. Житковица сопровождается комментарием: «Свидетельство произносили хором три женщины под руководством Кристины Илич (1934 г.р.) во время поминок на год после смерти Милана Йовича в 2003 г. Одежда Милана была разложена на кровати в комнате, а женщины взяли за край покрывала, говоря, что «показывают одежду солнцу». В самом тексте этого «свидетельства» присутствует обращение к солнцу и луне, которых призывают в свидетели происходящего (Ibid.: 159). Также обращение к солнцу и луне содержится в опубликованном Дурличем тексте «свидетельства» из с. Лазница, произносимого при «пускании воды»; в текстах «свидетельств» из Црнайки, Влаоле и Лазницы, произносимых во время поминальной трапезы; обращение к солнцу — в тексте из с. Дебели-Луг, который представляет собой молитву солнцу, чтобы оно привело покойника на поминки (Ibid.: 156–161). Кроме того, во многих текстах «свидетельств» упоминаются святые — Богородица (*Sînta (sîmta) Majka Marije, Majka Prjastiše*), Архангел (*Aranţel*)⁸, св. Николай (*Svići Njikuola*), св. Георгий (*Sînzurdzu*), св. Иоанн Креститель (*Svići Jovanu Boćedzîtuorj*), св. Петр (*Sîmpjetru*), св. Димитрий (*Sîmjedru*), а также господь Бог (*Dumnjedzău*) (Ibid.: 153–161). Можно упомянуть и о том, что для поминальных трапез в селах влахов-унгурия изготавливают особые калачи, посвященные некоторым из этих персонажей — Солнцу, Луне, Богу, Богородице, Архангелу. В частности, калачи, называемые «солнце» (рум. диал. *soarili*) и «луна» (*lună*) присутствуют на поминках в с. Валаконе и Оснич общины Боле-

⁸ Имеется в виду архангел Михаил, который, согласно мифологическим представлениям проживающих по соседству с влахами болгар и сербов, забирает душу умирающего (см., например, (Валенцова, Узенёва 2004: 254–257)).

вац Заечарского округа, Лубница и Шливар общины Заечар Заечарского округа, Шарбановац общины Бор Борского округа и др.; калач Господа Бога — (рум. диал. *colacu lu Dumnedzău*) — в с. Оснич, Лубница, Шливар, Шарбановац; калач Архангела (*colacu lu Arangel*) — в с. Оснич и Шарбановац, калач св. Марии (*colacu Sânta Mariiii*) — в с. Оснич⁹. Посвящение поминальных калачей Богу, Архангелу и Богородице встречается и у влахов-царан, однако в царанских селах этим персонажам предназначают не особые калачи, а по одному из многочисленных калачей крестообразной формы (Шипиково).

Обычаи преподнесения кому-либо одежды умершего в качестве поминального дара и зажигания на поминках «райской свечи» фиксируются и у влахов-царан, однако встречать в царанских селах тексты «свидетельств», которые произносились бы в эти моменты, нам пока не приходилось. Впрочем, во время поминок на год после смерти в с. Шливар общины Заечар Заечарского округа — единственных поминок в унгуриянском селе, на которых автору довелось присутствовать — обряд преподнесения в дар одежды умершего также осуществлялся без произнесения «свидетельства».

Обряд «пускания воды», в котором принимает участие свидетель и произносятся формулы свидетельства, как мы могли убедиться, существуют у румын (влахов) восточной Сербии и северо-западной Болгарии, у румын, живущих на территории Румынии, а также у соседнего сербского и болгарского населения. Однако полноценные тексты «свидетельств» сохранились, по-видимому, только в селах влахов-унгуриян в восточной Сербии. Также в унгуриянских селах произнесением свидетельств могут сопровождаться другие поминальные обряды — зажигание «райской свечи», поминальная трапеза и др.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бизеранова 2013 — Бизеранова С. Между живота и смъртта. Погребални и поминални обичаи при българи и власи във Видинско. Враца: Алекспринт, 2013.
- Валенцова, Узенёва 2004 — Валенцова М. М., Узенёва Е. С. Михаил // Славянские древности. Этнолингвистический словарь в пяти томах под редакцией Н. И. Толстого. Т. 3. М., 2004. С. 254–257.

⁹ Архив Проекта 2022 (зап. Н. Г. Голант и И. М. Струтинского); см. также (Дурлиф 2010).

Дурлић 2010 — *Дурлић П. Ес.* Свети језик влашког хлеба: сликовница са речником у четрдесет слика. Београд, 2010.

DEX 1998 — *Dicționarul explicativ al limbii române.* București, 1998.

Durlić 2020 — *Durlić P. Es.* Rumînji în zovîrnjit đî suare / Vlasi na zalasku sunca. Majdanpek, 2020.

SO 1 — Sărbători și obiceiuri. Răspunsuri la chestonarele Atlasului Etnografic Român. V. 1. Oltenia. București, 2001.

SO 5 — Sărbători și obiceiuri. Răspunsuri la chestonarele Atlasului Etnografic Român. V. 5. Oltenia. Dobrogea, Muntenia 2005.

МАРТУЛА (МАРТУРИЈА)
 В ДИАЛЕКТАХ ВОСТОЧНОЙ СЕРБИИ:
 ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ НАГРУЗКА
 ТЕРМИНА В ОБРЯДЕ¹

Анна Аркадьевна Плотникова

Институт славяноведения РАН (Москва)

annaplotn@mail.ru

При этнолингвистическом обследовании территориальных диалектов восточной Сербии нередко в разных формах встречается лексема, заимствованная из влашских (румынских) говоров серб. *мартула* (Болевацкий край, с. Мирово)², *мартурија* (Неготинский край, с. Брачевац)³. В диалектном словаре тимокского говора восточной Сербии слово отмечено в значении ‘свидетель’ в двух вариантах: *мартур* и *мартурија* (Динић 1988: 143). Учитывая наличие большого числа влашских (румынских) сел в Неготинском, Заечарском и Болевацком краях, где проходили полевые обследования сербов, а также высокую степень контактности населения двух этнических групп, неудивительно, что рум. *mărturie* вошло в словесный обиход сербских говоров и достаточно регулярно используется также и в обрядовом контексте, а именно — в сфере похоронно-поминальной обрядности, наиболее закрытой для проникновения иноязычных и иноэтничных вкраплений.

В румынском литературном языке *martor* (m.), *martoră* (f.) в первом значении толкуется как «Человек, который присутствует либо присутствовал при происшествии, конфликте, каком-либо событии и т.д. или являлся их непосредственным участником (и который может изложить или засвидетельствовать, каким образом разворачивались эти события)». К толкованию дается присловье: *Dumnezeu mi-e martor!*, т.е. ‘Клянусь Богом’, букв. ‘Бог мне свидетель’ (Dexonline, дата обращения:

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00484, <https://rscf.ru/project/22-18-00484/>.

² Полевые записи автора, 2005 г.

³ Зап. Н. Г. Голант, И. М. Струтинского.

16.02.2023). Там же указывается, что слово латинского происхождения; это уточняет А. Чоранеску, приводя греч. *μάρτυρ* ‘свидетель, очевидец’, перешедшее в румынский через посредничество вульгарной латыни (Ciorănescu 2002: 494). В словарях литературного сербского языка данная лексема не фиксируется. Отметим, что, если Я. Динич дает обиходные, внеобрядовые контексты употребления диалектизма, например, *ноч мартура нема* «Ночь не имеет свидетелей» (Динић 1988: 143), то наши записи и доступные этнографические источники подтверждают лишь обрядовое употребление лексемы. Тем не менее, функциональная нагрузка термина в похоронно-поминальной обрядности нуждается в более детальном анализе.

Известный исследователь восточных регионов Сербии С. Зечевич подробно описывает подготовительный и основной этапы ритуала на сорокадневное поминание (*помана*) у влахов в Ключе и Краине, называя основной этап *пуштање воде* ‘пускание воды’ в «узком смысле». На сорок дней девочка из семьи покойного приносит домой два ведерка воды, бросив в каждое по камушку или монетке. Именно эта вода употребляется для приготовления пищи для застолья на поминки. Затем та же девочка разносит воду соседям, обозначая каждый сосуд узелком на нитке или насечкой на палочке *рабош*. Так она делает до тех пор, пока не принесет в дома сорок ведерок воды. Всё это время девочка не должна плевать, обуваться и даже что-либо повязывать на ноги. После этого осуществляется основная часть ритуала. Перед поминальным обедом та же девочка берет девять булочек, свечу, палку и две емкости для воды и несет всё это на берег реки. Ее сопровождает еще одна девочка. На берегу основная исполнительница черпает воду и поливает каждый из завязанных ею ранее узелков на нитке: как только польет, сразу его развязывает. После этого на песке у самой реки она расстилает кусок полотна, придавив камнем, чтобы его не унесло водой⁴. Затем разрезает нитку на кусочки и кладет каждый из них на дощечку, к которой прилепляет и свечу, и тогда пускает по течению. Опуская свечу на воду, девочка произносит: «Эта вода и палка пусть будут имярек(у) для души, Солнце и Месяц пусть ему будут свидетелями на том свете». Затем обращается к присутствующей девочке: «Ты ему будешь свидетелем — на этом [свете]». Та отвечает: «Буду». Приведенный диалог по-

⁴ Ср. знаменитый *брод* в банатских селах: выложенный у воды из камней «стол» с предметами для умершего в день «поманы» (Босић 1987: 167).

вторяется три раза. Место, откуда пускается свеча, затем окуривается, после чего главная исполнительница окуривает принесенные девять булочек, предназначая их последовательно: Богу, святому Архангелу, с в и д е л ю (разрядка наша. — *АП*), Богородице, искуплению грехов умершего, его добрым делам, Солнцу, Месяцу и тому дню, когда всё это происходит (Зечевич 1967: 56). Упоминается автором и ритуальный посох (со ссылкой на описание региона Црна-Река в конце XIX в. С. Мачаем): девушка перед началом поманы идет на реку и расстилает у воды полотно, на которое выливает сорок стаканов воды, после чего ломает палку, вставляет в (образовавшуюся) щель одной из половинок свечу, обматывает ее куском пакли и пускает вниз по течению (Зечевич 1967: 56).

Важно отметить, что, описывая влашские (румынские) ритуалы⁵, Зечевич прибегает к передаче их вербальной части также на сербском литературном языке. Как отмечает при этом автор, «любопытным фактом является то, что и в сербских селах, населенных косовцами, есть обычай пускания воды — *пуштање воде*. Так, в Раяце носят воду в последнюю неделю перед “поманой”, во вторник, четверг и субботу. Женщина, которая сопровождает девочку, называется *лентурија*⁶. Она на поминках главная кухарка и хозяйка. На реку носили сахар и булочки, пуская с ними сосуд из небольшой тыквы вниз по течению. В это время девочка три раза обращалась к женщине, проговаривая *Прошћавај* («Прости»), на что та отвечала: *Прошћавам* «Прощаю»’. В плошке, сделанной из тыквы, размещали две свечи, сахар и лепешечку» (Зечевич 1967: 58). В последующих публикациях на тему похоронно-поминальной обрядности из различных областей восточной Сербии, где перемежаются села вlahов и сербов-косовцев или сербов из динарских областей, С. Зечевич делает некоторые более детальные ссылки на сербские села, например: «У косовцев и динарцев Рготины девушка на сорокадневные поминки перед трапезой разносила воду в дома, после чего воду выливала по течению реки. Чтобы знать, сколько ведер воды разнесла по домам, завязывала по узелку на шерстяной нитке. Во время “поманы” рядом со столом находилась вода и всё, что

⁵ Ср. распространение тех же ритуалов на сорокадневные поминки на основной территории Румынии — в Банате, Олтении, Мунтении и Трансильвании, см. например (SO 1: 208–209; SO 5: 233–236).

⁶ Указанная этнографом форма заимствованной от вlahов лексемы, несомненно, нуждается в проверке и подтверждении при полевом обследовании села Раяц.

требовалось для ее ношения и пускания» (Зечевић 1978: 395). Таким образом, подразумевается факт исполнения того же ритуала в соседних с влахами сербских селах.

Собственные этнолингвистические исследования автора и его коллег, безусловно, проясняют ситуацию с употреблением в восточносербских селах влашского (румынского) заимствования со значением ‘свидетель’ в ритуале на сороковой день после смерти покойного. Во-первых, в сербских селах отсутствует обращение к Солнцу и Месяцу как свидетелям на том свете, во-вторых, актуализируется значения слова ‘помощник’ и ‘второй участник заключительной части ритуала’ (особенно это важно для исполнения диалога-ритуала). В обзоре экспедиции, проведенной Н. Г. Голант и И. М. Струтинским, авторы пишут, что обряд пускания воды в сербских селах также проводится на сороковой день, но обставлен, как правило, менее пышно, чем у влахов (Голант, Струтинский 2023). Термин *мартурија* фиксируется в Брачевце, причем судя по отдельным записям, он не всегда используется со значением ‘свидетель’, а вторая исполнительница может восприниматься только как помощница, при этом основные этапы ритуала сохраняются: ношение воды по домам (в три соседних дома или только в дом умершего), расстилание полотна на берегу реки в качестве знака трапезы для покойного, пускание воды по течению Тимока в посуде из тыквы со свечами и хлебцами, наличие посоха (серб. *власар*), причем нередко весь ритуал так и называется *власар*, поскольку наличие этой «рогатой» палки из лесного ореха, густо обвитой паклей и обвешанной дарами для исполнителей ритуала⁷, представляется особенно важным в плане одаривания сопровождающего участника — свидетеля и ассистента. В настоящее время ритуал здесь проводится над корытом или желобом во дворе, кроме того, маленькую девочку до десяти лет из семьи умершего в настоящее время найти нелегко, и весь ритуал, первоначальной целью которого было «утолить жажду умершего», «снабдить его палкой или посохом, чтобы он мог защищать свою еду и питье от тех, кому не делается помана», постепенно утрачивается. Роль «свидетеля» всё больше заменяют современные видео- и фотоматериалы, столь ценящиеся у влахов во время проведения поманы; вторая участница обряда, как и во всех сербских селах, выполняет функцию помощницы, без которой бы ритуал-диалог не состоялся.

⁷ Архив Проекта 2022 (зап. Н. Г. Голант, И. М. Струтинского, С. Ю. Королёвой).

БИБЛИОГРАФИЈА

- Босић 1987 — *Босић М.* Вода у погребном ритуалу и култу мртвих код Срба у Војводини // Рад Војвођанских музеја. 1986–1987. [Књ.] 30. 1987. С. 159–171.
- Голант, Струтинский 2023 — *Голант Н. Г., Струтинский И. М.* Погребальная обрядность влахов долины Тимока (по результатам экспедиции в восточную Сербию) // Славяноведение. 2023. № 2. (В печати).
- Динић 1988 — *Динић Ј.* Речник тимочког говора // Српски дијалектолошки зборник. 1988. Књ. 34. С. 7–335.
- Зечевић 1967 — *Зечевић С.* Самртни ритуал и неки облици култа мртвих у становништва влашког говорног језика Крајине и Кључа // Гласник Етнографског музеја у Београду. Београд, 1967. Књ. 30. С. 47–78.
- Зечевић 1978 — *Зечевић С.* Самртни обичаји у околини Зајечара // Гласник Етнографског музеја у Београду. Београд, 1978. Књ. 42. С. 383–398.
- Ciorănescu 2002 — *Ciorănescu A.* Dicționarul etimologic al limbii Române. București, 2002.
- Dexonline — Dexonline. Dicționare ale limbii române. <https://dexonline.ro/definitie/martor> (дата обращения: 16.02.2023).
- SO 1 — Sărbători și obiceiuri. Răspunsuri la chestionarele Atlasului Etnografic Român. V. 1. Oltenia. București, 2001.
- SO 5 — Sărbători și obiceiuri. Răspunsuri la chestionarele Atlasului Etnografic Român. V. 5. Dobrogea, Muntenia. București, 2009.

СОВРЕМЕННАЯ АЛБАНСКАЯ СВАДЬБА:
«ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ» КАК АТРИБУТ
ТРАДИЦИОННОГО СЦЕНАРИЯ СВАДЕБНОГО РИТУАЛА
И «НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ» КАК ДИАЛОГ С ТРАДИЦИЕЙ

Александра Сергеевна Дугушина

*Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
dugi@inbox.ru*

По данным официальной статистики (INSTAT 2022), число заключаемых браков в Албании за последние тридцать лет (1990–2020 гг.) остается стабильно высоким: примерно 23 тыс. в год при общей численности населения около 3 млн человек. Свадебный сервис является одним из самых доходных бизнесов в Албании (как, впрочем, и в других странах (Longbottom 2013)). Данные о том, что албанцы готовы тратить ощутимые и порой несравнимые со средним доходом суммы на организацию свадьбы (Shpenzimet 2017), говорят о крайней востребованности этой индустрии даже в сегодняшнее время, когда западно-европейские паттерны брака позволяют устраивать скромные бракосочетания или не делать их вообще.

Помимо того, что свадебное торжество остается востребованным ритуалом и формой праздничной культуры для молодого поколения, интерес представляет также то, как балансирует албанская свадьба между современными трендами и традицией. Готовы ли молодожены сохранять традиционные обычаи или, наоборот, они стремятся модернизировать свадьбу в соответствии с новыми вкусами? Уместно ли говорить о трансформациях свадебного торжества и застолья в албанской культуре?

Материалами для исследования послужили наблюдения, интервью, фото- и видеосъемка автора в сентябре 2021 г. на свадебной церемонии в Албании в округе Дуррес.

Определенность / неопределенность как важнейшая категория балканской картины мира будет здесь пониматься скорее как эмоциональная культурная категория в ракурсе балансирования между традицией

и новшествами в праздновании свадьбы у албанцев. «Определенность» будет являться атрибутом традиционного сценария свадебного ритуала, а «неопределенность» — своеобразным диалогом с традицией в виде модернизации молодоженами определенных аспектов свадьбы.

Рассмотрение современных тенденций, характерных черт и вкусов албанской свадьбы неотделимо от изучения традиционных сценариев свадебного ритуала в албанской культуре (см., например, Бромлей, Кашуба 1982; Dojaka 1983; Иванова 1988; Tirta 2003; Dibra 2004; Selimi 2007; Xhafferri 2013; Новик и др. 2016). Материалы и наблюдения, полученные в ходе полевого исследования, свидетельствуют о том, что свадебные традиции и устойчивые приемы организации свадьбы в Албании воспринимаются молодым поколением довольно нейтрально и остаются актуальными в перспективе отношений внутри семейно-родственного коллектива. Это та сфера культурной традиции, которая является в представлениях молодого поколения «определенной», понятной, необходимой с точки зрения ритуала, которую они не готовы менять вразрез со сложившимися нормами. Поиски самовыражения молодоженами в достаточно консервативной парадигме албанской свадьбы, эксперименты и отхождения от правил, попадающие в категорию неопределенности, касаются по большей части внешних атрибутов — локации застолья, костюмов и декораций.

Как и в прежние времена, сегодня важным этапом в заключении брака является помолвка (алб. *fëjes|ë, a*). Застолье по случаю помолвки напоминает свадебное торжество, поскольку в нем присутствуют все атрибуты широкого гуляния: угощения, формульные поздравления (алб. *të trashëgohet çifti* ‘пусть будут наследники у пары’), коллективные танцы под традиционную музыку с приглашенными музыкантами, профессиональная фото- и видеосъемка, празднично одетые гости, а также нарядные жених и невеста. Как правило, свадьбу назначают через несколько месяцев или полгода после помолвки, но в некоторых случаях период от помолвки до бракосочетания может растянуться на несколько лет, не влияя при этом на легитимность установленных отношений в паре. Нередко помолвка приравнивается к свадебному обряду и, будучи признанной семейным коллективом, может считаться достаточной для начала семейной жизни (ср. Кашуба 1988: 105).

Аналогичное отношение сохраняется и к официальной регистрации брака. В албанской традиции брак — это, прежде всего, свадьба в кругу родственников и признание семейным коллективом брачного союза,

поэтому часто государственная регистрация брака остается рутинным, не праздничным событием, то есть не подразумевающим приглашения гостей и яркого оформления. Посещение государственных институций и получение документов о браке может откладываться на долгое время — например, на полгода или даже год.

В Албании сохраняется двухчастное свадебное торжество (алб. *darka e dasmës*), в соответствии с которым свадьба делится на два мероприятия: сначала празднование организуется стороной невесты (алб. *dasma e vajzës* ‘свадьба невесты’), и затем — жениха (алб. *dasma nga djali* ‘свадьба (от) жениха’). Обе свадьбы представляют собой полноценные торжественные церемонии, предполагающие застолье с большим числом приглашенных гостей — обычно от одной до нескольких сотен.

Важными фигурами в албанской свадебной традиции являются дядя невесты по материнской линии (т.е. брат матери, алб. *daj|ë, a*) и дядя со стороны отца невесты (т.е. брат отца, алб. *xhaxha, i*). Остается неизменным и содержание развлекательной составляющей: во-первых, на свадьбе нет необходимости выстраивать сценарий праздника и нанимать профессионалов, ответственных за организацию веселья, во-вторых, предпочтительными остаются традиционные жанры музыки и танцев (алб. *valle, t*), исполняющие в том числе и ритуальные функции: подбор фольклорных произведений в соответствии с регионом происхождения семьи, одаривание молодоженов, ранжирование выступления отдельных групп родственников и определение их иерархии, роли и чинов (родственники со стороны матери и отца, дядя, кумовья, танец незамужних девушек, женский танец, мужской танец и др.).

Рассмотрение меню свадебного застолья выявило довольно консервативные вкусовые тенденции и стабильный запрос на аутентичные албанские блюда, через которые реализуются представления о связи с пищевыми традициями: престижность мясных блюд на столе (цельные куски, запеченное с овощами и/или кисломолочными продуктами мясо в глубокой емкости, вареное или тушеное в бульоне, туша на вертеле, выпечка с мясом, мясные субпродукты (потроха, печень и т.д.)), ценность определенных видов мяса (ягнятина, баранина, говядина, козлятина), а также неизменное стремление хорошо накормить гостей: «Если даешь мясо, ты даешь всё» (ПМА 2021–2022). Здесь важно отметить, что несмотря на популярность рыбных ресторанов в Албании (Новик 2020), свадебный стол не включает в себя блюда с рыбой и морепродуктами (алб. *fruta deti*). Консервативным свадебное застолье остается

еще и потому, что ориентировано, в первую очередь, на старшее поколение родственников, в представлении которых «деликатесы — как будто ты не ел ничего. А когда традиционное — ты будешь сыт» (ПМА 2021–2022).

Тем не менее очевидно, что свадебное торжество, как и в любой другой стране, занимает важную нишу в современной праздничной индустрии в Албании, и ключевые потребительские тренды, идущие в ногу со временем, отражаются и в свадебной культуре. Модернизация албанской свадьбы проявляется в стремлении молодого поколения индивидуализировать свадебное торжество в условиях консервативной этнической традиции, делая ставку на локацию и выбор ресторана в соответствии с западными сценариями свадьбы и адаптируя западные традиции, пришедшие из популярной культуры (бракосочетание у арки, танец молодоженов, разрезание торта, бросание букета невесты и т.д.). В Албании свадебная индустрия специализируется на внешнем виде невесты (платья, прическа, макияж), фото- и видеосъемке, локациях свадебного банкета и декорировании праздника. Выйдя за пределы дома в интерьеры ресторанов и в тренды популярной культуры, албанская свадьба стала самостоятельной «индустрией традиции» (Howard 2006), но не утратила при этом ритуальную нагрузку и содержание.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бромлей, Кашуба 1982 — *Бромлей Ю. В., Кашуба М. С.* Брак и семья у народов Югославии: опыт историко-этнографического исследования. М.: Наука, 1982.
- Иванова 1988 — *Иванова Ю. В.* Албанцы // Брак у народов Центральной и Юго-Восточной Европы / Отв. ред. Ю. В. Иванова, М. С. Кашуба, Н. А. Красновская. М.: Наука, 1988. С. 182–205.
- Кашуба 1988 — *Кашуба М. С.* Народы Югославии // Брак у народов Центральной и Юго-Восточной Европы / Отв. ред. Ю. В. Иванова, М. С. Кашуба, Н. А. Красновская. М.: Наука, 1988. С. 82–134.
- Новик и др. 2016 — *Новик А. А., Бучатская Ю. В., Ермолин Д. С., Дугушина А. С., Морозова М. С.* «Приазовский отряд». Язык и культура албанцев Украины / Отв. ред. А. А. Новик. Ч. I. Т. 1. СПб.: МАЭ РАН, 2016.
- Новик 2020 — *Новик А. А.* Морепродукты в алиментарной культуре населения Ионического побережья Албании // Вкус Европы. Антропологические исследования культуры питания / Отв. ред.: М. Ю. Мартынова, О. Д. Фаис-Летская. М.: Кучково поле Музеон, 2020. С. 350–399.

- ПМА 2021–2022 — *Дугушина А. С.* Полевые материалы автора. Албания (Тирана, Дуррес); дистанционные интервью. 2021–2022.
- Dojaka 1983 — *Dojaka A.* Dasma në Shqipëri. Tiranë: Shtëpia Botuese “8 Nëntori”, 1983.
- Dibra 2004 — *Dibra M.* Ceremoniali i dasmës në qytetin e Shkodrës. Tiranë: Shkenca, 2004.
- ISTAT 2022 — The National Institute of Statistics of Albanina (ISTAT) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://databaza.instat.gov.al/pxweb/sq/DST/START__BD__MAR/NewMa_003/chart/chartViewColumn/ (дата обращения: 01.03.2023).
- Howard 2006 — *Howard V.* Brides, inc.: American weddings and the business of tradition. Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press, 2006.
- Longbottom 2013 — *Longbottom H. E.* The geographic impact on wedding and bridal gown budgets // College of health and human sciences honors program undergraduate theses. Paper 17. 2013. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://docs.lib.purdue.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1011&context=hhstheses> (дата обращения: 01.03.2023).
- Selimi 2007 — *Selimi Y.* Jetë familjare. Fushat bregdetare të Shqipërisë së Veriut / Red. N. Xhagolli. Tiranë: Akademia e shkencave, 2007.
- Shpenzimet 2017 — Shpenzimet për dasmat, si ka ndryshuar “shija” e shqiptarëve // Shqiptarja.com [Электронный ресурс]. Без авторства. Режим доступа: <https://shqiptarja.com/lajm/shpenzimet-p-euml-r-dasmat-si-ka-br-ndryshuar-lldquo-shija-rdquo-e-shqiptar-euml-ve-nbsp> (дата обращения: 01.03.2023).
- Tirta 2003 — *Tirta M.* Etnologjia e shqiptarëve. Tiranë: GEER, 2003.
- Xhaferri 2013 — *Xhaferri M.* Aspekte të mënyrës së jetesës në rrethinat e Tiranës (Fillimi i shek. XX — shek. XXI). Tezë për mbrojtjen e gradës “Doktor”. Tiranë, 2013. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://asa.edu.al/images/Manjola%20Xhaferri.pdf> (дата обращения: 01.03.2023).

**ФОЛЬКЛОР
И НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА**

НЕ ТО ЛЁТОМ, НЕ ТО СКОКОМ, А НЕ ТО И ПОЛЗКОМ: КАТЕГОРИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В МИФОЛОГИИ

Марина Михайловна Валенцова

Институт славяноведения РАН (Москва)

mvalent@mail.ru

Категория определенности / неопределенности релевантна для многих сфер научного познания — от математики и экономики до социологии и гуманитарных наук. Результаты исследования этой категории в упомянутых дисциплинах¹ применимы и для изучения **славянской народной демонологии**, иначе — «низшей» мифологии, представляющей собой систему верований вместе с действующими в них мифологическими персонажами и связанными с ними обстоятельствами.

Можно утверждать, что неопределенность является основополагающим принципом формирования, организации и функционирования мифологической системы, причем всей сферы мифологического, включая также «высшую» мифологию (мифы и легенды о богах)². В своей абсолютной степени неопределенность представляет собой неизвестность.

¹ Например, в статистической теории информации под неопределенностью понимается характеристика множества сообщений, из которых в процессе передачи происходит выбор. Также и переход социальной системы от одного состояния к другому осуществляется путем выбора из множества возможных путей одного, но наиболее эффективного в конкретной ситуации. Говорят также о множественности выборов. То есть определенность характеризует однозначную связь, а неопределенность — многозначную. В условиях полной неопределенности возможность осознанного выбора отсутствует. «Неопределенность рассматривается как мера информации», и это самое распространенное в общественных науках понимание неопределенности (Дигилина, Новиков 2018), то есть информация выступает как определенность, а достаточность информации свидетельствует об определенности ситуации. Из обширной литературы по этому вопросу см.: Урсул 1975; Кравченко 2014; Дигилина, Новиков 2018 и др.

² Некоторые примеры: «С другой стороны, заслуживает упоминания та неопределенность, с которой о богах говорится во многих греческих и римских (но не в германских) источниках: *καί τις θεός ἠγεμόνευεν* [и какой-то бог указывал дорогу] (Od., IX:142; X:141); *τίς με θεῶν ὀλοφύρατο* [какой-то бог меня пожалел] (Od., X:157)» и т.д. (Гримм 2019: 178–179).

Можно говорить о двух уровнях неопределенности: 1. неопределенность как причина возникновения образов демонов и 2. неопределенность самих демонических образов.

Само формирование представлений о сверхъестественных силах, зарождение мифов о богах и демонах происходило и до сих пор происходит лишь в сфере неопределенного — неясного, неточного, неизвестного; при появлении новых знаний, т.е. информации о мире, боги «умирают», а демоны исчезают из активного упоминания в традиции, как уже практически исчезли из народных верований волколаки и упыри, вилы, «дикие люди» и др.

Говоря о механизме формирования мифологических персонажей, надо иметь в виду, что они «населяют» пограничье миров: видимого / невидимого, реального / ирреального. Они появляются там, где отсутствуют ясные и полные представления о явлении, недостает знаний о предмете, то есть представления о них неопределенны. Неопределенность — это дискомфорт, наличие тревоги, страха. Эти человеческие чувства во многом формируют ментальные представления о демонических сущностях — как правило, страшных, опасных, зловредных. Можно сказать, что мифологические персонажи — это неизвестность, облаченная в форму традиционных культурных и имеющихся рациональных представлений и знаний народа о мире: природе, человеке и обществе.

Поскольку эта неизвестность воспринимается людьми через частные, отрывочные и разноуровневые признаки, то и представления об этой неизвестности являются неопределенными. Например, странное состояние, в котором оказывается человек, заблудившийся в лесу, может объясняться деятельностью мифологических существ — лешего, зловредного черта, вил, «диких женок», или свойствами магических объектов, например, «блудного корня», поваленного бурей дерева, через которые человек случайно переступил. Лечебное воздействие воды в лесном источнике может пониматься как результат благоволения духа источника, как сила действий знахарки, проводящей обряд исцеления с водой, или как эффект от жертвоприношения источнику.

Неопределенность связана, прежде всего, со сферой **восприятия** человека: это неузнаваемые, не отождествляемые со знакомыми предметами образы; неясные, непонятные звуки, напоминающие слова или имена; запахи, которых в данном месте не может быть, например, запах свежее испеченного хлеба в лесу; необъяснимые события, воздействую-

шие на человека или происходящие в его непосредственной близости (открылась дверь, упала картина, разбилась посуда, животные и предметы появились «откуда ни возьмись»)³.

Второй обозначенный выше уровень неопределенности — это неопределенность и(ли) вариативность самих мифологических персонажей (их внешнего вида, свойств, атрибутов, функций).

Неопределенны все мифологические персонажи, даже самые известные и хорошо описанные в многочисленных быличках и фольклорных нарративах. Например, домовый имеет неопределенный облик (антропоморфный / зооморфный, старик / ребенок, одетый / заросший шерстью), неопределенные функции (помогает в делах / вредит, пугает, душит во сне). З.-слав. *мара* — дух, наваливающийся на человека во сне и душащий спящего, может предстать в виде тени, соломинки, перышка, души человека; может наседать, давить или сосать спящего; причины этих действий могут видеть в зловредности ведьмы, душа которой ходит по ночам по чужим людям, в безответной любви покинутой девушки, душа которой мучит парня по ночам, или просто в проявлении симптомов болезни.

Локальные персонажи, известные на ограниченной территории, в связи со своей неопределенностью часто и описываются в источниках с использованием конструкций типа: «какой-то лесной (водяной, подземный и т.п.) дух, который...» или: «считается то самостоятельным персонажем, то женой лешего (водяного и т.п.)», а нередко прямо констатируется, что облик персонажа неопределенен, размыт, нечеток.

В случае приобретения мифологическими персонажами, точнее, в случае наделения их определенными свойствами, конкретными образами, специфическими функциями (как это произошло, например, в средневековых трактатах с чертями и бесами — см. Виноградова 2016: 82), они теряют большую часть своей демоничности и становятся конструктами с ожидаемыми функциями и потому не такими страшными.

Вследствие неопределенности, размытости мифологических образов, текучести и вариативности их признаков так трудно (если вообще

³ Ср. аналогичные мысли о германской мифологии, которые высказал Т. Н. Грановский в лекциях по истории Средневековья: «Обе мифологии [скандинавская и германская] выросли из одного корня, но последняя не определилась вполне, ее захватило среди ее развития переселение народов и христианство. Отсюда *неопределенный, туманный характер германских божеств*. У германцев религиозное сознание не успело перейти из непосредственности чувства в созерцание, не приняло пластической формы» (Гримм 2019: 33, сн. 24. Выделено мною. — М. В.).

возможно) создать классификацию мифологических персонажей с однозначным соответствием имени и персонажа, персонажа и функции даже для одной традиции.

Конкретные примеры могут продемонстрировать, как мифологические персонажи формировались на основе принципа неопределенности, проявлявшегося в разных сферах восприятия человека. Как правило, речь идет о пограничных состояниях реципиента, связанных со сном, смертью, болезнью; обусловленных временем суток (сумерками или ночью), свойствами воспринимаемых объектов (рябь воды, мелькание листьев деревьев на солнце), внутренним состоянием воспринимающего (усталость, долгий пост, тоска).

Визуальная неопределенность: неясные очертания, видение, марево, мелькание — обусловили появление персонажей типа: рус. *марá, блазень*, бел. *зданькі, прывіды*, пол. *otana, błądzoń*, серб. *прикази, привиди, омаја* и др.

Часто визуальная неопределенность совмещается с **сенсорной**: у человека возникают непонятные, беспричинные чувства страха, тревоги, появляется головокружение, потеря памяти, дезориентация — это различные укр. *страхи*, словац. *strašky*, рус. *блуд* и др. Для этих персонажей свойственна также **номинативная неопределенность**, ср., например, названия типа рус. *он, оно*, укр. *він, той*, карп.-укр. *шоєь нечистого, невидимий дух, лихо*, словац. *оно*, пол. *cosik, coś* и под. (также имеющие функцию табуирования). Эти персонажи обладают слабой оформленностью, безличностью, о них практически ничего не известно⁴.

Аудиальная неопределенность: неясные звуки, голоса, стуки, хлопки, шорох, шипение — приписываются *домовому, домашней змее, лешему, «дикий охоте»*, персонифицированным *болезням, Смерти*. Звуки считались знаками-предвестниками, сообщениями, как правило, неблагоприятными.

Тактильная неопределенность: восприятие на ощупь — *домового* (мохнатый или голый), *моры* (предмет или бесформенная масса, студенистая субстанция).

⁴ Такие неопределенные персонажи есть и в других народных демонологических системах, например, в греческой: *φαντάσματα* 'привидения', *στοιχεῖα* 'стихью' с размытой, неясной характеристикой образа, *κακά πνεύματα* 'злые духи' (К. А. Климова, рукопись); ср. также лит. *jis* ('черт', букв. «он»), румын. *ele* ('русалии, вилы', букв. «они») и др.

Мерцательность⁵: то видимость, то невидимость, то слышимость, то неслышимость, то появление, то исчезновение, то увеличение, то уменьшение роста — характеризует *блуждающие огоньки*, лесных и болотных духов, черта и многих других демонов. С мерцательностью образа соотносимо оборотничество (исчезновение демона в одном облике и появление в другом), прежде всего, *черта, лешего, мары, ведьмы, летающего змея, волколака* и др.

Мифологические образы могут формироваться также на основе неопределенности в **ментальной сфере**, например, когда человек (или даже локальное сообщество) не может выстроить ясную логическую цепочку объяснения события или ему не хватает для этого знаний. Например, лунные фазы объясняются как «поедание» луны мифологическими существами; лунное затмение — как сбрасывание луны с неба ведьмой; загадочная связь воды с лунными фазами отразилась в фольклорных нарративах о водяном, который вылезает из реки в полнолуние, шьет при свете месяца, разговаривает с месяцем, и т.п. Неизвестность или неопределенность знаний в основном земледельческого населения о некоторых ремеслах, невозможность реконструировать последовательность событий формируют представления о магических способностях «специалистов» (которых считали колдунами и *знатками*), например: владелец водяной мельницы, знакомый со свойствами текущей и падающей на колесо воды, подозревался в связях с водяным; кузнец — в связях с чертом; пастух — с лешим.

К ментальной сфере относится также **семантическая неопределенность** имени персонажа — непонятность значения и происхождения заимствованного или чужого слова (болг. *караконджул, описница* и под.); при этом возможно одновременное восприятие фонетического облика заимствований (например, аллитерации, как в с.-рус. *шуликуны, шушки, шушига, кулешу*, словац. *škriatok*, чеш. *skřítek*, хорв. *štriga* — связывающей демонов с шорохом, шепотом, скрежетом и скрипом).

Мифологическая народная традиция накапливает информацию о неизвестном и неопределенном, об опыте контактов с неизвестными существами и вырабатывает некую типологию обликов сверхъестественных существ, правила поведения при встрече с ними, способы коммуникации и способы оберега (защиты) от них. Эта информация распространяется в этнической культуре в форме поверий, мифологических нарративов,

⁵ Пользуюсь термином Т. В. Цивьян.

игр, пословиц, запретов и рекомендаций. А информация, как говорилось выше, устраняет неопределенность и повышает достоверность знаний о мире. То есть функция народной демонологии аналогична функции науки, но в своей специальной области. Похожими способами решается в науке и в мифологии и проблема временно существующей неопределенности: в области научной информации — с помощью прогнозирования, а в традиционной народной культуре — с помощью предсказания и гадания.

Традиционную народную культуру в целом можно назвать народной наукой, народной философией, коллективным знанием, объясняющим неизвестное, ориентирующим в ситуации неопределенности — в понятиях и терминах культурных и мифологических представлений народа.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Виноградова 2016 — *Виноградова Л. Н.* Мифологический аспект славянской фольклорной традиции. М.: Индрик, 2016. С. 76–89.
- Гримм 2019 — *Гримм Я.* Германская мифология / Пер., коммент. Д. С. Колчигина. Под ред. Ф. Б. Успенского. Изд. 2, доп. Т. 1. М.: Издательский дом ЯСК, 2019.
- Дигилина, Новиков 2018 — *Дигилина О. Б., Новиков А. И.* Неопределенность как фактор стратегического планирования // Стратегическое управление: теория, практика и проблемы. Материалы XV Межрегиональной научно-практической конференции. Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС, 2018. С. 11–17.
- Климова — *Климова К.А.* Греки // Народная демонология славян. Коллективная монография (рукопись).
- Кравченко 2014 — *Кравченко А.И.* Тезисы о неопределенности // UNIVERSITATES. № 4. М.: Наука и просвещение, 2014. С. 14–19.
- Урсул 1975 — *Урсул А. Д.* Проблема информации в современной науке. М.: Наука, 1975.

«ДЬЯВОЛЫ РАЗНЫЕ»:
ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ И НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ В НОМИНАЦИИ
НОВОГРЕЧЕСКИХ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ

Ксения Анатольевна Климова

Московский государственный университет

им. М. В. Ломоносова (Москва)

Институт славяноведения РАН (Москва)

kaklimova@gmail.com

Новогреческая народно-мифологическая система — важнейшая и, к сожалению, наименее изученная часть традиционной греческой культуры современной Греции, несмотря на то, что с конца XIX в. проводится систематический сбор мифологических нарративов, начатый еще Н. Политисом (Πολίτης 1904). Вопрос создания единой классификации мифологических персонажей (далее — МП) для разных частей широкого «греческого мира» (*ελληνικός κόσμος*) (Греции, Кипра, Южной Италии, Понта и территорий постсоветского пространства, где проживает грекоязычное население по сей день) остается нерешенным, точно так же, как и для славянской народной демонологии не существует единой классификационной системы, которая позволяла бы четко относить МП к тому или иному классу (см. Толстой 1995; Виноградова-Толстая 1994; Левкиевская 1999). В греческих народных мифологических нарративах при описании персонажей иногда акцентируются определенные признаки, по которым можно «узнать», «опознать» персонажа как демоническое существо, при этом определяющая роль отводится имени мифологического персонажа и его «ключевым» характеристикам, благодаря которым оно может быть отнесено к определенному классу: святочные демоны «каликандзары», демоны судьбы «мойры», женские водные духи-хранители «нерейды» и пр. Однако помимо таких четко определяемых классов существует и категория неопределенных персонажей, объединяемых общим «родовым» именем: «дьяволы», «стихья», «тени» и пр. Так, рассматривая реализацию категории определенности-неопределенности в новогреческой демонологической системе, можно выделить несколько групп мифологических персонажей, расположив их по условной шкале от «определенного» к «неопределенному».

1. **Мифологические персонажи, обладающие максимально определенными характеристиками**, то есть персонажи, объединенные общим именем и набором основных характеристик (внешний облик, свойства, время и место появления, функции и предикаты и пр.), практически одинаковыми для разных областей. К этой категории относятся, например, демоны, наделяющие новорожденного судьбой, предсказывающие будущее (*Μοίρες* ‘мойры’), и примыкающие к ним персонажи, олицетворяющие личную удачу и везение (*Τύχη* ‘удача’); женские персонажи, живущие в море, которые появляются в виде полуженщины-полурыбы, то есть женщины с рыбьим хвостом (*Γοργόνες* ‘горгоны’); персонажи, вредящие роженицам и новорожденным: *Ανεμικές* ‘ветряные’, *Αερίκες* ‘воздушные’; а также духи-персонификации болезней, эпидемий, смерти: *Πανούκλα* ‘чума’, *Χολέρα* ‘холера’, *Βλογιά* ‘оспа’, *Χτικίό* ‘туберкулез’, *Χάρος* ‘харон, смерть’ и др. Характерной особенностью этой категории является то, что все входящие в нее мифологические персонажи выполняют только **одну** главную функцию: «мойры» — предсказывают судьбу новорожденного, «горгоны» — топят проплывающие корабли (согласно поверьям, это утонувшие сестры Александра Македонского, которые останавливают рыбацкие судна и спрашивают, жив ли Александр Македонский), духи-персонификации болезней — заражают людей, Харон — забирает душу умершего в подземный Нижний мир. Эти функции четко закреплены за этими определенными мифологическими персонажами, а их имена в большинстве случаев — «говорящие», то есть имеют прозрачную этимологию, прекрасно осознаваемую носителями традиционной культуры. Такое определенное «говорящее» имя позволяет считать именно этот признак мифологического персонажа одним из его основных идентификаторов. Так, например, демоны с именем *Μοίρα* в любом регионе греческого мира будут иметь идентичные характеристики: женский пол, функция «наделять судьбой новорожденного», время появления — ночь на третий день после рождения ребенка, количественная характеристика (трое), особенности внешнего облика — длинные белые одежды.

Эти «нечистики» относятся к той категории, «которые не склонны к изменению своего внешнего облика, они же, как правило, не склонны к перемене места своего обитания, к перемене своей “прописки”, которая за ними прочно утверждена» (Толстой 1995а: 257).

2. **Мифологические персонажи с меньшей степенью определенности**, объединенные общим именем, но имеющие вариативные локальные характеристики, которые могут как совпадать, так и значительно различаться в разных местных традициях. Обычно такие персонажи обозначаются единым именем условно, по наиболее распространенному, наиболее частотному варианту. К этой категории относятся святочные демоны *Καλλικάντζαροι* ‘каликандзары’, женские духи-хранители воды *Νεράιδες* ‘нереиды’, «ходячий покойник» *βρικόλακας* ‘вурдалак’, дух природного локуса *στοιχείο* ‘стихья’, *Λάμια* ‘ламия’ и др. Этимология имени этих персонажей для носителя традиционной культуры не всегда представляется ясной, а под одним и тем же именем из этой категории могут скрываться МП, сильно различающиеся по остальным признакам (внешнему облику, времени появления, генезису и пр.).

К этой группе относится большинство самых распространенных персонажей новогреческой мифологии. С одной стороны, они обладают достаточно определенными характеристиками, например, вурдалак в новогреческой традиции представляется как покойник, выходящий из могилы по ночам и вступающий в контакт с живыми людьми. С другой стороны, степень определенности этого персонажа может варьировать как в сторону максимальной конкретизации его облика (в записанных нами на о. Крите быличках о вурдалаке по имени Мавригеннис, который имеет определенный внешний облик, соответствующий его прижизненному, а также выполняет конкретные действия, выходящие за рамки его основной функции, например, приходит на свадьбу односельчан и поет им праздничную мандинаду), так и в сторону размывания его характеристик (случаи употребления имени как обобщающего для всех представителей нечистой силы — «*Νεράιδες, καλλικάντζαροι, βρικόλακες*»).

3. В отдельную категорию следует выделить **МП с ослабленной субстанциональностью**, состоящие почти из одного имени, которые, с одной стороны, имеют неопределенный облик, а с другой — выполняют строго определенную функцию. В эту категорию входят преимущественно персонажи-«устрашители», которыми пугают непослушных детей. Самое распространенное имя такого демона в новогреческой традиции — *Μπουμπούλας* ‘бубулас’ со множеством диалектных вариантов, мужского рода: *Μπάμπλας, Μπαμπούλας* или *Μπάμπουλης, Μπούλας, Μπάμπουλης, Παμπούλης, Παμπούλης* *Μπορμπόλακας, Μπουμπος*. Аналогичные имена женского рода: *Μπαμπάλα, Μπομπόλα, Μουμούτα, Μούτα,*

Μωρμό, *Μωρμολύκι*. Только в исключительно редких случаях проясняются какие-то дополнительные характеристики демона. Так, персонаж *Μπόσια*, которым шуточно пугали непослушных детей, представляется в виде мелкого насекомого, а имя *Μαύρος* ‘черный’ (< *μαύρος* ‘черный’) указывает на колоративную характеристику персонажа, в то время как имя *Μονόαυτος* ‘одноухий’ (< *μόνος* ‘один, единственный’ + *αυτί* ‘ухо’) акцентирует внимание на особенности внешнего облика — отсутствию у персонажа одного уха. Вообще же для этой категории характерно отсутствие каких-либо иных признаков, кроме имени — не существует описания внешнего облика, характерных занятий или свойств «бубуласа», есть только его имя и его единственная функция — забирать непослушных детей, которые фиксируются в вербальных формулах: «*Θα σε πάρει ο Μπουπούλας!*» (‘Тебя заберет Бубулас’), «*Θα σε φάει ο Μπαμπούλας, μην κλαις*» (‘Тебя съест Бабулас, не плачь’). «*Πάψε να κλαις, γιατί θα σε φάει η Μουμούτα*» (‘Прекрати плакать, иначе тебя съест Мумута’). Детям говорили: «*Κρύψου κι έρχεται η Μπόσια*» (‘Прячься, а то Босья придет!’). Прочие характеристики МП, кроме имени, указываются только косвенно, и опять же через его имя: *Μαύρος*, *Μονόαυτος*.

4. **Неопределенные, или «родовые», мифологические персонажи с собирательными именами, олицетворяющие «нечистую силу» в общем:** *φαντάσματα* ‘привидения’, *στοιχειά* ‘стихья’ с размытой, неясной характеристикой образа, *κακά πνεύματα* ‘злые духи’, *κακό στοιχειό* — ‘плохой дух’ (Πολίτης 1904: № 565), *δαμόνια* ‘демоны’, *ξωτικά* ‘привидения’, *παγανά* ‘демоны’, *νησκόματα (ησκιώματα)* ‘тени’, *έρμα, αποκορωμένα* ‘проклятые’. В эту группу объединяются персонажи с неясным обликом и неопределенными функциями, а их имена могут применяться в отношении практически любого другого мифологического персонажа, а также являются собирательными для всех персонажей новогреческой системы. В эту же категорию входит и имя *διάβολοι* ‘дьяволы’. Практически всегда такие собирательные имена используются в форме множественного числа и почти все они — среднего рода, что еще больше усиливает признак неопределенности, поскольку размывает возможные гендерные характеристики.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Виноградова, Толстая 1994 — *Виноградова Л. Н., Толстая С. М.* К проблеме идентификации и сравнения персонажей славянской мифологии // Славянский и балканский фольклор. М.: Наука, 1994. С. 16–44.
- Виноградова 2000 — *Виноградова Л. Н.* Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М.: Индрик, 2000.
- Левкиевская 1999 — *Левкиевская Е. Е.* Мифологический персонаж: имя и образ // Славянские этюды. Сборник в честь С. М. Толстой. М.: Индрик, 1999. С. 243–257.
- Толстой 1995 — *Толстой Н. И.* Откуда дьяволы разные // Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. С. 245–249.
- Толстой 1995а — *Толстой Н. И.* Каков облик дьявольский? // Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. С. 250–269.
- Πολίτης 1904 — *Πολίτης Ν. Γ.* Μελέται περί του βίου και της γλώσσης του ελληνικού λαού. Παραδόσεις. Αθήνα: Τύποις Π.Δ. Σακελλαρίου, 1904.

ОПРЕДЕЛЕННОЕ И НЕОПРЕДЕЛЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО В РУМЫНСКИХ ЗАГОВОРНЫХ ТЕКСТАХ

Мария Михайловна Рыжова

*Независимый исследователь (Санкт-Петербург)
mariamih@yandex.ru*

ВВЕДЕНИЕ

Доклад посвящен анализу пространственных обозначений, содержащихся в текстах румынских заговоров, с точки зрения категории определенности-неопределенности.

В качестве основного источникового материала были выбраны тексты румынских заговоров конца XIX — начала XX вв., представленные в собраниях румынских исследователей этого периода С. Фл. Мариана, Е. Никулицэ-Воронка, Э. Ходоша, А. Горовея, а также заговоров румыноязычного населения долины реки Тимок из собраний исследователя К. Санду-Тимока и современных исследователей С. Гацовича и В. Попович. Тексты заговоров, собранные на территории восточной Сербии, находят свои соответствия среди текстов, зафиксированных на территории Румынии, в различных ее областях и за ее пределами, в зонах проживания румыноязычного населения (например, в Северной Буковине и Бессарабии).

Сравнительный анализ показал, что заговоры, бытующие среди романоязычного населения Восточной Сербии, входят в ареал распространения румынских заговорных текстов. Например, во многих заговорах по обеим сторонам Дуная распространены зачины и закрепики заговорных текстов: «A plecat pe cale, pe cărare și a întălnit...» ('Шел по дороге, по тропинке, встретил...'), «Și a rămas curat și luminat, cum Maica Precista l-a lăsat» ('И стал он чист и светел, как Пресвятая Богородица его оставила'). Во многих текстах по обеим сторонам Дуная распространены фрагменты лечебных заговоров, в которых совпадает эпическая часть: идет имярек по дороге, по тропинке и посреди дороги он встречает нечто, что наносит ему вред, например, мифических персонажей или зверей, которые поражают человека — колют, проникают в мозг,

в лицо, уши, глаза, зубы)¹. Имярек начинает кричать, его слышит только Пресвятая Мария, которая спускается по золотой лестнице, берет его за правую руку и начинает с ним разговаривать. Пресвятая Мария спрашивает, почему он плачет, имярек отвечает ей, рассказывая всю историю своего несчастного пути, Божия Матерь его утешает и описывает, как она избавит его от боли.

ПРОФАННЫЕ И САКРАЛЬНЫЕ ЛОКУСЫ В ЗАГОВОРНЫХ ТЕКСТАХ РУМЫНОЯЗЫЧНОГО АРЕАЛА

Пространственные обозначения, встречающиеся в заговорных текстах, можно условно разделить на «профанные» и «сакральные» локусы: «профанные» локусы относятся к местам, расположенным в обыденном мире (О-мир), а «сакральные» локусы расположены в мистическом мире (М-мир) (Гриненко 2000: 195, 197). Пространственные обозначения О-мира и М-мира могут анализироваться как в рамках целого заговорного текста, так и на уровне заговорных формул. Так, например, одна из формул, которую мы встречаем в текстах: «*cruce-n casă, cruce-n masă, cruce-n patru cornuri de casă*» ('крест в доме, крест на столе, крест в четырех углах дома') включает в себя исключительно профанные пространственные обозначения (Sandu-Timoc 1967: 44; Hodoș 1912, 66–67; Niculiță-Voroncă 1903: I, 423–424). Однако, как отмечает Г. В. Гриненко, «оба эти мира так тесно связаны, что точнее говорить о едином О/М мире», кроме того, профанные и сакральные локусы «могут быть частично совместимы» (Гриненко 2000: 196, 197). Одни тексты заговоров могут содержать исключительно обстоятельства места, указывающие на профанное пространство, другие содержат сочетание профанных и сакральных локусов. Так, например, в одном из лечебных заговоров под названием *De obrinteală* ('От воспаления раны') действие происходит в четко обозначенных профанных локусах: в поле, через Черное море, в лесу: «*Într-un câmp mare negru, / Iatră un câne mare negru. / Piste Marea Neagră, / S-aude zbie-rînd o oaie neagră, / În pădure mare neagră, / Zbiară un cioban mare negru*»²

¹ Один из мифических персонажей текстов заговора — многоликий женский демон Самка, а также схожие элементы сюжета заговора описаны румынскими исследователями М. Мазилу, Э. Тимотин в коллективной монографии «Сисиниева легенда в фольклорных и рукописных традициях Ближнего Востока, Балкан и Восточной Европы» (Мазилу, Тимотин 2017: 542–545).

² Фрагмент приведен в оригинальном виде, с орфографией и пунктуацией текста источника (см. подробнее: Sandu Timoc 1967: 38).

(‘В большом черном поле / Лает большая черная собака./ Через Черное Море/ Слышно, как блеет черная овца./ В большом черном лесу/ Кричит большой черный чабан’). В другом лечебном заговоре под названием *De pocitură* (‘От обезображивания’) мы видим объединение профанного и сакрального пространства. Профанное пространство описано в начале текста, когда заговариваемый отправляется в дорогу и встречает сверхъестественные существа, которые причиняют ему вред: «Pleacă Gheorghe pe cale, pe cărare./ Gras și frumos./ Pe la mijloc de cale/ L-a-nfîlnit nouăzeci și nouă/ De săgetături./ Și nouăzeci și nouă/ De pocituri...» (‘Отправляется Георге по дороге, по тропинке / Толстый и красивый. / Посреди дороги встречает девяносто девять / Колик / И девяносто девять / Параличей’)³. И видит его только Божия Матерь, которая находится на небесах (то есть в сакральном пространстве): «Nîma nu l-a auzit./ Decît Maica Precista din ceri/ L-a auzit și l-a văzut./ Pe scara de aur s-a coborît/ De mîna dreapta l-a luat...» (‘Никто его не услышал/ Кроме Божией Матери на небесах/ Она услышала его и увидела./ По золотой лестнице спустилась./ За правую руку взяла его...’ — Sandu Timoc 1967: 38).

Места, по которым в тексте проложен предполагаемый путь героя (заговариваемого), а также такие отмеченные места, как ‘дорога Адама’ (*drumu lui Adam*), ‘Иорданский колодец / источник / река’ (*fântâna lui Iordan*), ‘Божий колодец / источник / река’ (*fântâna lui Dumnezeu*), ‘Колодец / источник / река Солнца’ (*fântâna Soarelui*) — относятся к сакральным локусам, где происходит чудесное исцеление⁴.

ОБОЗНАЧЕНИЕ МЕСТА, МАКСИМАЛЬНО УДАЛЕННОГО ОТ СУБЪЕКТА ЗАГОВОРА

Одним из распространенных элементов заговорного текста является формула, обозначающая расстояние (высокую степень удаленности), характерная для текстов, которые используются в лечебных заговорах и в заговорах для защиты от сверхъестественных существ. Эта словесная формула отсылки, допускающая вариативность: «Unde cocoș nu cântă/

³ Обращает на себя внимание тот факт, что сверхъестественные существа находятся не в мистическом, а в обыденном мире.

⁴ Следует отметить, что слово *fântâna*, эквивалентом которому в русском языке является слово ‘колодец’ (DEX 2009), в конце XIX — начале XX в. могло обозначать ‘место, где течет вода’ (Șăineanu 1929). Поэтому можно предположить, что все три названия — *Fântâna lui Iordan*, *Fântâna lui Dumnezeu*, *Fântâna Soarelui* — относятся к конкретному географическому названию — реке Иордан.

Fată cu costiță nu iubește,/ Cal nu rânchează» («Где петух не поет,/ девушка с косой не любит,/ конь не ржет»), встречается в текстах румынских заговоров, изданных С. Ф. Марианом (Marian 1886), Э. Ходошем (Hodoș 1913), Э. Петровичем (Petrović 1913) и Э. Букуцей (Bucuța 1923). При этом, тексты заговоров, представленные Э. Букуцей в работе «Румыны между Видином и Тимоком» (Bucuța 1923), относятся к тому же региону, что и тексты в работе К. Санду-Тимока, т.е. к области северо-восточной Сербии и западной Болгарии. С. М. Толстая отметила похожую формулу в лечебных сербских заговорах, где перечисляются домашние животные (главным образом в «отрицательных» образах потустороннего мира, куда отсылается болезнь) (Толстая 2015: 323–324; Раденковић 1982: 92).

Кроме того, недуг в лечебных румынских заговорах или заговорах от негативного воздействия отсылается ‘на дно морское’ (*în fundul mării*) (см., например, Marian 1886; Gacović, Popović 2022).

КАТЕГОРИЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ-НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОБОЗНАЧЕНИЯХ ЗАГОВОРОВ

С точки зрения категории определенности-неопределенности пространственные обозначения могут подразделяться на неизвестные и известные субъекту и объекту заговора, т. е. «неопределенные» и «определенные»: *за девяносто девять границ, где огонь не горит, где солнце не встает, в Черном море, на горе Семеник*. Все конструкции, обозначающие пространство в заговорных текстах, включают в себя существительные, которые могут быть представлены как условные знаки, вызывающие в сознании человека определенные образы. Для актуализации условного понятия по трем направлениям — определенности, неопределенности и генерализации — в румынском языке используются артикли и детерминативы (как эквиваленты артикля в плане выражения грамматических категорий существительных) (Репина 2003: 49–64). Однако в текстах заговоров актуализация понятий происходит преимущественно не грамматически, а по смыслу. Для дифференциации категорий «определенное» и «неопределенное» пространство мы руководствуемся следующими критериями: к «неопределенным» относятся те пространственные обозначения, в которых указываются общие признаки, присущие многим локусам. В качестве «определенных» прежде всего выделяются указанные в тексте пространственные обозначения,

в которых проявляются их специфические признаки, отличающие их от других пространственных обозначений.

Профанные и сакральные локусы объединяются общими критериями дифференциации пространственных обозначений, независимо от их принадлежности к О-миру или М-миру. Анализ примеров демонстрирует, что конкретное (т. е. «определенное» пространство) преимущественно обозначается с помощью различных онимов: *путь Адама, река Иордан, гора Семеник*.

Однако в пространственных обозначениях, указывающих на отдаленность от субъекта заговора, таких как «Unde cocoș nu cântă...», проявляется диффузность актуализации понятия: с одной стороны называется неопределенное место (где-то далеко, где не поет петух ...), а с другой стороны — указываются специфические признаки, отличающие их от других пространственных обозначений.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Гриненко 2000 — *Гриненко Г. В.* Сакральные тексты и сакральная коммуникация. М.: Издательский дом «Новый век», 2000.
- Мазилу, Тимотин 2017 — *Мазилу М., Тимотин Э.* Легенда о святом Сисинии в румынской традиции // Сисиниева легенда в фольклорных и рукописных традициях Ближнего Востока, Балкан и Восточной Европы / А. Л. Топорков (отв. ред.). М.: Индрик, 2017. С. 507–552.
- Раденковић 1982 — *Раденковић Љ.* Народне басме и бајања. Ниш: Градина; Приштина: Јединство; Крагујевац: Светлост, 1982.
- Репина 2003 — *Репина Т. А.* Теоретическая грамматика румынского языка. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2003.
- Толстая 2015 — *Толстая С. М.* Образ мира в тексте и ритуале. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015.
- DEX 1998 — *Dicționarul explicativ al limbii române.* București: Univers Enciclopedic, 1998.
- Gacović, Popović 2022 — *Gacović S., Popović V.* Literatura populară a românilor din Serbia de Răsărit. Vol. III. Timișoara: Editura Universității de Vest din Timișoara, 2022.
- Gorovei 1931 — *Gorovei A.* Descântecele românilor. Studiu de folclor. Bucuresti: Regia M. O., Imprimeria națională, 1931.
- Hodoș 1912 — *Hodoș E.* Descântece. Sibiu: Editura “Asociațiunii”, Tipografia arhidiecezană, 1912.

- Marian 1886 — *Marian S. Fl.* Descântece poporane române. Suceava: Tipografia lui R. Eckhardt în Cernăuț, 1886.
- Niculiță-Voronca 1998 — *Niculiță-Voronca E.* Datinele și credințele poporului român adunate și așezate în ordine mitologică. Vol. I. București: Editura Polirom, 1998.
- Petrovici 1943 — *Petrovici E.* Texte dialectale. Suplement la Atlasul linguistic român II (ALRT II). Sibiu: Muzeul limbii române; Leipzig: Otto Harrassowitz, 1943.
- Sandu-Timoc 1967 — *Sandu-Timoc C.* Cîntece bătrînești și doine. București: Editura pentru literatură, 1967.
- Șăineanu 1929 — *Șăineanu L.* Dicționar universal al limbei române. Editura Scrisul Românesc, 1929.

BJESHKË ‘ВЫСОКАЯ ГОРА С ЛЕТНИМ ПАСТБИЩЕМ;
ЛЕТНЕЕ ПАСТБИЩЕ’ КАК ЭПИЧЕСКИЙ ЛОКУС БОГАТЫРЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ ГЕРОИЧЕСКИХ АЛБАНСКИХ ПЕСЕН)

Альвина Венедиктовна Жугра

*Институт лингвистических исследований РАН
(Санкт-Петербург)
ajugra@rambler.ru*

Географическое пространство, в котором живут и действуют герои албанских эпических песен, обширно и разнообразно. Оно включает местность, называемую Краина (*Krahinë*), и находящиеся в ней селения Ютбина и Кладуша. Это «свой», безопасный мир. Противники богатырей — это жители некоего Королевства (*Krajlia*) с городами Сень, Задар, Лика и др. Это «чужой» мир, таящий угрозы и опасности. Между этими мирами располагается область, называемая *bjeshk|ë*, а ‘высокая гора / высокие горы с летним пастбищем’ (FGjSSh) и выступающая в эпосе как основное поле деятельности эпических героев. Пространственный словарь эпоса, при всех его жанрово обусловленных особенностях, имеет в целом ту же структуру, что и словарь волшебной сказки, разработанный на албанском материале Т. В. Цивьян (Цивьян 1975).

Для албанского эпоса *bjeshkë* является очень важным понятием, о чем свидетельствует не только высокая частотность употребления этой лексемы — 411 с/у на 20 000 стихов¹ — но и богатство с ней связанного содержания (грамматического, контекстуального, функционального). В данной статье *bjeshkë* анализируется как элемент пространственной картины эпического мира.

ГРАММАТИКА ТЕКСТА

Лексема *bjeshkë* представлена во всех падежных формах ед. и мн. числа — именит., род., дат., вин. и отл. В качестве предикатов при *bjeshkë* выступают глаголы разных семантических групп, общим числом 40 еди-

¹ Подсчет делался на основе сплошной выборки по публикации (Ерика). При цитировании примеров в скобках указываются номер песни и номера стихов.

ниц. В формах косвенных падежей *bjeshkë* может обозначать: при глаголах передвижения — латив, элатив, локатив, а также маршрут, при глаголах физического и психического воздействия (на кого-л., что-л.) — прямой объект, меняющийся под влиянием внешнего фактора, при глаголах, обозначающих виды человеческой деятельности, — место действия, при глаголах речи — адресат. В форме именительного падежа *bjeshkë* зафиксирована в сочетании с глаголами бытия и глаголами изменения внешнего и внутреннего состояния и обозначает субъект состояния.

Разнообразие контекстов, в которых представлена лексема *bjeshkë*, позволяет увидеть насыщенность этого понятия конкретными большими и малыми физическими «детальями», а также элементами растительного и животного мира. Так, *bjeshkë* обладают камнями и скалами, вершинами, перевалами, обрывами и пропастями, кручами и склонами, пещерами, каменными осыпями, источниками, ручьями, непроходимыми дебрями и лесными полянами, тенистыми местами для отдыха. Растительный мир *bjeshkë* представлен травами, буковыми и дубовыми лесами, кустарниками, животный мир представляют медведи, волки, вороны, кукушки, соловьи.

Bjeshkë как пространственный локус выступает в большинстве случаев без посессивной характеристики, т.е. принадлежность этих гор кому-л./чему-л. остается неопределенной. Тексты показывают, что горы располагаются рядом с селением Ютбина и хорошо известны эпическому герою. *Bjeshkë* видны из окна его дома, они расположены достаточно близко, поскольку звуки происходящих там сражений доносятся до слуха героя, а сами *bjeshkë* исхожены героем от края до края.

Наиболее типичная ситуация — герой выходит из своего селения Ютбина, поднимается в горы, совершает свои подвиги и возвращается с победой в Ютбину. Разнообразные лексические средства подчеркивают, что движение совершается именно вверх: *n'bjeshkë të nalta trimi ka dalë* 'на высокие горы вышел храбрец' (16: 3–4); *Nalt në bjeshkë trimat kur kanë dalë* 'Высоко в горы когда вышли храбрецы' (30: 146–147); *Kur ka dalë n'maje të bjeshkës, aty n'livade kurrkand s'ka gjetë* 'Когда вышел на вершину горы,/ никого на лугу не нашел' (12: 196–197); *e ka marrë bjeshkën përjetë* 'поднялся на гору наверх' (1: 84), а также (9: 212); (12: 57, 109); (30: 145), (42: 118). Семиотически важная оппозиция *verx — низ* представлена подчеркнутым первым элементом, тогда как второй член оппозиции почти отсутствует. Победное возвращение в Ютбину предполагает, казалось бы, движение героя с гор вниз, но об этом сооб-

щается описательно: *kanë marrë rrugën qi çon për Jutbinë* ‘отправились по дороге, ведущей в Ютбину’ (24: 396); а также (6: 488), (12: 380) и др. Единственный случай эксплицитного выражения движения вниз обусловлен особой ситуацией: Муйо в глубокой печали, наказав осквернителя могилы Халилиа, *m’asht ulë bjeshkvet teposhhtë/ edhe në burg trimi ka shkue./ nji vjet zi po don per me majtë* ‘он спустился с гор вниз,/ и в темницу герой отправился, / целый год хочет траур держать’ (74: 178–180).

Зачем герой выходит в горы? Этому есть два объяснения: в сознании эпического героя предназначение *bjeshkë* — служить местом чествования и охоты, которые составляют его повседневные занятия, — такова его связанная с опасностями «будничная» жизнь. Это выражено эксплицитно, в том числе, в словах проклятия, когда герой хоронит своего брата-богатыря: — *Gjoe n’ket bjeshkë kurr mos e gjetët./ as mos dalët kurr çetë n’ket bjeshkë!* ‘Зверь на этой горе никогда пусть не найдется,/ пусть никогда дружина не выйдет на эту гору!’ (11: 14–15), а также (74: 22–25, 56–60). При этом охота, хотя и неоднократно упоминаемая, выступает скорее как фон событий, тогда как о чествовании, этом воинственном промысле богатырей, рассказывается подробно: где происходят поединки, с кем и почему. *Bjeshkë* часто является местом поединка: — *Ti qi je Arnaut Osmani./ je tuj m’pritë për mejdan në bjeshkë* ‘Ты, Арнаут Османи,/ жди меня на поединок на горе’ (12: 164–165); большие пещеры в горах оказываются местом укрытия героев от врагов или от гнева султана, горные родники с прозрачной водой становятся поворотным пунктом развития событий.

Горы хорошо освоены героями, здесь находится их главное богатство — прекрасные пастбища, на которые посягают соседи: *shkjetë* ‘славы’ и *maxharrë* ‘маджары’. Для того, чтобы возвратить эти пастбища, герой отправляется в горы с неприятелем *m’u pre* ‘сразиться’ (19: 149).

ВJESHKË КАК САКРАЛЬНЫЙ ЛОКУС

Важнейшие моменты жизни героя связаны с *bjeshkë*: здесь он получает свою необыкновенную силу, здесь проходит испытания на выносливость и стойкость, наконец, здесь в горах он гибнет в бою и здесь же его хоронят.

Пастушонком Муйо целыми днями бродил по горам (7: 6), пока однажды не случилось ему успокоить двух плачущих младенцев, за что появившиеся вдруг две заны наделили его необыкновенной силой и стал он подобен горной зане (82: 131). Спор и соперничество между братьями

находят свое разрешение также на *bjeshkë*. Герои должны пройти испытание горами: кто дольше продержится без еды и питья, тот и больший богатырь (26: 122–125, 130; 41: 83–85; 84: 86–89; 101: 18–20). Если герой гибнет, а лучшая смерть — это смерть в бою, то хоронят его на *bjeshkë*, чтобы недруги не знали об этом и не осмелели (34). Здесь же хоронят и юного Омера, смерть которого также в некоторых песнях скрывают от матери, щадя ее сердце.

Сами горы проявляют себя в повествовании если не как «персонаж», то как в некоторой степени действующее лицо. Горы реагируют на действия героев, — когда Муйо издает резкий крик, *t'tana bjeshkët përiherë shungllojnë* (19: 179) 'все горы сразу с шумом сотрясаются'; когда ржет богатырский конь, то *të tanë bjeshka â tuj rrenue* (70: 42) 'вся гора разрушается'.

Горы опасны, там имеются обрывы и пропасти, там лавины с грохотом падают вниз, но горы «расположены» к нашим героям, они способны услышать мольбу Халиля — *me ma dejë krejt ata borë* 'растопить весь этот снег' (4: 136) и открыли герою путь через перевалы.

Bjeshkë известны героям во всех своих проявлениях и даже служат им своего рода ментальным ориентиром. Пытаясь понять, что означает увиденный Муйо зловещий сон, Халиль говорит: — *Shum-e ftoftë bjeshka po m'asht,/ qetash asht gjethi tue ra,/ ndoshta andrra s'kallxon gja* (22: 147–149) 'Очень холодной гора мне кажется,/ листва вот осыпается,/ может, сон ничего не значит'.

Подводя итог, отметим полифункциональность *bjeshkë* как одного из эпических локусов, в котором разворачивается (находит локализацию) целый ряд сюжетных ситуаций. Выезд в горы опасен для богатыря, поскольку *bjeshkë* — это пространство между «своим» и «чужим» миром, подобно тому, как в русской былине таким промежуточным, «недоосвоенным» пространством является поле (Неклюдов 2015: 94).

В то же время *bjeshkë* — это хорошо освоенная героями территория, это локус их повседневного бытия, здесь находятся их пастбища, здесь они охотятся, здесь отдыхают, здесь происходят важнейшие события их жизни. Все это побуждает героев считать *bjeshkë* «своей» землей, что проявляется не только в столкновениях с соседями-славами, но и в споре с занами², когда Муйо отстаивает свое право быть хозяином: — *Për*

² Сложные отношения героев с занами в данной статье не рассматриваются. Возможно, в этом эпизоде отражается начало процесса эмансипации героической личности, отмеченный С. Ю. Неклюдовым в отношении богатырской сказки (Неклюдов 2015: 28).

me këndue kush u tha në bjeshkë t'tua?/ Jo, kurkush veç Qeto Bashe Muja
 ‘Кто разрешил им петь на твоих горах?/ Никто другой, как только Чето
 Баше Муѝа’ (65: 167–168).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Неклюдов 2015 — Неклюдов С. Ю. Поэтика эпического повествования: пространство и время. М.: Форум, 2015.
- Цивьян 1975 — Цивьян Т. В. К семантике пространственных элементов в волшебной сказке (на материале албанской сказки) // Типологические исследования по фольклору. Сборник памяти В. Я. Проппа / Сост. Е. М. Мелетинский, С. Ю. Неклюдов. М.: Наука, 1975. С. 191–213.
- Epika — Folklor shqiptar II. Epika legjendare. Vëll. I / Red. Z. Sako. Tiranë: Instituti i folklorit, 1966.
- FGjSSh — Fjalor i gjuhës së sotme shqipe / Kryered. A. Kostallari. Prishtinë: Rilindja, 1981.

РЕАЛЬНОЕ И ИРРЕАЛЬНОЕ (МИФИЧЕСКОЕ)
В БОЛГАРСКИХ НАРОДНЫХ БАЛЛАДАХ
(«МАТЬ ПРЕВРАЩАЕТ СЫНА В ЗМЕЮ / УЖА»)

Ирина Александровна Седакова

Институт славяноведения РАН (Москва)

ised@mail.ru

Из множества болгарских фольклорных произведений, где фигурируют змеи (как животные, так и мифические персонажи), для этого исследования я выбрала баллады¹ с сюжетом «Мать превращает сына в змея/ужа» («Майка превръща сина си в змей/смок»)², которые очень хорошо представлены в народной традиции болгар и, возможно, ею и ограничиваются³. В собрании Т. Моллова (БФМ) фиксируется свыше 200 версий из всех регионов страны, при том что часть опубликованных вариантов в нем не учтена.

Баллады повествуют о том, как свекровь, невзлюбив невестку, решила разлучить ее со своим сыном, для чего приобрела у цыганок магические средства. Невестка, узнав о ее планах, поменялась в постели местами с мужем, и магическому воздействию ночью подвергся ее супруг — он превратился в получеловека-полузмею. Концовка баллад сводится к двум вариантам — муж «излечивается», возвращает антропоморфный облик и жестоко наказывает свою мать или же остается в облике змеи и женится на царице змей.

Заведомо фантастический сюжет об оборотничестве и о мифическом гибридном персонаже основывается на традиционном противостоянии свекрови и невестки, при этом баллады насыщены точными этнографическими деталями. Сопоставление ирреального (мифического) с реальным (бытовым) и анализ представленности этих двух планов в фольклорном поэтическом регистре и являются целью данной работы.

¹ Пояснения к терминологии см. (Седакова 2023).

² В болгарской научной традиции при публикации песен их принято обозначать по первой строке (НПБУМ) или давать им условное название (БНБ).

³ По устному сообщению сербских, румынских и албанских коллег, в соответствующих традициях этот сюжет отсутствует. Ср. также мнение болгарской фольклористки (Беновска-Събкова 1991: 100–101).

Начну с демонологии и с того, что современный читатель, не знакомый с народной традицией, воспринимает как ирреальное (или фэнтези, как это обозначается сейчас в литературе и кино). Превращение молодого мужчины в получеловека-полузмею в архаической народной картине мира и в обслуживающих ее фольклорных текстах отнюдь не считается ирреальным. Это подтверждается тем, что, кроме анализируемых песен, такой мифологический персонаж фигурирует в быличках — то есть в текстах, которые повествуют о «реальных» событиях, случившихся со знакомыми или родственниками. Так, например, в области Монтана записана быличка о том, что одна женщина родила подобного полузмея-получеловека, а другая (ее имя даже указывается — *баба Райна*) такое чудовище выкопала в поле в змеиной норе (Старозагорская обл., ЗЗЛХ 204, 38). Второй рассказ заканчивается констатацией: «Значи сигурно е, че е имало такива змейове навремето» [Значит, это точно, что такие змеи раньше водились]. Более того, рассказ о встрече с полузмеей-получеловеком преподносится как «свидетельство» от первого лица, в интервью, записанном в 2014 г. в Плевенской обл., см. «Видял змий и сайбия» (ЗЗЛХ: 46–50).

Здесь важно отметить, что в русском языке мн. ч. *змеи* не показывает семантических различий (пресмыкающиеся или мифические персонажи), тогда как в болгарском упомянутые выше *змейове* — это змеи-драконы, демоны. Однако, несмотря на морфологические возможности различения ‘змей’ (далее ЗЖ) и ‘змéя’ (далее ЗМ), в народных демонологических представлениях животное и мифологический персонаж нередко смешиваются и не различаются (Георгиева 1993: 109; Беновска-Събкова 1992: 101). Это обусловлено, в частности, тем, что и пресмыкающиеся, такие как контактирующие с землей ЗЖ и связанные с многими мифообразующими поверьями ЗМ, соотносятся с хтоническим, ирреальным. Представления о гадах и змеях как мифических персонажах часто контаминируются, исследуемые баллады подтверждают это положение. Лексика, которой описывается териоморфное существо после превращения, включает и зоологические, и демонологические обозначения: *змей*, *змия*, *смok*. Чаще, однако, используется лексема *змей* с эпитетами *огнен* ‘огненный’, *грамаден* ‘громадный’, *страшен* ‘страшный’, *силен* ‘сильный’, апеллирующими именно к демонологической ипостаси превращенного. В некоторых вариантах фигурируют другие мифические персонажи — трехглавая змея («Я съм станул змия тройголава» [Стал я змеей трехголовой]) и крылатый змей, который

не выползает, а вылетает из дома. Намечаются в балладах также этапы дальнейших метаморфоз, подобно тем, что описаны в прозаических текстах о змеях-драконах, именуемых *хала*, *ламя*, *аждер*: «да сторя девет месеца, / докато ми криле израстат, / в небеса, либе, да хврѣкна, / облаци тѣмни да вода...» [прйдут девять месяцев, пока у меня крылья вырастут, в небеса, любимая, я взлечу, тучи темные я поведу за собой].

По народным поверьям, змея произошла из человека (Маринов 1891: 154); по другим свидетельствам, ЗЖ может превратиться во что и в кого угодно (Барболова 2020: 263), метаморфозы ЗМ почти обязательны во всех фольклорных сюжетах. В балладах описание самого превращения чаще всего опускается, как это бывает в сказках: мать поливает сына отваром, и он просыпается уже человеком-змеей. Лишь в двух известных нам балладах показаны этапы превращения героя: «Стоян се от сѣн събуди — / до коленете пѣстър смок, / от коленете жив челяк, / доде се зора зазори, / по пояс станал пѣстър смок, / от пояс станал жив челяк!...» [Стоян от сна пробудился, до колен он пестрый уж, от колен — живой человек, пока заря загорилась, снизу до пояса стал он пестрым ужом, от пояса вверх стал живым человеком]. Как утверждают болгарские фольклористы, чаще всего после превращения у героя нижняя часть змеиная, а верхняя — человеческая; единичны случаи, когда все тело человеческое, и только голова — змеиная (ЗЗХЛ: 38). Между тем в балладах, при том что доминирует наиболее распространенный териоморфно-антропоморфный вид «заколдованного» сына, встречаются и варианты: нижняя часть человеческая, а верхняя — змеиная, или даже такое сочетание ЗЖ и ЗМ: «Стоян се в змия обърнал, / до пояс змия отровна, / нагоре змей се обръща, / рѣце му — крила змейови, / глава му — глава на змейо...» [Стоян в змею превратился, до пояса змея ядовитая, сверху в змея превратился, руки у него — змеиные крылья, голова у него — голова змея].

Подобная амбивалентность новой ипостаси сына проявляется и в том, как описываются его действия после превращения: он шипит, ползет, извивается как змея; при этом в ряде вариантов он вылетает из дома как змей, но разговаривает как человек.

Перехожу к краткому анализу описаний магической практики, представленных в балладах. Варианты песни в качестве основного намерения матери указывают разлучение сына и невестки, что обозначается глагольными конструкциями со значением ‘разделить’, ‘отделить’, ‘оставить’, ‘возненавидеть’, ‘бросить’. В соответствии с этим она ищет

травы, которые именуются «разлучающими», «разделяющими»: *билки разделни, билчици разделчици, билчици-разделилчици, билки-разделки*; «колдовскими»: *омайно биле*, вызывающими ненависть и отвращение: *билки омразилки, билки отвратни*; «ядовитыми»: *отровни*; «колдовскими» *направилки, върли маджие, тежке маджийне* и др. Нередко свекровь прибегает к «змеиным» травам: *смоково биле, змейови билки, змейничево, змийорно биле*, которые считаются целительными средствами от воздействия разных мифических персонажей (не только змей) и злых сил (Тодорова-Пиргова 2003: 498–500; Георгиева 1991: 117). Использует она и части змеи и других пресмыкающихся: змеиный рог; пепел гадюки; лапки ящерицы; выползок и голову ужа. Результат воздействия этих магических средств описывается предварительно, при получении трав, лишь в единичных вариантах: невестка превратится в трехглавую змею, в обычную змею или в полчеловека-полузмею. Чаще обозначается лишь стремление матери разлучить молодых, для чего и появляется образ змеи, которая вызывает чувства брезгливости, страха и отторжения и материализует метафору физического охлаждения.

В исследуемых балладах конкретный набор трав после собирательного обозначения (*раздели билки*) весьма значителен. Частично он совпадает с теми, что используются в магической практике лечения парня или девушки, которых любит змей, и избавления от него: *синя, бяла (самостръка, едностръката) тинтява, червена (жълта) комунига*; частично это другие травы: *планински син тъжец, овчарската чубрица, теменуга, метлика, чемерица* (Мишев 2020; Стоилов 1921: 164). Важно также, что часть этих трав считается отгонной — именно их боятся ЗЖ (Тодорова-Пиргова 2003: 500). Эти же травы используются в балладах и для обратного превращения героя — возвращения ему человеческого облика. Таким образом эксплицируется амбивалентность «волшебных» реалий, контаминация их функций и многонаправленность.

В балладах описываются обстоятельства изготовления магических средств — варить травы мать должна обнаженной, без головного убора, босой, в полночь, в «непочатой» воде в новом горшке: «Да си бильето увариш, / у къща запустелица, / със вода неначената, / с гърне необжежено, / че влезнеш гола гологлава, / че влезнеш точно полунощ» [Сваришь себе травы в доме заброшенном, на воде непочатой, в горшке необоженном, войдешь туда голая-непокрытая, войдешь ровно в полночь]. Балладная версия полностью совпадает с «этнографической» — той, что воспроизводится в болгарских этнографических описаниях действий знахарок.

Картины демонической метаморфозы, магических практик и др. сопровождаются бытовыми, реальными сведениями из народной традиции, в том числе этикета, соблюдение которого поощряется и приносит героине спасение. Так, невестка как младшая (и как находящаяся в особом иерархическом статусе невестки) вежливо приветствует цыганок, уступает им дорогу, дает им напиток, утверждая, что «вода Божия, пейте, сколько можете». Особо отмечается, что она следует балканским канонам гостеприимства и угощает цыганок в доме сладостями.

В докладе будет подробнее рассматриваться нейтрализация пространственных и темпоральных оппозиций «ирреальное — реальное», «человеческое — нечеловеческое (демоническое, животное)», «свой — чужой» и др. Будут анализироваться и особенности фольклорного регистра, который снимает эти противопоставления, отчасти благодаря тому, что в устном народном творчестве гармонично сочетается невозможное и возможное, а ирреальное вписывается в реальное. Кроме того, этнографические сведения подаются особым образом — часть из них опускается, а часть расширяется по определенным моделям фольклорной поэтики. Так, формулы обозначения локусов небытия, встречающиеся в заговорах, дополняются: «Иди ни бъзе набери, / где-то го вятър не вей, / гдето го слънце не грей, / **гдето го сянка не стига!**» [Иди набери бузины нам, там, где ветер на нее не дует, где солнце на нее не светит, где тень на нее не падает]; «Петкано, либе Петкано, / в гора ме, либе, однеси, / там къде петли не поят, / **къде секира не сече**» [Петкана, милая моя Петкана, в лес меня, милая, отнеси, туда, где петухи не поют, где топор не рубит]. «Опасное», лиминальное время обозначается уникальной, не встречающейся более нигде формулой: «Ни в туй време, ни в онуй» [Ни в то время и ни в это], ср. болг. *никое време* «никакое время». Появляются новые, явно книжные формулы, следующие, однако, традиционным фольклорным образцам: «До полунощ мир и милост, / от полунощ остри ножи, / до полунощ тънка Стана, / от полунощ люта змия!» [До полуночи мир и милость, после полуночи острые ножи, от полуночи тонкая Стана, после полуночи лютая змея!]. Изабилуют и словообразовательные неологизмы в соответствии с поэтическими приемами жанра баллады. Многие термины знахарок и трав-отсушек не фиксируются в словаре традиционной культуры болгар: *многознайница, многопътница, развалница; билки-разделки, билки-усойки, оставни билки, остално, размилно, расколно биле, билки разпарясни*.

Итак, демоническая и магическая темы в балладах не изображаются как ирреальные: грамматика сочетает свидетельские и несвидетельские глагольные формы, реальные и нереальные повороты сюжета помещаются в некий отвлеченно-условный фольклорный хронотоп и описываются типичными поэтическими приемами устного народного творчества со свойственными им лексическими средствами.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Барболова 2020 — *Барболова З.* Энциклопедия на персонажите в българската митология. София: Наука и изкуство, 2020.
- Беновска-Събкова 1992 — *Беновска-Събкова М.* Змеят в българския фолклор. София: Изд-во на БАН, 1992.
- БНБ — Български народни балади и песни с митическо и легендарно съдържание // Сборник за български народоумстворения. София, 1993. Т. 60. Ч. 1, 2.
- БФМ — Български фолклорни мотиви. Т. II / Т. Моллов (съст.). Електронно издание: https://liternet.bg/folklor/motivi/nedko_urochasan/content.htm, проверено 05.02.2023.
- Георгиева 1993 — *Георгиева Ив.* Народна митология. София: Наука и изкуство, 1993.
- ЗЗЛХ — Змей. Змеица. Ламя и Хала: Сборник с фолклорни текстове / Отв. ред. В. Баева. София: Запад и Изток, 2016.
- Маринов 1891 — *Маринов Д.* Жива старина. Етнографическо и фолклорно изучаване на Видинско, Кулско, Белоградчишко, Ломско, Берковско, Оряховско и Вратчанско. Русе: Печатница Св. Кирил и Методий, 1891.
- Мишев 2020 — *Мишев Г.* Поливки — ритуални измивания. София: Shambala, 2020.
- НПБУМ — Народни песни на българите от Украинска и Молдовска ССР. София, 1982. Т. 1–2.
- Седакова 2023 — *Седакова И. А.* Представления о змее в болгарских народных балладах: Этнолингвистика и фольклорная поэтика. 3 // Слово и человек. К 100-летию академика Никиты Ильича Толстого. М., 2023. С. 508–521.
- Стоилов 1921 — *Стоилов П.* Ламите и змейове в народната поезия // Списание на Българската академия на науките. Кн. XXII. Клон историко-филологичен и философско-обществен. 12. София: Придворна печатница, 1921.
- Тодорова-Пиргова 2003 — *Тодорова-Пиргова И.* Баяния и магии. София, 2003.

VARIA

ТЕХНОЛОГИИ ФИЛИГРАНИ
В ЮВЕЛИРНОМ ИСКУССТВЕ СЕВЕРНОЙ МАКЕДОНИИ
НАЧАЛА XXI В.:
ВОСТОК И ЗАПАД, ТРАДИЦИИ И ПОИСКИ НОВОГО

Александр Александрович Новик

*Музей антропологии и этнографии
(Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург),
Санкт-Петербургский государственный
университет (Санкт-Петербург)
njual@mail.ru*

Ювелирное дело имеет давнюю традицию на Балканском полуострове, что обусловлено начатыми еще в эпоху античности разработками залежей полезных ископаемых — прежде всего серебряных руд. В XX в. многие ювелиры на территории современных Северной Македонии, Косово, Албании сохраняли навыки производства украшений, домашней и церковной утвари и проч. в техниках, унаследованных от старых мастеров — речь идет прежде всего о филигрании, ковке, чеканке и гравировке (Tirta 2006). Со второй половины XX столетия под влиянием западного (прежде всего — европейского) ювелирного искусства поиски новых форм и решений привели к инновациям в деле создания украшений из серебра и золота — мастера в своем большинстве разделились на «традиционалистов», продолжающих дело своих предшественников (что касается ассортимента изделий, форм, мотивов и проч.), и «реформаторов», создающих украшения «по новой моде», т.е. развивающих современные тенденции в ювелирном производстве (Новик 2019: 119–133).

В последнее десятилетие в Северной Македонии стали фиксироваться стремления объединить традиционную для региона технику филигрании с новыми формами. Этот факт сам по себе не новый — еще в 1960-е годы Симон Широка (1927–1994) в Косово сумел очень удачно соединить эти две составляющие и добиться признания и европейской славы как выдающийся ювелир-художник. Однако в наше время такие инновационные подходы обрели новое содержание: молодые ювелиры стали применять опыт архитекторов, дизайнеров и разработчиков промышленных пространств и др.

Илл. 1.

Примером может послужить творчество Александры Атанасовской из Скопье (илл. 1). Изучая архитектуру в Университете святых Кирилла и Мефодия в столице Македонии, Александра увлеклась ювелирным искусством. Она прошла многолетнее обучение у двух признанных филигранщиков в Чаршии Скопье (один из них — македонец, второй — этнический албанец), выиграла творческую стажировку в итальянской Флоренции, а затем открыла собственную лавку-мастерскую в старом торговом центре города. Покупателям понравились ее изделия, объединившие старинную технику филигрании и революционно новые формы

серег, колец, подвесок, ожерелий. Среди изделий молодого мастера, к примеру, есть и выполненное из серебра 925 пробы схематическое изображение Старой Чаршии — дань архитектурному образованию. Эта работа выделяется среди других.

Я стараюсь соединить то, чему научилась у старых мастеров, черпающих вдохновение в искусстве Востока, со знанием и опытом, полученными мною на Западе. Мне скучно повторять то, что делали ювелиры до меня. Я хочу добиться своего языка выражения в своей работе. И мне еще нужно многому учиться (АМАЭ 2021а).

Сохранение традиции в новых рыночных отношениях в глобализирующемся мире во многом зависит от умения приспособиться к условиям — в случае Северной Македонии важнейшим фактором является развитие туризма, что вполне объяснимо, учитывая небольшой покупательский потенциал внутри страны. А вот для местного потребителя необходимо создавать нечто новое, так как *свои* уже привыкли к традиционным украшениям в технике филигрانی и не желают покупать исключительно то, что носили их матери и бабушки.

Мои украшения в основном покупают местные, македонцы из Скопье, те, которые знают наши традиции в филигрانی. Они, с одной стороны, хотят приобрести для себя что-то в технике филигрانی, а с другой — не хотят повторений того, что продается ювелирами много лет. У меня как раз такие, новые, украшения: совершенно новая форма, современная, интересная, но и с использованием старой техники — филигрانی. Туристы ко мне не заходят — те, кто приезжают в Скопье, приходят в Чаршию и покупают то, что совсем традиционно. Чаршия на них и рассчитана — я вне общего направления (АМАЭ 2021а).

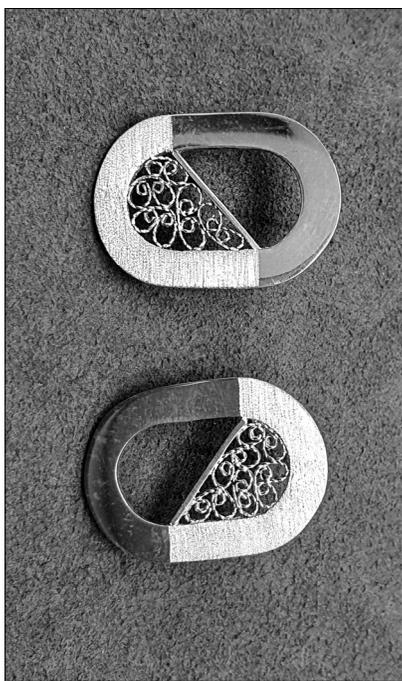
Важная деталь консьюмеринга — отсутствие в последние десятилетия спроса на изделия из серебра среди местных албанцев и турок, что объясняется укоренившимся среди них убеждением в том, что лишь золотые украшения являются надежным вложением и долгосрочной инвестицией, не считая выполняемую последними эстетическую функцию. К слову, приезжающие в качестве туристов турки, бошняки, албанцы из Турции и соседних балканских стран охотно покупают серебряные украшения.

Чтобы открыть свой ювелирный бизнес, Александре пришлось долго учиться. Она проучилась три года у опытного филигранщика, македонца, держащего *дюкян* в Старой Чаршии, переняла его опыт, но, по ее

словам, у нее было впечатление, что мастер не передает ей все тонкости ювелирного дела — ее изделия не получались такими же совершенными, как у него.

Да, он всему меня учил, но оставался осадок, что он что-то не договаривает, сохраняет свои секреты мастерства. Я тогда пошла к другому ювелиру, албанцу. Это опытный мастер. Он с энтузиазмом принялся обучать меня, и ничего не скрывал. Всему, тонкостям работы, я научилась именно у него (АМАЭ 2021а).

Разочарование в архитектурном образовании не перечеркнуло полученные знания: к созданию своих изделий А. Атанасовска подходит с позиций инженера-проектировщика — она не ищет пути воссоздания заданных традицией форм и заполнения их орнаментальными деталями привычных мотивов, а придумывает форму и решает конструктивную задачу соединения нового и старого — воплощает в изделия свои фантазии на тему филиграни (илл. 2).

Илл. 2.

Значительный импульс работе мастеров в Чаршии Скопье был придан, следует признать, политическим событием — визитом в Северную Македонию Верховного представителя Европейского союза по иностранным делам и политике безопасности Федерики Могерини в 2018 г. Главу европейской дипломатии местные политики сопроводили в главное торговое место столицы, показали ювелирную лавку с традиционным ассортиментом и познакомили с ее хозяином — представителем династии филигранщиков Селайдином Асани (илл. 3). Мастер подарил Федерике Могерини, восхищенной красотой традиционных украшений, браслет собственного производства, а затем повесил на стену своего ма-

Илл. 3.

газина совместную фотографию с Ф. Могерини, сделанную во время этого посещения. А для местных ювелиров и их клиентов факт визита высокой гостии стал стимулом для торговых сделок — спрос на украшения, согласно опросам респондентов, вырос. Здесь напрашивается аналогия с событиями полувековой давности — когда приобретение украшений работы Симона Широки супругой югославского лидера Йованкой Тито рекламировало старое искусство филигрании ничуть не меньше, чем его презентация на международных выставках и включение в программы различных фестивалей.

Мастера в Скопье исключительно гордятся своей школой филигрании. Признавая высокие достижения ювелиров Косово, где работает большинство специалистов в этой области, они отмечают формирование самобытной традиции изготовления изделий, фиксирующейся в Северной Македонии в течение достаточно долгого времени, по крайней мере с XVIII в., и развивающейся по своим правилам и законам ювелирного дела: а именно в интерпретации форм, решении технических задач и пр. При этом мастера, как мы уже отмечали, выбирают для себя два вектора для работы: одни неукоснительно следуют в фарватере существующих наработок, другие же стараются привнести в свою работу что-то кардинально новое. Однако и те и другие ни в коем случае не хотят отказываться от достижений своих предшественников — главным образом, что касается самой техники филигрании, в которой они видят символ региональной, надэтнической и надконфессиональной традиции (илл. 4).

Специфика ювелирного дела в современной Северной Македонии — включенность в работу с филигранью как албанцев, так и этнических македонцев. (В Косово, к примеру, подавляющее большинство мастеров, занятых данным трудом — это албанцы, исповедующие как ислам, так и христианство в форме католичества.) Особенно очевидным такой факт становится в последние годы — так, в Скопье, Охриде и Струге филигрань производят как македонцы, так и албанцы. В последние десятилетия первых становится все больше, что можно объяснить экономической целесообразностью занятия данным бизнесом. В те производства, в которые прежде были включены почти исключительно албанцы, приходят македонцы. На западе Балкан наблюдается и гендерная революция — все чаще за рабочим столом ювелира мы можем увидеть женщин (как македонок, так и албанок) (Новик 2021: 234–241). Данный факт самими акторами интерпретируется как открытие ремесла для тех, кому раньше вход в него был закрыт религиозными, ген-

Илл. 4.

дерными, социальными препонами. Приход в ювелирное дело женщин зачастую влияет на технологии филигрانی и весь производственный процесс. Так, к примеру, Марьяна Пипелева из г. Охрида не освоила трудоемкое изготовление глади — вальцованной проволоки — основы всех филигранных изделий, поручив данное занятие своему отцу. Тот, не будучи профессионалом в ювелирном деле, изобрел свой способ: он прокатывает серебряную проволоку между двух бревен, которые своими шершавыми поверхностями расплющивают материал, придавая глади эффект рваной кромки. Из-за такого «брака» филигранные изделия М. Пипелевой получаются словно кружевными, что резко выделяет их на фоне работ других мастеров.

Подытоживая наши тридцатилетние наблюдения, отметим, что производство ювелирных изделий в технике филигрانی претерпевает трансформации, обусловленные вызовами времени, — прежде всего, глобализмом и проникновением в страну новых технологий (АМАЭ: Новик 2021б). При этом филигранное мастерство сохраняет свою актуальность и играет роль маркера главным образом региональной, а также этнической и национальной самоидентификации.

БИБЛИОГРАФИЯ

- АМАЭ: Новик 2021а — *Новик А. А.* Полевой дневник поездки в Северную Македонию. Балканская этнолингвистическая экспедиция. 16–24 октября 2021 г. Автограф // Архив МАЭ РАН. К-1, оп. 2. № 2280. 26 л.
- АМАЭ: Новик 2021б — *Новик А. А.* Отчет об этнолингвистических экспедиционных исследованиях на Балканах (Албания, Косово, Северная Македония). 29 июля — 24 октября 2021 г. Распечатанные компьютерные файлы // Архив МАЭ РАН. К-1, оп. 2. № 2281. 19 л.
- Новик 2019 — *Новик А. А.* Серебряная филигрань в Северной Македонии на рубеже XX–XXI вв. // Кунсткамера. 2019. № 3 (5). С. 119–133.
- Новик 2021 — *Новик А. А.* Македонская серебряная филигрань на рубеже XX–XXI вв. // Ювелирное искусство и материальная культура. Сборник статей. Выпуск 6 / Государственный Эрмитаж; составители В. В. Киджи, И. В. Покачева, Н. В. Царев. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2021. С. 234–241, XXV.
- Tirta* 2006 — *Tirta M.* Etnologjia e shqiptarëve. Tiranë: GEER, 2006.

СПИСОК ИЛЛУСТРАЦИЙ

- Илл. 1. Ювелир Александра Атанасовска. Северная Македония, г. Скопье. 2021 г. Фото А. А. Новика.
- Илл. 2. Серьги. Серебро, филигрань. Ювелир Александра Атанасовска. Северная Македония, г. Скопье. 2021 г. Фото А. А. Новика.
- Илл. 3. Ювелир Селайдин Асани. Северная Македония, г. Скопье. 2021 г. Фото А. А. Новика.
- Илл. 4. Брошь с «македонским рубином». Серебро, филигрань, корунд. Ювелир Селайдин Асани. Северная Македония, г. Скопье. 2021 г. Фото А. А. Новика.

О ПОЭТИЧЕСКОМ ИДИОЛЕКТЕ ЙОРГОСА ХИМОНАСА НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ «ВРАГ ПОЭТА»

Елена Александровна Сартори

*Афинский национальный университет
им. Каподистрии (Афины, Греция)
esartori@slavstud.uoa.gr*

Йоргос Химонас (1938¹–2000) родился в городе Кавала на севере Греции, но детство его прошло в Салониках. Там же он окончил медицинский факультет и по окончании службы в армии уехал в Париж, где получил специализацию в психиатрии и нейропсихологии (1964–1967). В 1966 г. он защитил диссертацию по теме «Сознание, речь и афазия». В 1960 г. вышло в свет его первое литературное произведение под названием «Писистрат», в котором уже очевиден интерес Химонаса к психологии, неврологии, а также к антропологии. Фрагмент из этого текста открывает сборник эссе «Шесть уроков о речи»² (1984), подчеркивая тем самым существование этих параллельных, но и пересекающихся путей: «Наш материал — это две составляющие: телесная и нервная. [...] Хотя и не возможно отследить эволюцию вида по отдельным стадиям, однако когда-то должна была существовать эпоха, одна из древнейших и кратчайших, во время которых человек жил, просто жил, с абсолютно упорядоченными базовыми внутренними функциями, но его связь с другим, внешним миром была, очевидно, враждебной, если вообще и присутствовала, а его чувства должны были быть мертвы... [...] Со временем появляется некий третий элемент — внетелесное, который добавляется в организм. Для их связи необходима новая нервная материя, которая, с одной стороны, упорядочит раздробленные нервные силы, и с другой — примет этот новый элемент, который является не чем иным, как внешним миром в его совокупности. Так зародилось кора, покрывающая и заключающая в себе мозг [...], центр, в котором соединяются внутренний

¹ В некоторых источниках указываются также 1936 и 1939 года.

² «Ἐξί μαθήματα για τον λόγο», в сборник вошли тексты лекций, прочитанных Химонасом для широкой аудитории и основанных на его научных трудах и лекциях на факультете неврологии.

и внешний мир таким образом, что в каждый момент мир одновременно находится и внутри, и вовне, но и по отдельности внутри или вовне»³ (Χεῖμωνάς 1984: 9). Отголоски излагаемых в «Писистрате» идей обнаруживаются и в последнем из девяти опубликованных литературных произведений Химонаса «Враг поэта» (1990).

Химонас — один из самых значимых представителей греческого литературного постмодернизма. Данный этап развития мировой литературы манифестируется в его текстах и на уровне формы, и на уровне содержания. «Враг поэта» — это прозаическое произведение, но и своего рода метапроза, раскрывающая художественный метод Химонаса и обнажающая его научные интересы в области работы мозга и функционирования языка, служащая как бы испытательной лабораторией и учебной аудиторией для читателя. По шкале от самых «неопределенных», с трудом декодируемых художественных текстов автора до его ясно изложенных эссе, «Враг поэта» занимает серединную позицию, чем и представляет особый интерес.

«Враг поэта» — в некотором смысле итоговое произведение Химонаса. Небольшое по объему (приблизительно полтора авторского листа), оно с трудом поддается формальной классификации, поскольку сочетает в себе признаки разных литературных родов и форм. Текст состоит из трех частей, которые, по аналогии с драматическими произведениями, можно обозначить как акты, или действия, делящиеся, в свою очередь, на картины, начинающиеся с новой страницы. Внутри «картин» выделяются параграфы, не соответствующие при этом привычному понятию о параграфе как компоненте текста, характеризующемся смысловой завершенностью и относительно небольшой протяженностью.

Как известно, связный, то есть логичный текст состоит из компонентов (слов, предложений, параграфов и др.), которые хорошо структурированы и соединены вместе. Это положение абсолютно не релевантно для рассматриваемого нами текста. Так, деление на параграфы имеет здесь, скорее, функцию выделения отдельных не имеющих самостоятельного значения эпизодов внутри картин. Например, вторая часть «Врага поэта» представляет собой несколько страниц сплошного текста, четыре пятых которого занимает монолог одного из персонажей, отсутствующего в других частях. Этот монолог, как и другая прямая речь, вводится без выделения знаками препинания, без привычной про-

³ Здесь и далее перевод мой (Е.С.).

писной буквы в начале, выделяясь только курсивом: «[...] и он говорил в момент когда я умирал. Но перед тем и в то время как я готовился. Я решил сначала пойти вновь отыскать того маленького ребенка. Я его встретил когда-то на одном бескрайнем пустынном побережье» (Χετζωνάς 2005: 456). Каждое «действие» трилогии имеет собственное заглавие и отдельный эпиграф: собственно «Враг поэта»⁴ (состоит из трех картин), «Коридор» (одна картина, нет деления на параграфы) и «Помощник погребенных» (две картины). Текст по преимуществу прозаический со вставными стихотворными элементами. Последние представляют собой «чужую речь»: в конце текста приводится примечание автора с указанием источников (стихи современных греческих поэтов Н. Панайотопулоса⁵ и Янниса Сфендилиса⁶, состоящая из восьми строф бретонская баллада о легендарном друиде и барде VI в., отказавшемся принять христианство, ослепленном за это и скончавшемся в тюремном заключении⁷, а также строки из «Илиады» Гомера в новогреческом переводе самого Химонаса).

Вообще, по способу изложения, оформления, благодаря кумулятивности пространственно-временных координат, а также внешней и внутренней (то есть в рамках самого текста трилогии) интертекстуальности «Враг поэта» не вписывается в какой-либо определенный род литерату-

⁴ В оригинале: «Ο εχθρός του ποιητή». Здесь представляется значимым употребление определенного артикля, в связи с чем возникает вопрос, идет ли речь о каком-либо конкретном «враге» и конкретном «поэте», являющимся главным героем произведения, от лица которого ведется повествование, или данные существительные обозначают видовые понятия как составляющие поэтики. Очевидно, что интерпретация заглавия определяет возможности интерпретации всего текста, а также ответ на вопрос: «Кто же этот поэт?», учитывая тот факт, что сам Химонас подчеркивал, что является именно прозаиком.

⁵ Никос Панайотопулос родился в 1945 г. в Афинах. Работал фармацевтом и участвовал в издании литературного журнала *Εκπύβλος*, но с конца 1985 г. сосредоточился на написании единственного «opus incertum» — длинного повествования в верлибре, опубликованного частями и окончательно оформившегося в пятисотстраничном издании *Σύσσημον ή Τα Κεφάλαια* («Условный знак: Главы», 2006).

⁶ В примечании указывается, что инкорпорируемое стихотворение было написано в 1989 г. и входит в неизданный сборник. Информации о литераторе по имени Γιάννης Σφενδύλης в греческих библиографических источниках обнаружить пока не удалось. Можно предположить, что это вымышленное лицо с фамилией, схожей по звучанию со словом *σπόνδυλος* / *σφόνδυλος* («позвонок», «барабан колонны», «маховое колесо»).

⁷ Из примечания автор: «Баллада Гвенк'глана, по записи на французском языке — Barzaz Breif, Th. Hersart de Villemarqué, изд. Frank, Лейпциг, 1846 — и с неоценимой помощью госпожи Иветт Гириен [Yvette Hurién], которая ее устно перевела автору на французский напрямую с бретонского диалекта».

ры. Присущая ему драматургичность тяготеет к кинематографической: события, пересказы снов и видений, отсылки к мифологии и фольклору (греческому и кельтскому); повествование в технике, близкой к модернистскому потоку сознания, с вписываемыми в него пространственными монологами, которые обращены к главному герою-повествователю и поэтому напоминают эллиптические диалоги⁸; яркие визуальные образы и соотнесенность с конкретными историческими и географическими точками (греческие реалии послевоенного периода и конца 1980-х гг., пейзажи Бретани, космополитический Париж, Турция того же периода, но одновременно и архаическая Малая Азия как прародина, где заканчивается посмертный путь героя⁹).

С другой стороны, эти же структурные особенности, а также языковое своеобразие текста (поэтический идиолект¹⁰ Химонаса), наряду со стихотворными вставками, усиливают лирическое начало и музыкальность повествования. Музыка и конкретные музыкальные произведения как значимый элемент сюжета играют важную роль в третьей ча-

⁸ Эти монологи обращены к главному герою. Он как бы «отражается» в них, что подчеркивается частым использованием личных местоимений (особенно 1 и 2 л. ед. ч.), притом что их употребление в греческом языке не является обязательным, если на них не падает смысловой акцент. Иными словами, поэт познает себя через *Другого*, наряду с саморефлексией, продолжая это делать даже после своей смерти.

⁹ «Слабый ветерок подул надо мной всколыхнулась покрывавшая меня земля. Чувства покойников становятся покорным ветвлением природы и я сказал *это дуновение есть облегчение. Мое избавление и моя свобода* ибо ничего не существовало для меня и ничего никому я не был должен за то какой я действительно был за то что мне было дано за то что я пережил. И никакому человеку не было ничего дано. Ничего не было за то какой он действительно есть и то что он пережил не было за то какой он поистине есть. Пришел Дорос и старательно выровнял неподвижные волны земли. Я обратил внимание на его голову когда она ясно вырисовывалась на белом мертвом небе сумерек. Это была идеально греческая голова. Кудрявые волосы и вертикальный лоб. Тонкий прямой нос у основания которого была маленькая горбинка. Маленькие чувственные губы и круглый мягкий подбородок. Тот изгиб соединяющий его с вытянутой шеей и я подумал *так значит греки существуют*. И я почувствовал впервые в жизни и в своей смерти. Впервые я почувствовал землю где я лежал только землю своею» (Χεϊμωνάς 2005: 475–476).

¹⁰ Словосочетание «поэтический идиолект» выбрано по аналогии с понятием «поэтический язык». Этот термин представляется более предпочтительным, чем широко используемый в литературоведении термин *идиостиль*, если принять во внимание новаторство художественных решений автора на языковом уровне. Показательно, что читательская (и литературная) реакция на манеру письма данного автора — как положительная, так и отрицательная — позволила некоторым критикам говорить о созданном им «литературном симптоме Химонаса» (Σχοινά 2012).

сти произведения, описывающей последний путь тела поэта из Бретани в Азию. В парижском метро, где (уже мертвый, но все видящий и слышащий) герой вместе с сопровождающей его сестрой-близнецом Кибелой пересаживаются на поезд в Грецию, играет трио венгерских музыкантов, одетых в концертные фраки. В следующей картине, уже при участии другого женского персонажа — возлюбленной поэта по имени Элени Ксену, во время перевозки тела по морю с острова Родос к противоположащему берегу Турции, на корабле звучат Вагнер, Вивальди, Телеман, но и современные греческие по происхождению композиторы Папатанасиу (по контексту очевидно, что имеется в виду всемирно известный музыкант Вангелис) и Врондос. Как лейтмотив в этой части повествования звучит песня «Epitaph» рок-группы *King Crimson* из транзисторного радиоприемника.

Ощущение музыкальности создается также и благодаря идиолекту Химонаса. Постмодернистская неопределенность и антисистематичность на всех уровнях текста — смешение исторических языковых пластов, графическое оформление, «сдвиги» на фонетическом, морфологическом и др. уровнях, эксперименты с просодией, дробление речи, повторы, синтагматические наслоения (см., например, приведенные выше цитаты) — имеют своим истоком не только принципы этого доминирующего в конце двадцатого века стиля, но и профессиональную научную деятельность автора в области психиатрии и нейролингвистики, и в частности — его фокус на феномене афазии.

Примерно за десять лет до выхода диссертации Химонаса в статье «Два вида афатических нарушений и два полюса языка» Р. Якобсон обратил внимание на необходимость участия профессиональных лингвистов, компетентных в вопросах строения и функционирования языка, в изучении данного вопроса (Якобсон 1990). От анализа двух типов афазии (нарушение отношения подобия и нарушение отношения смежности) исследователь переходит к литературоведческим замечаниям относительно метафорических и метонимических конструкций в фольклорных и литературных текстах, а также их связи с определенными художественными течениями — романтизмом (и символизмом) и, во втором случае, реализмом. Постмодернизм же, как следующая ступень, может быть описан через свое тяготение в сторону «неквалифицируемого, неспособного к репрезентации, что с равным успехом может быть и смертью в жизни, и муками или усталостью в труде, и заиканием или афазией в языке», по словам Ж. Делёза (Делёз 1998).

Химонас использует афатические нарушения как «шаблон» для своего идиолекта. Речь персонажей, включая повествователя, строится в той или иной степени по этой модели в зависимости от ситуативных и психологических характеристик. Это же касается и «чужой речи»: переводя с древнегреческого и французского, Химонас создает свои собственные «квазидialeктные» и «квазиисторические» лексические и грамматические варианты, которые оказываются необязательными даже в одном и том же фрагменте. Язык как бы предстает в своем становлении, а не как законченная форма. Все это вызывает ощущение собственного аграмматизма у читателя и потенциального переводчика и неизбежно выводит последнего из рамок оппозиции стратегий доместицирующего и форе-низирующего перевода, ставя перед ним задачу нахождения способов передачи языковых сдвигов на всех уровнях (морфемном, лексическом, синтаксическом и фразеологическом) при одновременном сохранении образной и смысловой аутентичности и многозначности текста посредством восстановления актуального членения (деструктурированных) предложений как переходного этапа работы.

ΒΙΒΛΙΟΓΡΑΦΙΑ

- Делёз 1998 — *Делёз Ж.* О смерти человека и о сверхчеловеке // Фуко, 1998 [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/read/delyoz_gil/fuko.html#582151 (дата обращения: 22.02.2023).
- Якобсон 1990 — *Якобсон Р.* Два аспекта языка и два типа афатических нарушений // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 110–132.
- Σχοινά 2012 — *Σχοινά Κ.* Σε αναζήτηση του άγνωστου εχθρού / Μια ανάγνωση του έργου «Ο εχθρός του ποιητή» του Γιώργου Χειμωνά, 2012 [Электронный ресурс]. URL: https://www.poeticanet.gr/anagnwsi-ergoy-exthros-poiiti-giwr-gou-a-22.htmlcategory_id=98 (дата обращения: 27.02.2023).
- Χειμωνάς 1984 — *Χειμωνάς Γ.* Έξι μαθήματα για τον λόγο. Αθήνα: ύψιλον / βιβλία, 1984.
- Χειμωνάς 2005 — *Χειμωνάς Γ.* Πεζογραφήματα. Αθήνα: Καστανιώτης, 2005.

KULTURWÖRTER, ERIC LOANS, THE BALKAN SPRACHBUND, AND THE TABOO OF OBSCENITY

Victor A. Friedman

*University of Chicago (Chicago),
La Trobe University (Melbourne)
vfriedm@uchicago.edu*

The year 2023 represents the centenary of Nikolai Trubetzkoy's (1923) original formulation of the Balkan linguistic league (языковой союз), although it was in his (1930) iteration that he specified shared *kulturwörter* as one of its diagnostic characteristics. More recently, Friedman & Joseph (2014, 2023) have proposed the concept of words Essentially Rooted In Conversation (ERIC loans). ERIC loans differ from culture words in that they are typically borrowed conversationally as a result of multilateral, multigenerational, mutual multilingualism, i.e. the conditions that lead to a sprachbund (which we treat as nativized in English, like *pretzel* or *gestalt*). In a sense, ERIC loans are types of culture words, namely those associated with the culture of conversational interaction among speakers. Their connection to Trubetzkoy's conceptualization of the significance of loanwords in recognizing a sprachbund provides a basis for their characterization as being indicative of sprachbund formation. Such conversational loans include kinship terms, numerals, pronouns, adpositions, negatives, complementizers, vocatives, and various discourse elements. Another category of ERIC loans, one that does not receive adequate study because of its nature, is that of taboo expressions, especially obscenities and abusive language.

Taboo language includes, but is not isomorphic with, obscenities. Thus, for example, the Albanian Muslim use of *mish miku* 'meat of the friend' as a euphemism for *mish derri* 'pig meat, pork' involves a taboo (against mentioning an unclean animal) without involving an obscenity. Obscenity is tabooed reference to sexual and excremental areas and activities subject to emotional aversion and inhibition. Words which openly (noneuphemistically) describe the tabooed organs, substances, or actions are tantamount to exposing what should be hidden, and our ability to expose the forbidden by using words gives these words a kind of magical power (Henderson 1975: 1, 7). It is this

ability to uncover what is forbidden, and thus to shock, anger, or amuse, combined with social control, that has inhibited the study of obscenity in the Balkans as elsewhere. Nonetheless, as Henderson demonstrated for Ancient Greek, obscenity has much to teach us about language use, and, in the Balkans, obscenity adds to our knowledge of language history and contact.

In addition to sexual and excretory acts and organs, there are two other categories connected to obscene usage, both of which can be described as *culturally contingent*. One of these — *people & animals* — corresponds to Razvratnikov's (1979) *social institutions and other expressions*. These are terms like *kurva* 'whore', found (*mutatis mutandis*) throughout eastern Europe (ultimately from a feminine ū-stem from Late Common Slavic **kurī*) and the widespread Balkanism *kopile* 'bastard' (of uncertain origin).

A category that overlaps with but is distinct from obscenity is *blasphemy*, which can either be deployed obscenely, or, in some languages, even fulfill some of the functions of sexual or excretory obscenities in other languages. Thus, for example, in Canadian French, *Tabernak!* literally 'Tabernacle' is uttered under circumstances where US English would use *Fuck!*, Polish *Kurwa!*, Russian *Блядь!*, or German *Scheiße!* As Stavyc'ka (2008: 33–34) points out, languages can be characterized by general preferences for references to the sexual, the excretory, or the blasphemous. In this respect, obscenity in the Balkan languages tends to be sex-oriented.

For purposes of analysis, we can identify three core obscenities for Slavic in general, and these constitute the core for the non-Slavic Balkans as well. Evidence for this focus is seen in the Macedonian transcripts of conversations among VMRO-DPMNE politicians and their allies published as *Вистината за Македонија* at Vistinomer (2016) and Prizma (2015). These texts contain numerous obscene expressions, e.g. *з'золижач, гомнојаџици*, etc., all fully spelled out with the exception of three core obscenities, which are sometimes — but not always — slightly censored: *e.e, n...a, k.p*, i.e., *ебе, пизда / тичка, кур*.

Historically, obscenities tend to arise in two ways: 1) by the contamination of an earlier native euphemism, and 2) by borrowing from another language, in which case the quality of obscenity may or may not differ from the source. Both origins are realized within the Balkans and are thus worthy of study. Balkan Slavic obscenity — like Slavic obscenity in general — has a remarkably conservative core, and, contrary to the folk belief shared by all the Slavic-speaking peoples, the core obscenities are not foreign importations but rather direct inheritances from Indo-European and Common Slavic.

In fact, Slavic, including Balkan Slavic, has been a donor of core obscenities to non-Slavic languages, e.g. Balkan Romance *pizdã~kizdã* and Hungarian *picsa*. Of the other two core obscenities in Balkan Romance, *futã* is a direct inheritance from Latin *future*, while *pulã* is a contaminated euphemism from Latin *pullum*. The semantics of *pulã* correspond exactly to South Slavic *kur(ac~ec)*. Note that Bulgarian diverges from the rest of South Slavic in using *nymka* and *xyŭ*. The former (which is also known in eastern Macedonia) may be influenced by Romanian *pușã* (itself an inheritance from Latin), with semantic reversal, although derivation from the root in Common Slavic **pŭtica* has also been suggested (and is more likely for Kashubian *pŭta*). For Albanian, *kar* is apparently a borrowing from Romani, while *pidh* is a dialectal Indo-European inheritance shared with Slavic and Nuristani (Hamp 1968, Mallory & Adams 1997: 507), although at some later date Albanian also borrowed the Slavic as *pizdë*, *pičkë*, etc. Albanian *qij* also appears to be a native inheritance, since Arbërisht has *qinj* and not **qlinj*, so Latin *[in] cŭlino* cannot be the source. Greek obscenities are all native, but *γάμο*, and *μουνί* are both obscenified euphemisms unconnected with Ancient Greek, while in the case of *πούτσος*, although it is derived from the same Indo-European root as AGk *πέος*, is an obscenified nursery word from the o-grade of **pes* rather than a continuation of the original obscenity, which is e-grade. Turkish *am* goes back to Old Turkic, *am* in the same meaning, while *sik* — as both noun and verb — is from OT *sij~sið* ‘urinate, copulate [of animals]’. Romani *kar* already had its referent in Prakrit, while *kuřel* and *mindž* are obscenified inherited euphemisms.

Outside the core, Turkish is a consistent source for all the Balkan languages, and Romani provides items in some languages. Thus, for example, Trk *pezevenk*, *orospu* (older & dialectal *orospi*) and *siktir* are found in all the Balkan languages, although in modern times there is now considerable variation from language, and even from speaker to speaker, regarding whether any given expression is considered very rude, mildly rude, old-fashioned, or obsolete. Romani *mindž* is borrowed into many languages both within and outside the Balkans, but there is considerable variation regarding how well-known the term is in any given language.

From the example of the Balkans, we can say that core obscenities tend to be resistant to borrowing, and usually depend on the obscenification of earlier native euphemisms. Balkan Romance and Albanian both present exceptions, and Slavic plays a role in both languages. From a Slavic perspective, Bulgarian is an outlier within the Balkans, and the possibility of Romance

influence is present but not certain. From an Indo-European perspective, Balkan Slavic, like Slavic in general, is especially conservative (but the West is less so than the South or East, Friedman 2024), although Albanian shares some of this conservatism. It could be argued that the sociolinguistic positions of Turkish, Greek, on the one hand, and Romani, on the other, at opposite ends of a scale of prestige, insulated them from borrowing these terms, while the role of Slavic as donor reflects its relative importance, perhaps as a late-comer vis-à-vis Romance and Albanian. Outside the core expressions, Turkish has an important role, but other languages also participate.

REFERENCES

- Friedman & Joseph 2014 — *Friedman V. A., Joseph B. D.* Lessons from Judezmo about the Balkan sprachbund and contact linguistics // *International Journal of the Sociology of Language* 2014, 226. P. 3–23.
- Friedman & Joseph 2023 (forthcoming) — *Friedman V. A., Joseph B. D.* The Balkan languages. Cambridge: Cambridge University Press.
- Friedman 2024 (forthcoming) — *Friedman V. A.* Obscene language (Obscenity) // Greenberg M. L. (ed.-in-chief). *Encyclopedia of Slavic languages and linguistics* online. Leiden: Brill. 2024. Consulted online on 04 March 2023, http://dx.doi.org/10.1163/2589-6229_ESLO_COM_036293.
- Hamp 1968 — *Hamp E. P.* Albanian *pidh*: Slavic *peizd'á* // *International journal of Slavic linguistics and poetics* 1968, 11. P. 25–26.
- Henderson 1975 — *Henderson J.* The maculate muse: Obscenity in Attic comedy. Oxford: Oxford University Press. 1975.
- Mallory & Adams 1997 — *Mallory J. P., Adams D. Q.* *Encyclopedia of Indo-European culture*. London, Chicago: Fitzroy Dearborn. 1997.
- Prizma 2015 — Комплетен материјал од сите бомби на опозицијата. Published on 17 May 2015. Consulted online 04 March 2023, <https://prizma.mk/kompleten-materijal-od-site-bombi-na-opozitsijata/>.
- Razvratnikov 1979 — *Razvratnikov B. S.* Elementary Russian obscenity // *Maledicta* 1979. 3:2. P. 197–204.
- Ставус'ка 2008 — *Ставицька Л. О.* Українська мова без табу. Київ: Критика. 2008.
- Trubetzkoy 1923 — *Трубцежкой Н. С.* Вавилонская башня и смешение языков // *Евразийский временник* 3, 1923. С. 107–124.
- Trubetzkoy 1930 — *Trubetzkoy N. S.* Proposition 16 // *Actes du Premier Congrès International des Linguistes à La Haye, du 10–15 Avril 1928*. Leiden: A. W. Sijthoff, 1930. P. 17–18.

Vistinomer 2016 — Сите прислушувани разговори објавени од опозицијата (видео/аудио/транскрипти). Published on 23 February 2016. Consulted online 04 March 2023, <http://vistinomer.mk/site-prislushuvani-razgovori-objaveni-od-opozitsijata-video-audio-transkripti/>.

Научное издание

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

**ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ И НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ
В ЯЗЫКАХ И КУЛЬТУРАХ БАЛКАН**

БАЛКАНСКИЕ ЧТЕНИЯ. 17

*Утверждено к печати Ученым советом
Института славяноведения РАН*

Ответственный редактор

И. А. Седакова

Редакторы

М. М. Макарецв,

Т. В. Цивьян

Компьютерная верстка

П. Н. Морозов

Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2014 (КПЕС 2008); 58.11.1 — книги, брошюры печатные

Институт славяноведения РАН

119991, г. Москва, Ленинский просп., д. 32-А, корп. «В»

Адрес электронной почты:

inslav@inslav.ru

Подписано в печать 19.04.2023. Формат 60×84¹/₁₆.

Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная.

Печать цифровая. Усл. печ. л. 10,7.

Объем 11,5 печ. л.

Заказ № 17.

Тираж 500 экз.